

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2020. Том 18, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Прикладная и теоретическая лингвистика

- Бочкарев А. Е.* О псевдоидентификации в русском языке (на примере обозначений человека в русских литературных текстах) 5
- Соловьева Е. А.* Концептуальные особенности французского военного песенного дискурса (корпусное исследование) 13
- Тимофеева М. К.* Опыт использования теории риторической структуры для представления логико-когнитивной организации поэтического текста 28

Славянская и русская лингвистика

- Глазунова О. И.* О счетном значении глаголицы 46
- Кикило Н. И.* История (не)существующего наклонения: *да*-конструкция в македонском и сербском языках (независимый тип) 62
- Кропачева М. А., Литвинова Е. С.* Актуальные вопросы разграничения понятий *просторечие*, *общий жаргон* и *сленг* в русской лингвистике 79

Психо- и нейролингвистика

- Алексеев А. Б.* Политейнмент и влияние его стратегий на языковую личность политика 91
- Колмогорова А. В., Лямзина С. А., Киселев И. Л.* Языковая / речевая биография пациента с афазией как фактор, определяющий специфику процесса его речевой реабилитации 103
- Яковлев А. А.* Системное описание языкового сознания студента: образ самого студента 117

Перевод и переводоведение

<i>Боголюбов А. Ф.</i> Bring Us Deliverance, Spy! (прочтения <i>Марша шпионов</i> Киплинга в условиях информационной войны и пандемии)	132
--	-----

История лингвистической мысли

<i>Палкин А. Д.</i> Неповторимый стиль Льва Владимировича Щербы	154
---	-----

Информация для авторов	167
------------------------	-----

VESTNIK

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2020. Volume 18, № 2

CONTENTS

Applied Linguistics and Theory of Language

- Bochkarev, Andrey E.* Pseudo-Identification in the Russian Language (Human Beings Descriptions in Russian Literary Texts) 5
- Solovyeva, Evgeniya A.* Conceptual Features of the French Military Song Discourse (Corpus-Based Study) 13
- Timofeeva, Mariya K.* Applicability of Rhetorical Structure Theory for Representing Logical-Cognitive Organization of Poetic Texts: Empirical Investigation 28

Slavonic and Russian Languages

- Glazunova, Olga I.* On the Countable Meaning of the Glagolitic Script 46
- Kikilo, Natalia I.* On the Elusive Grammatical Status of *Da*-Construction in Macedonian and Serbian (Independent Type) 62
- Kropacheva, Marina A., Litvinova, Ekaterina S.* To the Issue of Defining and Distinguishing Vernacular, Common Slang and Slang in Russian 79

Psycho- and Neurolinguistics

- Alexeyev, Alexander B.* Politainment and the Influence of Its Strategies on the Language Personality of the Politician 91
- Kolmogorova, Anastasia V., Lyamzina, Svetlana A., Kiselev, Ilya L.* The Language / Speech Biography of the Patient with Aphasia as a Factor Determining the Specific Process of Speech Rehabilitation 103
- Yakovlev, Andrey A.* Systemic Description of the Student's Language Consciousness: Student's Self-Image 117

Translation and Translation Studies

- Bogolubov, Anatoli F.* Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of *The Spies' March* in Time of the Media War and Pandemic) 132

History of Linguistic Thought

- Palkin, Alexei D.* On Distinctive Style of Lev Shcherba 154

- Instructions to Contributors 167

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Alevtina N. Leonova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)
Cand. Sc. (Linguistics), Senior Researcher Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),
Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),
Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. N. Shirobokova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 811.161.1'373

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-5-12

**О псевдоидентификации в русском языке
(на примере обозначений человека
в русских литературных текстах)**

А. Е. Бочкарев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород*

Аннотация

Идентифицировать человека иначе, как через знание отличительных свойств, нельзя. Особый эвристический интерес представляет в этой связи фиксация отклонений от усредненных значений нормы в оборотах вида *не А, а В*, в которых человек уподобляется парадоксальным образом объектам других системных классов – огню, кремню, тряпке, чурбану, жужелице, мыши или тесту. Подобные дескрипции хотя и обладают большей иллокутивной силой по сравнению с простой констатацией свойств, не поддаются проверке на реальное положение вещей. Верифицировать их можно только на соответствие какой-то установке мнения, по каким свойствам квалифицировать человека и каким должен быть в идеале избираемый в качестве вспомогательного объекта образец. В противном случае нельзя понять, почему какой-то человек уподобляется огню, кремню, тряпке, мыши или тесту и на основе каких собственно свойств устанавливается отношение подобия вида $A \equiv B \text{ Def.}$

Ключевые слова

русский язык, идентификация, псевдоидентификация, реидентификация, аксиология, метафора, образец, оценка

Для цитирования

Бочкарев А. Е. О псевдоидентификации в русском языке (на примере обозначений человека в русских литературных текстах) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 5–12. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-5-12

**Pseudo-Identification in the Russian Language
(Human Beings Descriptions in Russian Literary Texts)**

Andrey E. Bochkarev

*National Research University "Higher School of Economics"
Nizhniy Novgorod, Russian Federation*

Abstract

There is no way to identify an animate object other than to describe its specific characteristics which necessarily look like deviations from the normal "average" pattern, named here *paragon*, in which the Axiological Standard of a human group is fixed. Of particular heuristic interest is, in this regard, the logical pattern, often used in Russian for describing such a deviation: *(he / she is) not A, but B*, in which a human creature is being denied the property of being human, but is assimilated to fire, flint, rag, chump, mouse, dough, etc. The variety of descriptions (pseudo-identifications) is explained by his or her need to focus attention on some remarkable feature of person's character, incompatible with the paragon of accepted traits included in it as a result of the evaluation responses of his or her fellow countrymen. Although they have a greater illocutionary force than a simple statement of a deviant property, these identifications cannot be checked for "truth", in particular, for compliance with the "real" state of things. They are pseudo-identifications which can only be verified for compliance with some kind of attitude, defining what properties should be used to qualify a person and what should be the ideal sample selected as an auxiliary object in an ideal scenario.

© А. Е. Бочкарев, 2020

Keywords

Russian language, identification, pseudo-identification, re-identification, axiology, opinion, conceptual metaphor, paragon, evaluation

For citation

Bochkarev, Andrey E. Pseudo-Identification in the Russian Language (Human Beings Descriptions in Russian Literary Texts). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 5–12. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-5-12

Постановка проблемы

Идентифицировать объект иначе, как через знание отличительных свойств, нельзя. Идентифицирующими могут при этом оказаться не только таксономические свойства, по которым задается принадлежность к категории, но и некоторые социально нормированные аксиологические свойства, по которым квалифицируются в данной системе представлений все или почти все представители данной категории. Так, свойства индивида познаются по отношению к некоторой возведенной в абсолют норме, предстающей в когнитивном отображении в виде какой-то извлекаемой из памяти «схемы» [Кант, 1999. С. 178], «мыслимого образца» [Витгенштейн, 1994. С. 113], «инвариантного образа» [Серебренников, 1977], «прототипа» [Rosch, 1976], «конвенционального ментального образа» [Лакофф, 2004. С. 71–72, 149–151] или «образцового представителя категории» [Kleiber, 1990].

Логико-семантический механизм девиантной идентификации человека

По меткому замечанию Н. Д. Арутюновой, целям идентификации объекта служат весьма эффективно и разного рода девиации, «фиксация отклоняющихся явлений и патологических свойств» [1998. С. 307–308] (ср. [Гудман, 1989]) по ту и другую сторону усредненных значений нормы.

Особо примечательны в этой связи обозначения человека, фокусирующиеся на таких индивидуальных свойствах, состояниях и действиях, по которым тот или иной человек отличается в ряду себе подобных от других. В этих случаях идентификация сопровождается, как правило, интерпретацией, призванной прямо или косвенно ответить на вопрос, почему попавший в поле зрения индивидуальный объект не удовлетворяет нормативным аксиологическим свойствам, по которым задается в социальном измерении значение 'быть человеком'.

Такие свойства хоть и не поддаются исчерпывающей формулировке [Арутюнова, 1998. С. 33] (ср. [Лосский, 1991. С. 223–225])¹, воспринимаются как нечто должное в представлении объекта в плане физических, психологических, морально-этических, мировоззренческих и прочих свойств, которыми должен обладать по определению человек, чтобы по праву называться человеком в переменчивом мире жизненных ситуаций, функций и ролей. Так, квалификация индивидуального объекта ставится в зависимость от исторически подвижных аксиологических норм-формулировок типа сознавать свою ответственность: *Быть человеком – значит сознавать свою ответственность* (Нравственный эталон ученого и гражданина), работать: *...а без работы человек – не человек* (А. Львов), не быть тунеядцем: *Никто не должен даром есть хлеба! Нужно быть человеком! Че-ло-ве-ком!* (А. П. Чехов), быть добрым: *...нужно вести борьбу за свое право быть человеком, быть добрым и чистым* (В. Гроссман), относиться к другим, как человек к человеку: *Каждый человек должен быть человеком и относиться к другим, как человек к человеку* (Н. К. Михайловский), быть бойцом: *Быть человеком – значит быть бойцом* (М. Горький), делиться: *...человек может быть человеком, если он дает что-то другим, а дает он, если творит, и начинает творить, если исчезает*

¹ Отсюда затруднения в истолковании выражения *быть человеком* в высказываниях вне контекста. Ср. *Надо быть человеком. – А я что – собака?* (В. П. Катаев), *Трудное это слишком для многих людей занятие – быть человеком* (С. Залыгин); *Не в пример моим лучшим друзьям и знакомым, он стремился быть человеком* (С. Довлатов); *...главное – быть человеком!* (Л. Н. Разумовская); *Я до того докатилась, что перестала быть человеком!* (Т. Тронина); *Сейчас быть человеком не модно* (Е. Велтистов).

«личная заинтересованность» (М. М. Пришвин), быть пронизанным Божественным присутствием: *...быть человеком в полном смысле слова – значит быть пронизанным Божественным присутствием* (митрополит Антоний (Блум)) и проч.

Для фиксации отклонения от нормы особо показателен широко используемый в русском языке оборот *не А, а В* [Шмелев, 1997; Бочкарев, 2014. С. 110–111], в котором оператор отрицания *не* отказывает какому-то индивидуному объекту в свойстве ‘быть человеком’. При этом интерес здесь вызывает не высказывание сомнения в принадлежности к роду человеческому, не колебания в определении бытийного значения в суждениях вида *...зверь не зверь, человек не человек, а какое-то чудище, страшное и мохнатое* (С. Т. Аксаков), а констатация несоответствия аксиологическому нормативу в определениях вида *не человек, а так; не человек, а Бог знает что; не человек, а черт те кто*. Ср. *Ну, одним словом, не человек, а так...* (Г. И. Успенский), *Не человек, а Бог знает что. И у него, наверное, советский паспорт* (В. В. Набоков), *...это и не человек уже, а то, что от него осталось* (З. Прилепин).

Неопределенное *а так (Бог знает что, черт те кто)* требует, безусловно, разъяснения, почему попавший в поле зрения объект не удовлетворяет нормативным требованиям, по которым задается значение ‘быть человеком’. Экспликации служит, как правило, избираемая по случаю дескрипция, поясняющая, чем является «на деле» тот, кого незаслуженно именуют человеком, – олухом: *Ну, одним словом, не человек, а так, больше ничего, олух какой-то* (Г. И. Успенский), обломком: *Тогда уж не человек ты, а так – обломок, из которого даже кола не сделаешь* (И. Ф. Стаднюк), ничтожеством: *...ты не человек, а ничтожество* (Л. Корнешов), сволочью: *Сволочь ты, а не человек!* (К. М. Станюкович), дрянью: *Дрянь, а не человек* (А. С. Грин), извергом: *Да вы изверг, а не человек!* (В. А. Соллогуб), гадиной: *Он гадина, а не человек. На все способен!* (М. Гиголашвили), живодером: *Ты настоящий живодер, а не человек* (В. Постников), кремнем: *Таков был Корнилий Потапович – не человек, а кремнь* (Н. Э. Гейнце), железом: *...не человек – железо!* (А. Терехов), золотом: *Знаете Василия Иваныча? Золото, а не человек* (А. Н. Островский), стеклом: *Добрая, чистая, любящая душа – не человек, а стекло!* (А. П. Чехов), огнем: *...не человек, а огонь, – сказал про него Лука Силыч, – ну и пошло прозвище за оболтусом: Иван Огонь* (А. Белый), скалой: *...не человек, а скала!* (Ф. Д. Крюков), зверем: *...он не человек, а зверь* (Ю. В. Трифонов), животным: *Не человек, а бездушное животное* (М. Баконина), скотиной: *Ну, да ведь и то сказать: не человек, а скотина!* (М. Е. Салтыков-Щедрин), медведем: *Медведь обжорлив, так и человек, когда объедается, не человек, а медведь* (Ф. И. Буслаев), мерином: *Ведь это, я вам скажу, не человек-с, а все равно что упрямый мерин* (Ф. М. Достоевский), боровом: *Это ж не человек, а самый что ни на есть боров* (Б. Можаев), ослом: *Это не человек, а упрямый осел* (Я. Ларри), коньком-горбунком: *Не человек, а какой-то конек-горбунок* (И. Ильф, Е. Петров), волком: *Не человек, а волк, – говорили о нем в деревне* (В. Осеева), собакой: *Я ведь не человек, а пес, собака... паршивая собака... на которую помои льют* (С. П. Подъячев), бультерьером: *Легов не человек, а бультерьер!* (Н. Александрова), сукой: *Нет, это не человек! Это сука, это мерзкая сука!* (Л. Н. Толстой), цепным псом: *А Гаврилов у нас надзиратель, пес цепной, а не человек* (Б. В. Савинков), львом: *Прямо вам скажу – лев был, а не человек!* (А. И. Куприн), жужелицей: *Не человек, а какая-то жужелица получается. – Почему это я жужелица? – обиделся сосед вслух* (Б. Б. Вахтин), бабочкой: *Малинин не человек, а бабочка* (В. Медведев), мышью: *...иначе он не человек, а мышь, которая всего боится* (П. Нилин), слепнем: *Слепень, а не человек, – сказал полковник* (Н. Н. Шпанов), удавом: *Это не человек, а елейный удав, – сказал он, – который хоть через десять лет, но подберется и непременно задушит* (В. А. Каверин), червем: *Разумеется, слабы, – червь, а не человек* (Н. С. Лесков), червяком: *Я для вас не человек, а червяк* (Е. А. Салиас), орлом: *Но вы знаете, мадам, это не человек, а орел* (А. И. Куприн), перекаати-полем: *...потому что не человек он еще, а так – перекаати-поле* (Ю. Казаков), ветром: *Не человек, а ветер* (А. Берсенева), шалтай-болтаем: *...тогда он не человек, а так, шалтай-болтай* (Н. Дубов), сквозняком: *Это не человек. Это какой-то*

сквозняк! (М. Вишневецкая), ходячей энциклопедией: *Профессор, вы не человек, а ходячая энциклопедия!* (В. Постников), ходячим мавзолеем: *Да и не человек вовсе, а воспоминание о человеке – такой ходячий мавзолей* (Н. Дежнев), манекеном: *Но это не человек, это говорящий манекен* (В. Кожевников), куклой: *...прямо не человек, кукла тряпичная* (И. Грекова), машиной: *Это не человек, а машина, и злая машина, когда рассердится* (Л. Н. Толстой), компьютером: *Прямо не человек, а компьютер* (Э. Володарский), роботом: *Робот, ты не человек* (Е. Велтистов), автоматом: *Да уж, – покачал головой Дегтярев, – не человек – автомат* (Д. Донцова), железным шкафом: *Это не человек, это какой-то железный шкаф* (Ю. В. Трифонов), громоотводом: *Просто не человек, а громоотвод* (С. Данилюк), колодой: *Это ж не человек – колода!* (Б. Можаяев), чурбаном: *Чурбан какой-то, а не человек!* (К. М. Станюкович), рухлядью: *...с этой же болезнью я не человек, а рухлядь* (А. И. Куприн), старым грибом: *Люди знали, что он не человек, а просто старый гриб, да и то поганый* (Ф. К. Сологуб), соломой: *Ну, куда ты годишься? Не человек: просто солома!* (И. А. Гончаров), слизью: *Не человек ты, а слизь поганая! Даже смотреть на тебя противно* (М. Бубеннов), комом грязи: *...ты не человек, а ком движущейся грязи!* (В. Т. Нарезный), жвачкой: *Не человек я больше, а какая-то поганая жвачка* (А. И. Куприн), меню: *...не человек, а меню – все, что угодно* (Д. Гранин), тряпкой: *В том-то и горе мое, что я тряпка, а не человек!* (Ф. М. Достоевский), тестом: *Это не человек, это тесто, помилуйте* (И. С. Тургенев), индейкой с трюфелями: *...а для моих зятьев я даже не человек, а просто индейка с трюфелями* (А. Н. Апухтин), пирожком ни с чем: *Так, Потапенко он называл – «пирожок ни с чем»* (Д. Гранин), феноменом: *Словом, не человек, а феномен. «Седьмое чудо света»* (Л. К. Чуковская), перипетией: *Перипетия ты, а не человек* (В. Тендряков), напастью: *Ну, это не человек, а одна напасть!* (В. Липатов), ужасом: *Прямо ужас, а не человек!* (И. Пивоварова), белой горячкой: *Буквально озверел. Не человек, а горячка белая* (Н. Леонов, А. Макеев), язвой: *Не человек, а язва* (Л. Н. Андреев), зельем: *Ну, Арина, и сосед же у нас: зелье, не человек* (В. М. Гаршин), ядом: *Нет, ты не человек..., ты – яд!* (М. Горький), чудовищем: *Вы, сударь, не человек, а чудовище!* (М. Н. Загоскин), оборотнем: *А я уж думал, правду говорят, что вы не человек – оборотень!* (С. Осипов), чертом в ступе: *Старый черт ты в ступе, а не человек* (В. Железников), воплощенным злом: *Не человек, а воплощенное зло, – наконец сказал он* (В. Каверин), дьяволом: *Ты не знаешь его, это не человек, а сам дьявол* (Н. Э. Гейнце), ангелом: *...не человек, а ангел* (М. Е. Салтыков-Щедрин), музыкой: *А? Не человек, а музыка! соловей, порхающий с ветки на ветку!* (А. В. Амфитеатров), чудом: *Чудо просто, а не человек!* (А. Ф. Писемский), мечтанием: *Так, не человек, а мечтание одно* (В. И. Немирович-Данченко).

За исключением оценочных номинаций типа *ничтожество, олух, сволочь, изверг* профилирование свойства, по которому какому-то индивиду представителю рода человеческого отказывают в значении 'быть человеком', не довольствуется, как видно, именованием, а требует обращения к какому-то избираемому по случаю образцу, как если бы отсылка к образцу служила дополнительным аргументом в пользу совершаемой квалификации. Разнообразие в выборе номинации объясняется при этом необходимостью сфокусироваться всякий раз на таком особо примечательном свойстве объекта, которым обладает в наивысшей степени привлекаемый в качестве эталона образец – железо, золото, огонь, стекло, чурбан, тряпка, волк, собака, белая горячка, перипетия, перекасти-поле, жужелица или лев².

Для простоты изложения каждый из приведенных выше примеров можно представить в виде двух последовательно связанных категорических суждений, претендующих в оценке говорящего если не на логическую, то хотя бы на субъективную значимость: (1) *А не есть А* и (2) *А есть В*. Например, (1) *человек не есть человек*, (2) *человек есть огонь (железо, золото, белая горячка, собака, тряпка...)*.

² Поскольку в переходах от меньшей интенсивности к большей совершается амплификация, отсылка к образцу имеет, безусловно, большую иллюкативную силу по сравнению с простой констатацией профилируемого свойства, состояния или действия.

В высказывании (1) в отношении второго употребления лексемы *человек* действует оператор отрицания *не*, так что суждение принимает вопреки непреложному закону тождества вид контрадикторного суждения: *человек не есть человек*. За дезидентификацией следует псевдоидентификация: (2) *человек есть огонь (железо, золото, скала, собака, тряпка...)*. Причем необходимым и достаточным тому основанием служит прагматическая пресуппозиция, что какой-то попавший в поле зрения индивидуальный объект не соответствует нормативным требованиям, которым должен удовлетворять по определению человек, а обладает, напротив, свойствами, по которым его можно определить в терминах, подходящих скорее для огня, железа, золота, собаки или тряпки.

В двузначном исчислении такие определения заведомо ложны, поскольку связанные именные выражения принадлежат к разным системным классам³. Эффект семантической аномалии можно, разумеется, при желании сократить с помощью выражений в функции ограничителя (*hedge*) – компаративной связки *как*, предикативов *подобно*, *похож* и т. п. [Lakoff, 1973; Растье, 2001. С. 175–177] – в перифразах вида *А есть такой, как В*, в которых *А* признается если не тождественным, то хотя бы сходным в каком-то отношении с *В*. Но такого рода преобразования ничего, в сущности, не меняют, а только лишний раз подчеркивают несуразность избираемой дескрипции. В жесткой референции к объектам действительного мира полностью исключается какая бы то ни было реидентификация; если только не предположить существование какого-то возможного мира, в котором человек – не совсем человек, не человек в обычном понимании, а скорее человек-огонь, человек-тесто, человек-тряпка или человек-кремень⁴. В таком случае именное выражение не утрачивает функции указания, но, чтобы совершить референцию к объекту⁵, с которым совместимы указанные семантические предикаты, необходимо примкнуть к соответствующей установке мнения, по которой избираемые дескрипции если не необходимо истинны, то хотя бы сообразны для определения человека как своего рода теста, тряпки или огня⁶.

Подобные дескрипции пусть не поддаются проверке на истинность, требуют осмысления: почему для квалификации человека избирается этот, а не какой-то другой вспомогательный объект. Так, понимая, что означает слово в переносном значении, собеседник вправе переспросить: *Почему это я тесто? Почему это я тряпка? Почему это я мышь трусливая?* – и только затем решать, насколько сообразна в данной прагматической ситуации избираемая по случаю предикатная дескрипция.

За невозможностью буквального понимания истолкование сводится к метафорической интерпретации. В подавляющем большинстве случаев переосмысление суждений вида *не А, а В* состоит в том, что *В*, понимаясь метафорически, обозначает в действительности не сам по себе объект *В*, а скорее свойство объекта *А* быть в каком-то отношении сходным с объектом *В*. «Тем самым, – заключает А. Д. Шмелев, – *В* приобретает предикатный статус, и никакой загадки не остается» [1997. С. 503].

Проблемное суждение действительно перестает быть загадкой при условии соответствующей экспликации. Так, в суждении *не человек, а тесто* смысл присоединенной предикатной дескрипции раскрывается обычно через указание на уступчиво-податливый характер человека, сопоставимый в оценке говорящих с легко поддающимся формовке тестом: *Это не человек, это тесто, помидуйте. Только стоит взять да лепить* (И. С. Тургенев); в суждении

³ В микросемантическом анализе связанные семемы входят в отношение аллотопии по несовместимым родовым признакам: 'одушевленный' vs 'неодушевленный' (человек-железо), 'человек' vs 'животное' (человек-собака), 'человек' vs 'вещь' (человек-тряпка).

⁴ Таким миром можно признать мир художественной литературы и в целом языка.

⁵ Расщепленная референция, в определении П. Рикёра [1990].

⁶ В терминах семантики возможных миров это означает следующее: чтобы осуществить идентифицирующую референцию, некоторый концепт c_1 ('человек') выбирает в качестве интенциональной функции некоторый другой объект, соотносимый в данном контексте мнения с концептом x_1, x_2, x_n ('тесто', 'тряпка', 'кремень'). Так смысл анализируемого выражения определяется как функция (интенсия выражения) от возможного мира, каким является ассумптивный универсум говорящего, к определенным его объектам (экстенсия выражения).

не человек, а бультерьер – через указание на вьедливостъ, сопоставимую с железной хваткой бультерьера: *Легов не человек, а бультерьер! Если он в кого вцепится, то уж зубов не разо-жмет* (Н. Александрова); в суждении *не человек, а громоотвод* – через указание на способ-ность притягивать неприятности, сопоставимую со свойством громоотвода притягивать молнии: *Просто не человек, а громоотвод, притягивающий к себе всякую молнию!* (С. Дани-люк); в суждении *не человек, а огурец* – через указание на внешнее сходство цвета: *Макс стал зеленого цвета, ну просто не человек, а болгарский огурец* (А. Моторов); в суждении *не человек, а золото* – через указание на особо ценимые качества человека, сопоставимые в оценке говорящих с ценностью золота, в том числе трудолюбие: *Работает он от утра до ночи <...> – и в этом отношении он не человек, а золото* (А. П. Чехов), бескорыстность и честность: *Семен Яковлевич – это не человек, а золото, это человек бескорыстный, чело-век брильянтовой честности* (А. И. Куприн), верность: *Есть у нас в губернском правлении советник Дрожжов, золото, а не человек; умрет, а своего не выдаст* (И. А. Гончаров), обя-зательность: *За что ни возьмется, то и сделает* (народная пословица) и проч.

За отсутствием пояснения приходится довольствоваться фоновыми знаниями, по каким именно свойствам человека можно уподобить тесту, огню, кремню, тряпке или чурбану. Причем отбору здесь подлежат не таксономические свойства вспомогательного объекта – теста, огня, кремня, тряпки или чурбана⁷, а востребованные в контексте социокультурные афферентные признаки, по которым вспомогательный объект может служить образцом для фигуральной квалификации того или иного свойства человека⁸. Например, *огонь* для обо-значения человека вспыльчивого, *кремнь* для обозначения человека с твердым характером, *чурбан* для обозначения человека неотесанного и тупого, *тряпка* для обозначения человека слабовольного и бесхарактерного, *ходячая энциклопедия* для обозначения человека широкого кругозора, *перекати-поле* для обозначения человека, постоянно меняющего место жительст-ва, *автомат* для обозначения человека, механистически выполняющего некоторый заучен-ный набор действий, *компьютер* для обозначения человека с особыми вычислительными способностями и проч. В противном случае нельзя понять, почему говорящие прибегают во-преки постулату связности к аллоторпным построениям и как вообще истолковать внешне противоречивые высказывания вида *не человек, а огонь*.

Вместо заключения

Таким образом, широко используемый в русском языке оборот *не А, а В* служит средством реидентификации человека по свойствам, так или иначе уклоняющимся в плане физической, психологической или морально-этической характеристики от усредненного значения нормы. В соответствии с условиями разбираемого оборота вместо экспликации таких свойств в де-скрипциях вида *неуклюжий*, *своенравный* или *безвольный* объект суждения определяется в метафорической проекции по отношению к представителям других системных классов как в чем-то сходный с медведем, тряпкой, кремнем, золотом или огнем.

С точки зрения классической двузначной логики подобные высказывания, пусть они и об-ладают бóльшей иллюкутивной силой по сравнению с простой констатацией свойств, ложны, ибо независимо от приписываемых индивиду свойств человек – не тряпка, не огонь и не медведь. Верифицировать эти идентификации на соответствие «действительности» можно только с опорой на какую-то избираемую *ad hoc* установку мнения, сообразуясь с которой

⁷ Во всяком случае, из утверждения *не человек, а огонь* не следует, что человек горит сродни горючим мате-риалам; из утверждения *не человек, а лев* не следует, что он ходит на четвереньках; из утверждения *не человек, а половая тряпка* не следует, что его можно использовать в качестве лоскута ткани для влажной уборки поме-щения.

⁸ Понимание осложняется, когда привлекаемый в качестве эталона объект не принадлежит к разряду обще-признанных образцов вроде *матраца* для обозначения мужчины: ср. *...в этом вопросе ты не мужчина, а какой-то матрац с пружинами* (А. Львов), *суслик* или *бланманже* для обозначения женщины: ср. *Ведь она не женщи-на, а суслик, суслик!* (П. Д. Боборыкин), *Не женщина, а бланманже* (В. Ерофеев). Отсюда востребованные в кон-тексте пояснения: *...как жена на тебя ни сядет, ты только скрипишь* (матрац).

какой-то индивидуальный представитель рода человеческого признается в каком-то отношении сходным с медведем, тряпкой, кремнем, золотом или огнем. Выбор избираемого по случаю образца может быть при этом либо конвенциональным, т. е. так или иначе кодифицированным в русской языковой картине мира, как, например, в высказывании вида *не человек, а кремень*, либо оценочно-субъективным, как, например, в высказывании вида *не женщина, а суслик* или *не мужчина, а какой-то матрац с пружинами*.

В первом случае условием истолкования служит такое весьма существенное обстоятельство, что для оценочной квалификации человека по свойству твердости характера в русском языке нет иного класса вспомогательных объектов, кроме разве только очень твердого камня с названием *камень*, первоначально употребляемого для высечения огня; во втором – лингвистический и / или прагматический контекст, позволяющий истолковать проблемное высказывание путем актуализации искомого афферентного признака, по которому женщина уподобляется говорящим суслику, мужчина – матрацу с пружинами. За отсутствием такого контекста, заметим, субъективно-оценочная реидентификация оборачивается довольно сильной рефракцией восприятия.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки славянской культуры, 1998. 896 с.
- Бочкарев А. Е. Семантика. Основной лексикон. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2014. 320 с.
- Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
- Гудман Б. А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. Вып. 24: Компьютерная лингвистика. С. 209–258.
- Кант Э. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского; сост., вступ. ст. В. А. Жучкова; примеч. В. В. Васильева, В. А. Жучкова. М.: Наука, 1999. 655 с.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
- Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма // Лосский Н. О. Избранное. М.: Правда, 1991. С. 11–334.
- Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Пер. с фр. А. Е. Бочкарева. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. 368 с.
- Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 416–434.
- Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (Общие вопросы) / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977. С. 147–187.
- Шмелев А. Д. Парадоксы идентификации // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 497–513.
- Kleiber, G. Phrases et valeurs de vérité. In: Martin, R. (éd.). La notion de recevabilité en linguistique. Paris, Klincksieck, 1978, p. 21–66.
- Lakoff, G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 1973, vol. 2 (4), p. 458–508.
- Rosch, E. et al. Basic Objects in Natural Categories. *Cognitive Psychology*, 1976, no. 8, p. 382–436.

Список источников

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>

References

- Arutyunova, N. D.** Language and Human World. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 1998, 896 p. (in Russ.)
- Bochkarev, A. E.** Semantics. The Basic Lexicon. Nizhniy Novgorod, DEKOM, 2014, 320 p. (in Russ.)
- Goodman, B. A.** Reference Identification and Reference Identification Failures. In: New in Foreign Linguistics. Moscow, Progress Publ., iss. 24: Computational Linguistics, p. 209–258. (in Russ.)
- Kant, I.** The Critique of Judgment. Moscow, Nauka, 655 p. (in Russ.)
- Kleiber, G.** Phrases et valeurs de vérité. In: Martin, R. (éd.). La notion de recevabilité en linguistique. Paris, Klincksieck, 1978, p. 21–66.
- Lakoff, G.** Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 1973, vol. 2 (4), p. 458–508.
- Lakoff, G.** Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 792 p. (in Russ.)
- Losskiy, N. O.** The Intuitive Basis of Knowledge. In: Losskiy, N. O. Selected Papers. Moscow, Pravda Publ., 1991, p. 3–334. (in Russ.)
- Rastier, F.** Interpretive Semantics. Nizhny Novgorod, DEKOM, 2001, 368 p. (in Russ.)
- Ricœur, P.** Metaphorical Process as Knowledge, Imagination and Sensation. In: Arutyunova, N. D. (ed.). Metaphor Theory. Moscow, Progress, 1990, p. 416–434. (in Russ.)
- Rosch, E. et al.** Basic Objects in Natural Categories. *Cognitive Psychology*, 1976, no. 8, p. 382–436.
- Serebrennikov, B. A.** Nomination and Matter of Choice. In: Language Nomination (General Problems). Moscow, Nauka, 1977, p. 147–187 (in Russ.)
- Shmelev, A. D.** Identification Paradoxes. In: Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. Linguistic Conceptualization of the World (based on Russian grammar). Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1997, p. 497–513. (in Russ.)
- Wittgenstein, L.** Philosophical Writings. Part I. Moscow, Gnosis, 1994, 612 p. (in Russ.)

List of Sources

National Corpus of Russian Language. URL: <http://ruscorpora.ru/>

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
16.11.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Бочкарев Андрей Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ул. Б. Печерская, 25/12, Нижний Новгород, 603155, Россия)

Andrey E. Bochkarev, Dr. Hab. (Philology), Professor, Department of Literature and Intercultural Communication, Faculty of Human Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (25/12 B. Pecherskaya Str., 603155, Nizhniy Novgorod, Russian Federation)

abotchkarev@hse.ru
bochkarev.andrey@mail.ru
ORCID 0000-0002-9650-8604
SPIN 3213-6724

Концептуальные особенности французского военного песенного дискурса (корпусное исследование)

Е. А. Соловьева

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация

Статья посвящена выявлению основных концептов, структурирующих французский военный песенный дискурс, который рассматривается автором как составной элемент военного дискурса. В последнем могут быть выделены институциональный и неинституциональный типы. Исследование базируется на предположении о том, что между официально регламентированной (уставной) и менее регламентированной частями могут существовать определенные концептуальные отличия. Целью работы стало выявление основных концептов, структурирующих французский военный песенный дискурс, и поиск доминирующих концептуальных отличий между составляющими его частями. Актуальность работы обусловлена ее вкладом в улучшение понимания французской культуры, что в итоге способствует более продуктивному коммуникативному взаимодействию. Применение математических методов позволило объективировать анализ лингвистического материала. Материалом послужили 462 текста солдатских песен, трансформированные в лингвистический корпус, содержащий 88 305 текстоформ. В качестве программного обеспечения использовалась свободно распространяемая платформа ТХМ (версия 0.7.9). Автоматическая морфологическая разметка и лемматизация корпуса осуществлялась при помощи находящегося в открытом доступе анализатора Tree Tagger. В качестве основных текстометрических показателей в работе используются: индекс специфичности (S), показатели частотности единицы в корпусе (F) и в частях разбивки (f), частотности совместной встречаемости и среднего расстояния между единицами. Помимо текстометрических исследований применялся контекстуальный анализ. Автором были выявлены статистически значимые леммы, профилирующие каждую из анализируемых частей корпуса, а также наиболее частотные существительные на уровне целого корпуса, что позволило обозначить доминирующие и основные фоновые концепты как в корпусе, так и в его составляющих. Автором показано, что во французском военном песенном дискурсе актуализируются 8 основных концептов, однако концептуальная структура официально регламентированной (уставной) и менее регламентированной частей имеет отличия, обусловленные особенностями институциональных требований и этосом французских военнослужащих.

Ключевые слова

военный песенный дискурс, корпусная лингвистика, текстометрия, ТХМ, французский язык

Для цитирования

Соловьева Е. А. Концептуальные особенности французского военного песенного дискурса (корпусное исследование) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 13–27. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-13-27

Conceptual Features of the French Military Song Discourse (Corpus-Based Study)

Evgeniya A. Solovyeva

*Southern Federal University
Rostov on Don, Russian Federation*

Abstract

This paper presents a corpus-based empirical research, which uncovers the key concepts structuring the French military song discourse. We view this type of discourse as an integral element of military discourse containing institutional and non-institutional segments. The actualization of statutory relationships is the most striking example of institutionalization. Therefore, we have started our research from the hypothesis that the officially regulated (statutory) and less regulated parts of the military song discourse may manifest some conceptual differences. The selection of this subject is determined by its contribution to understanding the French military's cultural peculiarities, as well as by the lack of exploitations regarding the French military song discourse.

Within the contemporary cognitive paradigm, the designatum is regarded as a pointer to the concept, which allows grasping a concept globally, without reconstructing its elements. Thus, the analysis of lexemes frequency may serve to identify the inherent concepts structuring some kind of discourse.

Using a freely distributed textometric platform TXM (version 0.7.9), we have created a linguistic corpus of 462 texts of French service songs totaling 88 305 tokens. Then, we have divided our corpus into two parts, depending on the statutory belonging of the texts. The statistical scores were calculated by applying the hypergeometric probability distribution law. The analysis of statistically significant lemmas has permitted to draw the lexical profile of each part and to identify thereby the most specific concepts. Moreover, we have complemented our research by routine frequency and contextual analysis in order to reveal the additional basic background concepts. Our study leads us to the conclusion that the French military song discourse foregrounds 8 main concepts, but the conceptual structure of each part reveals some differences due to the specifics of the institutional requirements and the military ethos.

Keywords

military song discourse, corpus linguistics, textometry, TXM, French language

For citation

Solovyeva, Evgeniya A. Conceptual Features of the French Military Song Discourse (Corpus-Based Study). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 13–27. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-13-27

Введение

Антропологический поворот в лингвистике обуславливает возрастающий интерес к изучению песенных практик, свойственных различным культурам и социальным группам. Как справедливо отмечают исследователи, песня является дискурсивным феноменом, преломляющим реальность в воображаемых образах [Gaulin, 1995; Groccia, 2015]. Песенный дискурс имеет сложную структуру, он содержит значительное количество дополнительных семиотических и культурных кодов, которые вместе с песенным текстом формируют совокупную композицию, основанную на взаимодополняемости составляющих элементов. По той же причине композиционной гетерогенности, песенный текст рассматривается некоторыми отечественными учеными как разновидность «креолизированного текста» (см., например: [Ворошилова, 2013. С. 28–29]). Однако данный термин не является общепринятым и вызывает обоснованные возражения, поскольку создает сложную понятийную «игру», затрудняющую взаимопонимание между лингвистами разных стран [Фефелов, 2018. С. 15]¹. Поэтому в работах отечественных исследователей взаимодействие между вербальным и невербальными компонентами дискурса также актуализируется при помощи термина «образ-смысл» [Горшкова, 2019; Горшкова и др., 2014]. Одним из близких аналогов данного понятия

¹ URL: http://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNDE3Mw/cGFnZTAwMDAw&q=#{simple_query}?collectionHandle=Site

в современной западной лингвистике может служить термин «иконотекст» (*iconotexte*), который в своей первичной трактовке репрезентирует коммуникативную сопряженность текста и визуального образа, выражающих единый смысл [Nerlich, 1990. P. 255–303]. Кроме того, для характеристики данного феномена зарубежные исследователи прибегают (вслед за Р. Якобсоном) к термину «гетеросемиотический» (см., например: [Ruthrhof, 2015. P. 72–84]).

В настоящее время наблюдается тенденция к статистической объективизации анализа лингвистического материала. Корпусная лингвистика является эмпирическим направлением, интенсивно развивающимся на основе математико-статистических и компьютерных методов обработки речевого (текстового) материала. В наиболее общем виде лингвистический корпус может быть определен как «совокупность аннотированных текстов, структурированных внутренней связностью» [Garric, Longhi, 2012. P. 4]. Во Франции все более широкое признание получает текстометрический подход. Термин «текстометрия» французские исследователи обычно понимают как синонимичный понятиям «логометрия» или «лексикометрия». Он включает в себя использование автоматизированных методов, позволяющих сегментировать оцифрованный текст и проводить его контрастивный, количественный и качественный анализ [Pincemin, 2012; Leblanc, 2016; Lebart et al., 2019].

Кроме того, язык не рассматривается более как изолированный феномен. Современные исследования ведутся на перекрестке нескольких научных дисциплин. Ввиду распространения когнитивной парадигмы наиболее часто для обозначения ментальной единицы, позволяющей человеку категоризировать реальность, используется термин «концепт». Ученые полагают, что концепты представляют собой ментальные структуры, которые служат для интерпретации и категоризации опыта человека, а также для его связывания с предшествующим знанием (см., например: [Hampton, 2001. P. 176]). В настоящее время начинает превалировать мнение, что между концептом и языковыми единицами «складываются не отношения тождества, а отношения “вербализуемое – вербализатор”» [Кравцов, 2016. С. 108], при этом означаемое (*signifié*), рассматривается как указатель на концепт, позволяющий постигать концепт в целом, без необходимости реконструировать все его структурные элементы [Diki-Kidiri, 1999, p. 579]. Отсюда следует, что анализ частотного профиля лексем может служить инструментом, дающим возможность выявлять доминирующие концепты, присущие тому или иному виду дискурса. В совокупности с концептуальным, контекстным или дискурсивным анализом данное направление исследований представляется весьма перспективным, поскольку применение строгих статистических методов позволяет объективировать лингвистические наблюдения и выявить скрытые связи и закономерности функционирования языка.

Данный подход особенно актуален при анализе различных типов дискурса, включая французский солдатский песенный дискурс, который наиболее широко представлен песенным репертуаром сухопутных войск.

Военный песенный дискурс как составляющая военного дискурса

Солдатская песня составляет неотъемлемый атрибут военной службы. Она сопровождает солдат в походе и на параде, в моменты отдыха и досуга. Однако солдатский песенный дискурс в устной и письменной формах не существует изолированно, он является составным элементом военного дискурса, в котором могут быть выделены институциональный и неинституциональный типы [Уланов, 2014. С. 57; Oger, Ollivier-Yaniv, 2003. P. 127]. Институциональный тип дискурса актуализирует коммуникацию представителей вооруженных сил как социального института. Наиболее ярким проявлением институционализации является реализация уставных взаимоотношений в воинском коллективе. Неинституциональный тип военного дискурса подразумевает преимущественно неофициальную, разговорно-бытовую коммуникацию военнослужащих, характеризующуюся заметным субъективизмом и активным использованием военного арго.

В настоящее время в Вооруженных силах Французской Республики отсутствует строгая регламентация песенных практик, единая для всех родов и видов вооруженных сил. Песенный репертуар во многом определяется опытом и традициями конкретного подразделения. Предпринятая в 1980-х гг. попытка упорядочивания и регламентации привела к появлению Песенного сборника Сухопутных войск (*Le TTA 107, Carnet de chants de l'Armée de Terre*), который претерпел два издания, но так и не стал единственным источником песенного дискурса в Сухопутных войсках Франции. Несмотря на то что данный сборник имеет уставной характер [Jolivet, 2012. Р. 18], наряду с ним существуют дополнительные песенники, репертуар которых изменяется от одного подразделения к другому.

В целом солдатский песенный репертуар крайне неоднороден по происхождению, содержанию и времени возникновения [Bouzard, 2006. Р. 3]. Его составляют тексты различных жанров: патриотические (*chants patriotiques*), традиционные (*chants de tradition*), маршевые (*chants de marche*), бивуачные (*chants de bivouac*) и застольные песни (*chants de popote*).

Гипотезой нашего исследования послужило предположение о том, что между официально регламентированной (уставной) частью военного песенного дискурса и его менее официальной составляющей могут существовать определенные концептуальные отличия, обусловленные особенностями институционализации.

Целью работы стало выявление основных концептов, структурирующих французский военный песенный дискурс, и поиск доминирующих концептуальных отличий между составляющими его частями.

Несмотря на наличие исследований, посвященных анализу культурных особенностей и стереотипов, эксплицированных во французских солдатских песнях [Paveau, 1999; Poussin, 2014], мы не выявили публикаций, сфокусированных на детальном описании и исследовании концептуальной структуры современного французского военного песенного дискурса. Заявленная тематика представляется актуальной, поскольку вносит вклад в улучшение понимания французской культуры, что в итоге способствует более продуктивному коммуникативному взаимодействию.

Материалы и методы исследования

Материалом для изучения послужили доступные тексты солдатских песен, представленные на специализированных сайтах², включая входящие в перечень Песенного сборника Сухопутных войск [Poussin, 2014. Р. 365]. Общий объем эмпирической базы составил 462 текста, которые были преобразованы в исследовательский корпус, содержащий 88 305 текстоформ. Несмотря на небольшой объем корпуса, мы рассматриваем его как достаточно репрезентативный, поскольку он включает основную часть песенного репертуара, используемого во французских вооруженных силах в настоящее время.

Исследовательский корпус был разбит на 2 части. Первую часть (*tta107*), объемом 13 838 текстоформ, сформировали тексты песен, включенные в перечень уставного песенного сборника, а во вторую (*non-tta107*), объемом 74 467 текстоформ, вошли тексты песен, которые не упоминаются в официально рекомендуемом перечне.

В качестве программного обеспечения была использована свободно распространяемая модульная платформа ТХМ (версия 0.7.9), разработанная специалистами лаборатории IHRIM³. Платформа обладает широким набором функций и значительным исследовательским потенциалом [Лаврентьев и др., 2018]. Интересным статистическим показателем, предлагаемым разработчиками платформы, является вычисление индекса специфичности (*S*), который позволяет математически оценить «необычность» полученной частотности лексической единицы (*f*) в части разбивки корпуса. Он принимает положительные значения в случае

² URL: [Carnet de Chants/](#); URL: [Chants militaires](#); URL: [Musique-militaire.fr/](#).

³ URL: [Textométrie/](#).

вероятностно значимого возрастания частотности элемента в исследуемом фрагменте корпуса и отрицательные в случае ее вероятностно значимого уменьшения. В качестве порогового значения разработчики принимают индекс специфичности ± 2 . Значения частотности, имеющие индекс специфичности, представленный числом менее 2, рассматриваются как незначимые. Математической базой для вычисления индекса специфичности является гипергеометрическое распределение вероятностей. Обоснование целесообразности его применения в текстометрических исследованиях и формулы вычислений изложены в базовых работах П. Лафона [Lafon, 1981], Л. Лебара и А. Салема [Lebart, Salem, 1994].

Ввиду небольшого объема корпуса и неравномерности его частей нами был принят уровень индекса специфичности ± 4 , который означает, что если бы распределение было случайным, то в исследуемом фрагменте корпуса в 99,99 % случаев наблюдался бы более низкий или более высокий показатель частотности анализируемой лексемы. Другими словами, при $S = \pm 4$ вероятность случайной реализации наблюдаемой частотности составляет 1/10000. Соответственно достигается статистическая значимость результата с порогом ошибки 0,01 %. Кроме того, мы исключали из анализа наблюдения, если изменение частотности объяснялось многократным повторением лексемы в пределах одного или двух текстов. Идентичные припевы песен воспроизводились однократно. В некоторых случаях графическое оформление текстов, характерное для разговорного или просторечного стилей речи, потребовало дополнительной текстовой коррекции для оптимизации подсчетов и лемматизации.

Также мы исследовали показатели частотности единицы в корпусе, частотности совместной встречаемости и среднего расстояния между единицами. Анализ совместной встречаемости лексем дает возможность выявить неслучайное сочетание лексических единиц. Для этих целей также привлекается показатель S , вычисляемый в границах заданного фрагмента наблюдения (обычно $+10/-10$ слов контекста ключевого слова). Инструмент «Прогрессия» (Progression) позволяет проследить эволюцию употребления элемента на протяжении всего корпуса. Автоматическая морфологическая разметка и лемматизация корпуса осуществлялась при помощи находящегося в открытом доступе анализатора Tree Tagger⁴. Помимо текстометрических исследований в работе применяется контекстуальный анализ.

Концептуальная структура французского военного песенного дискурса

Контрастивное исследование позволяет выявить лексику, профилирующую части разбивки корпуса, и получить представление о доминирующих в концептах, специфичных для анализируемой части. Наблюдения показывают, что в первой части (tta107) выделяются 4 специфичные леммы, имеющие повышенную частотность (табл. 1, рис. 1).

Контекстный анализ свидетельствует о том, что, несмотря на наличие национального гимна Франции и некоторых патриотических песен, данная часть песенного дискурса лишена яркого патриотического пафоса. На передний план выступают мотивы прощания и эмоциональных привязанностей. Темы родины и воинской службы имеют преимущественно фоновый характер. Рассмотрим в качестве примера «*Adieu mes parents, mes amis / Toutes mes fautes je les ai expiées / Au premier étranger cavalerie*» («Прощайте, родители и друзья / Все мои ошибки я искупил / В первом иностранном кавалерийском») («*Chant du 1er régiment étranger de cavalerie*»). Отметим, что лемма *ami*, актуализирует в контекстах как друга, так и подругу.

Лемма *beau*, выражающая субъективную оценку, связанную с эмоциональными переживаниями, может встречаться в текстах не только в виде прилагательного, но и в виде существительного *la belle* (красавица) или входить в состав наречных конструкций.

⁴ URL: CIS projects/.

Таблица 1

Специфические леммы для части разбивки tta107

Table 1

Specific lemmas for the tta107 part

Лемма	Перевод *	Частотность в корпусе (F)	Частотность в части разбивки (f)	S
<i>adieu</i>	прощай	71	42	+16,1
<i>para</i>	апокопа «парашютист»	79	33	+7,6
<i>ami</i>	друг	80	33	+7,4
<i>beau</i>	красивый	210	64	+7,3

* Здесь и далее перевод наш. – Е. С.

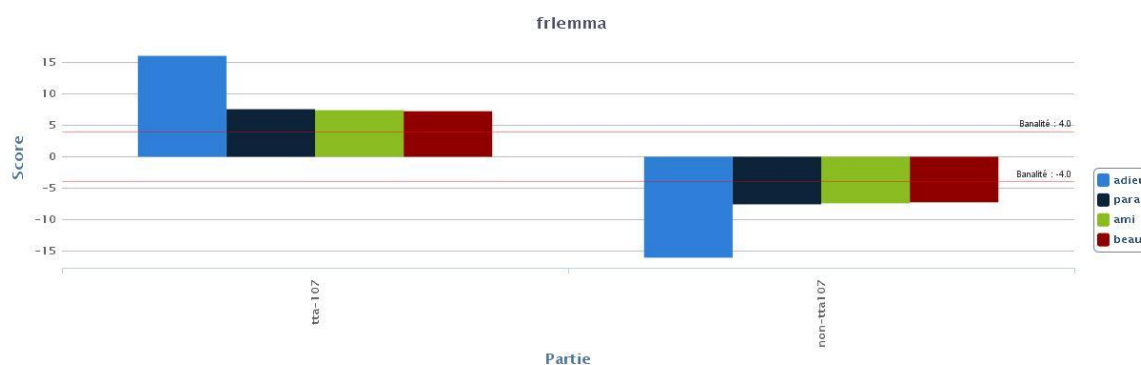

Рис. 1. Специфические леммы в части разбивки tta107

Fig. 1. Specific lemmas in the tta107 part

«Si j'm'en vais en guerre sur l'onde, / *Adieu la belle*, ton serviteur» («Если я уплыву на войну, / Прощай, красавица, твой слуга») («*Adieu ma charmante blonde*»).

«Nous n'aimons ni les fous, ni les tristes / Et c'est *beau* de lutter à vingt ans <...>» («Мы не любим ни сумасшедших, ни печальных / Хорошо драться в двадцать лет») («*La fille*»).

Усеченная лексема *para* во всех случаях представляет собой типичную для военного аргю апокопу слова *parachutiste*, полная форма которого встречается гораздо реже. Данная апокопа была корректно интерпретирована анализатором как отдельная лемма, присутствующая в формах единственного (*para*) и множественного (*paras*) числа. Для удобства подсчета во всех случаях мы заменили лексемы *parachutiste* и *parachutistes* на соответствующие усеченные формы. Процитируем, сохраняя оригинальное начертание:

«Ils gagnent toutes leurs batailles / C'est la loi des *paras* / Loin des tiens, loin des villes / Souvent tu partiras / Loin de ta tendre *amie* / Toujours tu lutteras» («Они выигрывают все сражения / Это закон парашютистов / Далеко от своих близких, далеко от городов / Уходить ты будешь часто / Вдали от своей нежной подруги / Сражаться ты будешь всегда») («*Dans la brume et la rocaille*»).

«*Parachutiste*, vois le ciel est clair / Serre les dents, il est temps de sauter» («Парашютист, смотри небо чистое, / Стисни зубы, время прыгать») («*Debout les paras*»).

Кроме того, в текстах анализируемой части разбивки присутствуют элементы юмора: «Surtout les sorains, n'oubliez pas le *pépin*, / Car là-haut y a pas de magasin» («В первую очередь, приятели, не забывайте парашют, / Так как наверху нет магазина») («*Debout les paras*»).

тим, что в современном военном аргументе лексема *répin* (досл. зернышко, семечко) актуализирует парашют. Репрезентация носит метафорический характер и связана с аргументом «штатских», в котором она имела значение *зонтик от дождя* [Cassagne, 2007. Р. 325; Colin et al., 2001. Р. 600].

Анализ совместной встречаемости единиц в корпусе свидетельствует о том, что наиболее специфичная для части разбивки *tta107* лемма *adieu* часто сочетается сама с собой (*S+69*; среднее расстояние 2,3). Это связано с тем, что в различных текстах песен наблюдается ее рекуррентное повторение. Приведем в качестве наиболее демонстративного примера: «*Ô belle ville, ô toi que j'aime / Adieu! adieu! adieu! / Au vieux beffroi, clocher fidèle / Adieu! adieu! adieu!*» («О, прекрасный город, который я так люблю / Прощай! Прощай! Прощай! / Старая башня, верная колокольня / Прощай! Прощай! Прощай!») («*En avant parcourant le monde*»).

В целом можно утверждать, что часть разбивки *tta107* связана с такими доминирующими концептами как *РАССТАВАНИЕ* и *ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИВЯЗАННОСТИ*.

Во второй части разбивки корпуса (*non-tta107*) выделяются 3 ключевые леммы (табл. 2, рис. 2).

Таблица 2

Специфические леммы в части разбивки *non-tta107*

Table 2

Specific lemmas in the *non-tta107* part

Лемма	Перевод	Частотность в корпусе (<i>F</i>)	Частотность в части разбивки (<i>f</i>)	<i>S</i>
<i>votre</i>	ваш (ваша)	388	365	8,5
<i>officier</i>	офицер	121	118	7,6
<i>honneur</i>	честь	168	161	5,6

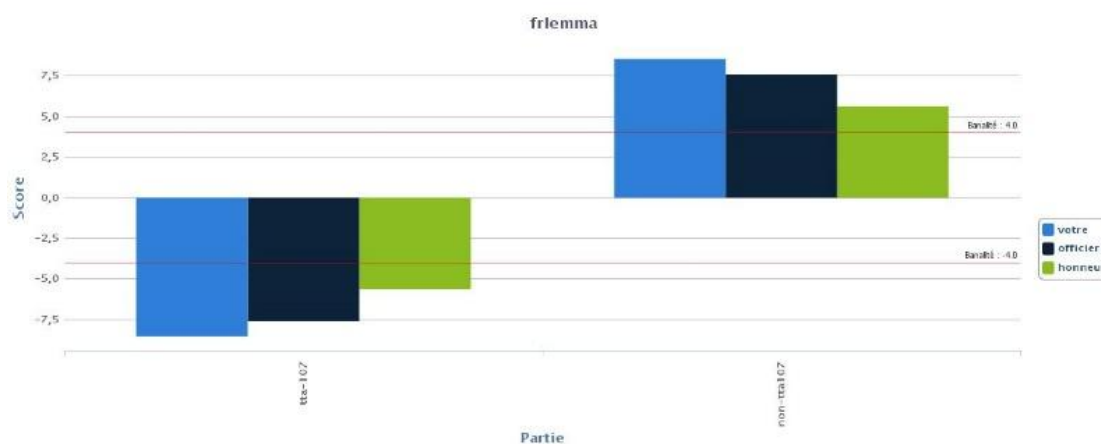

Рис. 2. Специфические леммы в части разбивки *non-tta107*
Fig. 2. Specific lemmas in the *non-tta107* part

Притяжательное прилагательное *votre* часто выступает дейктическим элементом, который маркирует уважение и почитание старших по званию и более опытных военнослужащих. «*Héros légendaire, guidez-nous en paix, en guerre, / Et pour la gloire de la France, nous porterons, honneur immense, / Votre nom, lieutenant Nungesser, fier officier, chef exemplaire*». («Легендарный герой, указывайте нам путь во времена мира и войны, / И во славу Франции мы будем

нести великую честь, / Ваше имя, лейтенант Ненжессер, гордый офицер, образцовый командир») («Lieutenant Nungesser»).

В значительной степени данный факт связан с тем, что для французской воинской культуры характерна традиция «наставничества» (*parrainage*). Выпуски некоторых военных школ, а также отдельные подразделения нередко получают имя в честь своего «почетного наставника», который метафорически репрезентируется как *parrain* (досл. крестный отец) или *marraine* (досл. крестная мать). Обычно им становится боевой офицер (историческое лицо или современник), отличившийся своими ратными свершениями. Его биография служит образцом для подражания и вдохновения. Гораздо реже в качестве «наставника» избирается гражданское лицо. Так, например, «наставницей» 19-го инженерного полка является Мари Маргерит, герцогиня Анжуйская (Marie-Marguerite duchesse d'Anjou). Иногда выпуск может получать наименование в честь знаковых мест, исторических фигур или событий. Например, выпуск Особой военной школы Сен-Сир 1957–1959 гг. получил наименование *promotion Terre d'Afrique* (выпуск Африканская земля), а выпуск 1981–1983 гг. был назван в честь Великой армии Наполеона (*promotion de la Grande Armée*).

Анализ совместной встречаемости единиц в корпусе свидетельствует о том, что наиболее специфичное для части разбивки non-tta107 существительное *officier* (офицер) часто контекстуально сочетается с такими леммами, как *votre* (ваш) / (S+18; среднее расстояние 5,5); *jeune* (молодой) / (S+9; среднее расстояние 2,1); *honneur* (честь) / (S+8; среднее расстояние 6,8); *français* (французский) / (S+6; среднее расстояние 0,8). Приведем в качестве примеров:

«*Jeune officier pleinement dévoué / Guidant vos hommes vous êtes touché / Investi par le sens du devoir*» («Молодой, всецело преданный офицер / Ведя своих солдат вы охвачены, / Исполнены чувством долга») («Honneur au Général Delayen»);

«*Officiers, ouvrez vos rangs, honneur à votre courage !*» («Офицеры, разомкните ряды, честь вашему мужеству») («Maréchal Bessières»);

«*Donne-nous, Général, ta foi et ton ardeur / Donne-nous ce courage, qui au jour du malheur / Nous montrera la voie, la vertu et l'honneur / De l'officier français*» («Дай нам, генерал, твою верность и твой боевой дух / Дай нам это мужество, которое в день несчастья / Укажет нам путь, достоинство и честь / Французского офицера») («Chant de la promotion Général Delestraint»).

Полученное распределение лексических единиц вполне согласуется с тем фактом, что значительную часть менее регламентированного песенного репертуара составляют песни выпусков военных школ, полковые песни, а также песни, посвященные отличившимся военным. Основными контекстуальными мотивами части разбивки non-tta107 являются солдатская честь, верность долгу, почитание старшего наставника и преданное служение Франции.

В целом анализ материала свидетельствует о том, что разбивка non-tta107 эксплицитно связана с такими доминирующими концептами, как *СТАРШИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ* и *ЧЕСТЬ, ПОЧЕСТИ*.

Наряду с этим в структуре нерегламентированного сектора дополнительно присутствуют произведения, которые могут быть отнесены к категории застольных песен (*chants de popote*). Их объем составляет в нашем корпусе 6 768 текстоформ. Принадлежащая к французскому военному аргю лексема *popote* обозначает не только столовую или помещение для отдыха, оборудованное буфетом, но и группу военнослужащих, которые принимают пищу или отмечают что-либо за общим столом [Cassagne, 2007. Р. 349]. Подобные мероприятия и зоны отдыха являются важным элементом, который способствует поддержанию духа товарищества и оставляет возможность для неформального общения между военнослужащими [Poussin, 2014. Р. 105]. В настоящее время исполнение некоторой части этих песен носит ритуальный характер и подчиняется определенным корпоративным нормам.

Анализ контекстов показывает, что определенная часть лексикона *popote* состоит из грубой и вульгарной лексики, которая актуализирует концепт *ПОЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ*. Так, например, лемма *cul* (груб. зад) имеет в корпусе 53 вхождения, 52 из которых относятся

к неофициальному сегменту. Следует отметить, что современная французская разговорная речь является достаточно толерантной к использованию обсценизмов, понятие которых становится все более размытым. Несмотря на то что упомянутая лексема относится к вулгаризмам, ее однократное употребление в составе идиоматического выражения *tireur-au-cul* (лентяй, уваливающий от служебных обязанностей) фиксируется в тексте официально рекомендуемого песенного репертуара («Le Boudin», марш Иностранного легиона). Помимо этого, в неофициальном сегменте выявляются еще 6 обсценных лексических единиц с общим количеством вхождений 59. Мы согласимся с теми исследователями, которые полагают, что в качестве основных мотивационных целей актуализируемых реалий могут выступать манифестация мужского начала в своем телесном воплощении, желание самоутверждения и подчинения своей власти [Poussin, 2014. P. 263]. Наряду с этим употребление обсценизмов и скабрёзные описания иногда носят игровой и комический характер. Являясь активным механизмом психологической защиты [Abel, 2002], юмор способствует «облегченному» восприятию казарменной и военной реальности, он позволяет лучше адаптироваться в стрессовых ситуациях. В целом данная категория песен может трактоваться как разновидность народных песен непристойного содержания (*chansons paillardes*), часть которых восходит к периоду колониальных войн.

Кроме того, контекстуальное исследование практического материала показывает, что в обоих сегментах дискурса заметную актуализацию получают такие концепты, как *ФРАНЦИЯ* и *ВОЕННАЯ СЛУЖБА*. Их непосредственное воплощение отличается разнообразием. Перечень десяти наиболее частотных существительных резюмирован в табл. 3.

Таблица 3

Перечень 10 наиболее частотных существительных

Table 3

List of 10 most frequent nouns

Лемма	Перевод	Частотность в корпусе (F)
<i>France</i>	Франция	314
<i>cœur</i>	сердце	237
<i>gloire</i>	слава	195
<i>soldat</i>	солдат	183
<i>combat</i>	бой	175
<i>honneur</i>	честь	168
<i>guerre</i>	война	153
<i>ennemi / terre</i>	враг / земля	149
<i>mort / pays</i>	смерть / страна	132
<i>patrie / sang</i>	родина / кровь	125

Наиболее частотная лемма *France* (Франция) имеет 40 вхождений в официальном сегменте (ipm=2890) и 274 в менее регламентированном (ipm=3680). Анализ совместной встречаемости свидетельствует о том, что на уровне корпуса данная лемма оказывается контекстуально связанной с леммой *espérance* (надежда, упование) (S+8; среднее расстояние 7,3). Например, «*Flotte, petit drapeau flotte, / Flotte bien haut / Image de la France / Symbole d'espérance*» («Развевайся, маленькое знамя / Высоко развевайся / Образ Франции / Символ надежды») («*Ce que c'est qu'un drapeau*»).

А лемма *soldat* (солдат), которая является наиболее демонстративным вербализатором концепта *ВОЕННАЯ СЛУЖБА*, имеет 22 вхождения в официальном сегменте (ipm=1589) и 161 в неофициальном (ipm=2162). При этом она не демонстрирует устойчивой контексту-

альной сочетаемости (индекс специфичности совместной встречаемости единиц не превышает 5).

Среди менее значимых концептов, можно выделить концепт *ВИНО*, который присутствует в обеих исследуемых частях. Лемма *vin* (вино) имеет 58 вхождений: 15 официальной части (*ipm*=1083) и 43 (*ipm*=577) в менее регламентированной. Она контекстуально сочетается либо с леммой *bon* (хороший) (*S*+11; среднее расстояние 2,0), либо сама с собой (*S*+18; среднее расстояние 5,4), что обусловлено тенденцией к повторяемости данного элемента. Причем даже в уставном сегменте может наблюдаться юмористическая актуализация данного концепта. Например:

«Si je meurs, je veux qu'on m'enterre / Dans une cave où y a du *bon vin*, / Dans une cave, oui, oui, oui...» («Если я умру, я хочу, чтобы меня похоронили / В погребе с хорошим вином / В погребе, да, да, да <...>») («Chevaliers de la table ronde»).

Нижеследующие кривые прогрессии отражают распределение лемм, актуализирующих основные фоновые концепты (*France*, *soldat*, *vin*) на протяжении всего корпуса (рис. 3). При разбивке корпуса мы использовали «ассистированный» режим, который позволяет располагать выделяемые части корпуса в произвольном порядке. На представленном графике первой расположена часть *tta-107*.

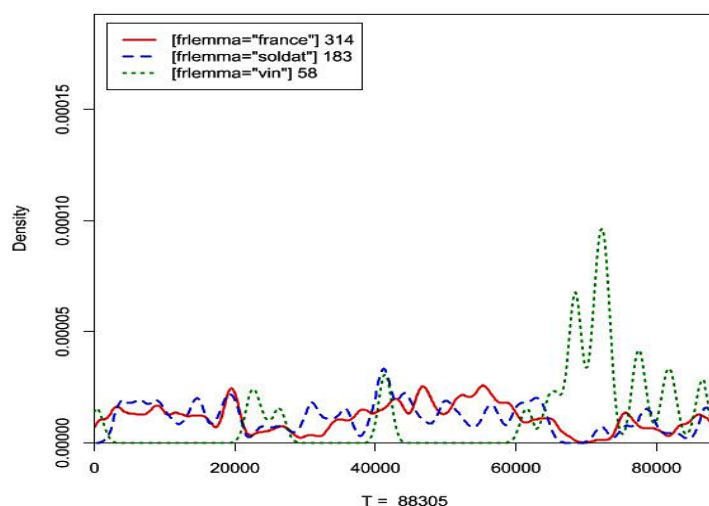

Рис. 3. Прогрессия лемм, вербализирующих фоновые концепты
Fig. 3. Progression of lemmas actualizing background concepts

Арготический синоним *pinard* (воен. арг, разг. вино (обычно красное)) присутствует только в неофициальной части и имеет 14 вхождений в корпус. Приведем в качестве примера:

«Si dans la brousse, un jour tu rendais l'âme, / Une dernière fois, pense au bon vieux *pinard* <...> » («Если однажды в джунглях ты станешь помирать, / Последний раз подумай о добром старом вине <...>») («Vive le pinard»).

Актуализация во французском военном песенном дискурсе концепта *ВИНО* не представляется удивительной, поскольку вино является символом и гордостью французской национальной культуры, а его употребление регламентируется, но не запрещается в рядах Вооруженных сил Франции. Кроме того, с употреблением вина связан ряд военных традиций и ритуалов, варьирующихся в зависимости от типа подразделений.

Выводы

Являясь результатом поэтической репрезентации профессионального мира, французская солдатская песня выступает неотъемлемым компонентом профессиональной действительности, проводником культурных ценностей и аксиологических установок военного социума. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что в текстах французского военного песенного дискурса актуализируются 8 основных концептов, а именно: *РАССТАВАНИЕ*; *ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИВЯЗАННОСТИ*; *СТАРШИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ*; *ЧЕСТЬ, ПОЧЕСТИ*; *ФРАНЦИЯ*; *ВОЕННАЯ СЛУЖБА*; *ПОЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ* и *ВИНО*.

Официально регламентированный песенный репертуар (ttal07) относится к уставному, институциональному типу военного дискурса. Он отличается содержательной сбалансированностью, которая реализуется благодаря относительной скудости яркой пафосной лексики и идеологически перегруженных образов. В целом язык и содержание большинства текстов имеют «живой», обыденный характер. Идеи патриотизма, преданной службы и любви к родине нередко эксплицируются через образы разлуки, привязанностей, исторических событий и национальных привычек. Для данной части песенного дискурса являются специфичными такие концепты как *РАССТАВАНИЕ* и *ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИВЯЗАННОСТИ*. Актуализация концептов *ВОЕННАЯ СЛУЖБА* и *ФРАНЦИЯ* носит фоновый характер. По нашему мнению, полученные результаты вполне согласуются с существующими во Франции положениями общего принципа нейтральности государственной службы (*devoir de réserve*), которые, в частности, закреплены в «Общевойсковом статуте французских военнослужащих» (*Statut général des militaires français*), являющемся частью «Кодекса обороны» (*Code de la défense*).

Песенный дискурс менее регламентированного сегмента имеет смешанную природу. С одной стороны, он служит для выражения ценностей и традиций, имеющих институциональный характер и связанных с этосом военнослужащих. Лексический профиль этой части корпуса демонстрирует выраженную идеологическую направленность. Наряду с Дисциплинарным уставом (*Règlement de discipline générale*) и Кодексом солдата (*Code du soldat*) он активно способствует экспликации основных поведенческих норм и формированию мировоззренческих приоритетов военного социума. В основном это достигается благодаря актуализации таких специфичных для этой части дискурса концептов, как *СТАРШИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ* и *ЧЕСТЬ, ПОЧЕСТИ*. Фоновая вербализация концептов *ВОЕННАЯ СЛУЖБА* и *ФРАНЦИЯ* тоже происходит более активно.

Однако наряду с этим в менее регламентированном сегменте присутствует неинституциональная, откровенно субъективная составляющая, которая связана преимущественно с актуализацией концептов *ПОЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ* и, отчасти, *ВИНО*. Можно полагать, что возможность определенного неуставного самовыражения является фактором, способствующим эмоциональной разрядке военнослужащих. Присутствующий в обеих частях песенного дискурса юмористический компонент преследует те же цели психологической защиты и стрессовой адаптации. Кроме того, юмор является характерной чертой французской ментальности, что неоднократно отмечалось разными исследователями.

В целом можно сказать, что французский военный песенный дискурс обладает мозаичным характером, так как границы между его институциональным и неинституциональным типами не всегда оказываются четко обозначенными. Однако его официальная (уставная) и менее регламентированная части характеризуются заметными концептуальными отличиями, обусловленными естественными расхождениями между институциональными требованиями и повседневным этосом французских военнослужащих. Их можно сравнить с различиями между кодифицированными нормами официальной публичной речи и статистическими нормами разговорного языка.

Список литературы

- Ворошилова М. Б.** Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 194 с.
- Горшкова В. Е.** Современное российское переводоведение: к обоснованию методологического стандарта. Рец. на кн.: Мишкурин Э. Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт): Монография. М.: Военный университет, 2018. 298 с. // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 130–137. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-130-137
- Горшкова В. Е., Колодина Е. А., Кремнев Е. А., Федотова И. П., Фирсова Е. О.** Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: Коллективная монография / Под общ. ред. В. Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 367 с.
- Кравцов С. М.** Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека»). Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2016. 386 с.
- Лаврентьев А. М., Соловьев Ф. Н., Суворова М. И., Фокина А. И., Чеповский А. М.** Новый комплекс инструментов автоматической обработки текста для платформы ТХМ и его апробация на корпусе для анализа экстремистских текстов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 19–31.
- Уланов А. В.** Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция: Дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2014. 494 с.
- Фефелов А. Ф.** Этнокультурные проблемы и дилеммы перевода (критика метафорического разума): Монография. Электронное издание. Новосибирск, 2018. 390 с. ISBN 978-5-4437-0736-5.
- Abel, M. H.** Humor, stress, and coping strategies. *Humor*, 2002, vol. 15, no. 4, p. 365–381.
- Bouzaud, T.** Le chant militaire français : un patrimoine vivant. *Revue historique des armées*, 2006, no. 242, p. 98–113.
- Diki-Kidiri, M.** Le signifié et le concept dans la dénomination. *Meta: Translators' Journal*, 1999, vol. 44, no 4, p. 573–581.
- Garric, N., Longhi, J.** L'analyse de corpus face à l'hétérogénéité des données : d'une difficulté méthodologique à une nécessité épistémologique. *Langages*, 2012, no. 3, p. 3–11.
- Gaulin, A.** La chanson comme discours. *Études littéraires*, 1995, vol. 27, no. 3, p. 9–16.
- Groccia, M.** La chanson. Essai de sémiotique théorique appliquée. Signata. Annales des sémiotiques. *Annals of Semiotics*, 2015, no. 6, p. 121–141.
- Hampton, J. A.** Concepts. In: The MIT encyclopedia of the cognitive sciences. Eds. R. A. Wilson, F. C. Keil. MIT Press, 2001, p. 176–179.
- Jolivet, T. J.** Le TTA 107. Carnet de chants de l'Armée de terre. *Theatrum belli*, 2012, 168 p.
- Lafon, P.** Analyse lexicométrique et recherche des cooccurrences. *Mots. Les langages de politique*, 1981, no. 3, p. 95–148.
- Lebart, L., Pincemin, B., Poudat, C.** Analyse des données textuelles. PUQ, 2019, 622 p.
- Lebart, L., Salem, A.** Statistique textuelle. Paris, Dunod, 1994, 339 p.
- Leblanc, J.-M.** Analyses lexicométriques des vœux présidentiels. Anaheim, CA, ISTE, 2016, 386 p.
- Nerlich, M.** Qu'est-ce qu'un iconotexte? Réflexion sur le rapport texte image photographique dans "La femme" se découvre d'Evelyn Sinnassamy. In: Iconotextes. Ed. by A. Montandon. Paris, 1990, 24 p.
- Oger, C., Ollivier-Yaniv, C.** Analyse du discours institutionnel et sociologie compréhensive : vers une anthropologie des discours institutionnels. *Mots. Les langages de politique*, 2003, no. 71, p. 125–145.
- Paveau, M.-A.** Images de la militarité dans les chants de l'Armée de terre française. In: André Thiéblemont (éd.). Cultures et logiques militaires. Presses Universitaires de France, 1999, p. 211–260.

- Pincemin, B.** Sémantique interprétative et textométrie. *Texto! Textes et cultures*, 2012, vol. 17, no. 3, p. 1–21.
- Poussin, A.** Le chant militaire et sa pratique actuelle dans les Troupes de Marine. Thèse de doctorat. Université Nice Sophia Antipolis, 2014. 558 p. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01146748/document> (accessed: 07.02.2019).
- Ruthrof, H.** The body in language. Bloomsbury Publishing, 2015, 193 p.

Список источников

- Carnet de Chants. URL: <https://chants.bougeret.fr> (accessed: 07.03.2019).
- Chants militaires. URL: <https://chants.militaires.fr> (accessed: 07.03.2019).
- CIS projects. URL: <http://http://www.cis.uni-muenchen.de/~schmid/tools/TreeTagger/> (accessed: 05.02.2019).
- Musique-militaire.fr. URL: <http://musique-militaire.fr> (accessed: 07.03.2019).
- Textométrie. URL: <http://textometrie.ens-lyon.fr/> (accessed: 05.02.2019).

Список словарей

- Cassagne, J.-M.** Le grand dictionnaire de l'argot militaire. Paris, LBM, 2007, 459 p.
- Colin, J. P., Mével, J. P., Leclère, C.** Dictionnaire de l'argot français et de ses origines. Paris, Larousse, 2001, 903 p.

References

- Abel, M. H.** Humor, stress, and coping strategies. *Humor*, 2002, vol. 15, no. 4, p. 365–381.
- Bouzard, T.** Le chant militaire français : un patrimoine vivant. *Revue historique des armées*, 2006, no. 242, p. 98–113.
- Diki-Kidiri, M.** Le signifié et le concept dans la dénomination. *Meta: Translators' Journal*, 1999, vol. 44, no 4, p. 573–581.
- Fefelov, A. F.** Ethnocultural Dilemmas and Puzzles of Translation: Critique of Metaphorical Reason. Novosibirsk University Press, 2018, 390 p. (in Russ.) ISBN 978-5-4437-0736-5
- Garric, N., Longhi, J.** L'analyse de corpus face à l'hétérogénéité des données : d'une difficulté méthodologique à une nécessité épistémologique. *Langages*, 2012, no. 3, p. 3–11.
- Gaulin, A.** La chanson comme discours. *Études littéraires*, 1995, vol. 27, no. 3, p. 9–16.
- Gorshkova, V. E., Kolodina, E. A., Kremnev, E. A., Fedotova, I. P., Firsova, E. O.** Film-dialogue. Image-sense. Translation. Monograph. Irkutsk, 2014, 367 p. (in Russ.)
- Gorshkova, Vera E.** Current Trends in the Russian Translation Theory: Towards a New Methodological Standard of Translation. Book Review: Mishkurov, E. N. Hermeneutics of Translation (Towards Theoretical and Methodological Standard of Translation). Monograph. Moscow, Military University Press, 2018, 298 p. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 130–137. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-130-137
- Groccia, M.** La chanson. Essai de sémiotique théorique appliquée. Signata. Annales des sémiotiques. *Annals of Semiotics*, 2015, no. 6, p. 121–141.
- Hampton, J. A.** Concepts. In: The MIT encyclopedia of the cognitive sciences. Eds. R. A. Wilson, F. C. Keil. MIT Press, 2001, p. 176–179.
- Jolivet, T. J.** Le TTA 107. Carnet de chants de l'Armée de terre. *Theatrum belli*, 2012, 168 p.
- Kravtsov, S. M.** Worldview of Russian and French phraseology (on the material of the concept “human behavior”). Taganrog, Publishing house SFU, 2016, 386 p. (in Russ.)
- Lafon, P.** Analyse lexicométrique et recherche des cooccurrences. *Mots. Les langages de politique*, 1981, no. 3, p. 95–148.

- Lavrentiev, A. M., Solovyev, F. N., Suvorova, M. I., Fokina A. I., Chepovskiy, A. M.** New Toolkit for Natural Text Processing with the TXM Platform and its Application to a Corpus for Analysis of Texts Propagating Extremist Views. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 19–31. (in Russ.)
- Lebart, L., Pincemin, B., Poudat, C.** Analyse des données textuelles. PUQ, 2019, 622 p.
- Lebart, L., Salem, A.** Statistique textuelle. Paris, Dunod, 1994, 339 p.
- Leblanc, J.-M.** Analyses lexicométriques des vœux présidentiels. Anaheim, CA, ISTE, 2016, 386 p.
- Nerlich, M.** Qu'est-ce qu'un iconotexte? Réflexion sur le rapport texte image photographique dans "La femme" se découvre d'Evelyne Sinnassamy. In: *Iconotextes*. Ed. by A. Montandon. Paris, 1990, 24 p.
- Oger, C., Ollivier–Yaniv, C.** Analyse du discours institutionnel et sociologie compréhensive : vers une anthropologie des discours institutionnels. *Mots. Les langages de politique*, 2003, no. 71, p. 125–145.
- Paveau, M.-A.** Images de la militarité dans les chants de l'Armée de terre française. In: André Thiéblemont (éd.). *Cultures et logiques militaires*. Presses Universitaires de France, 1999, p. 211–260.
- Pincemin, B.** Sémantique interprétative et textométrie. *Texto! Textes et cultures*, 2012, vol. 17, no. 3, p. 1–21.
- Poussin, A.** Le chant militaire et sa pratique actuelle dans les Troupes de Marine. Thèse de doctorat. Université Nice Sophia Antipolis, 2014. 558 p. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01146748/document> (accessed: 07.02.2019).
- Ruthrof, H.** The body in language. Bloomsbury Publishing, 2015, 193 p.
- Ulanov, A. V.** Russian military discourse XIX – early XX century: structure, specificity, evolution. Dr. Phil. Sci. Diss. Omsk, 2014, 494 p. (in Russ.)
- Voroshilova, M. B.** A Creolized Form of Political Text: Keys to Reading. Monograph. Ekaterinburg, Ural. State Ped. Uni., 2013, 194 p. (in Russ.)

List of Sources

- Carnet de Chants. URL: <https://chants.bougeret.fr> (accessed: 07.03.2019).
- Chants militaires. URL: <https://chants.militaires.fr> (accessed: 07.03.2019).
- CIS projects. URL: <http://http://www.cis.uni-muenchen.de/~schmid/tools/TreeTagger/> (accessed: 05.02.2019).
- Musique-militaire.fr. URL: <http://musique-militaire.fr> (accessed: 07.03.2019).
- Textométrie. URL: <http://textometrie.ens-lyon.fr/> (accessed: 05.02.2019).

List of Dictionaries

- Cassagne, J.-M.** Le grand dictionnaire de l'argot militaire. Paris, LBM, 2007, 459 p.
- Colin, J. P., Mével, J. P., Leclère, C.** Dictionnaire de l'argot français et de ses origines. Paris, Larousse, 2001, 903 p.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
06.02.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Соловьева Евгения Анатольевна, преподаватель кафедры романской филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет (ул. Большая Садовая, 33, 34082, Ростов-на-Дону, Россия)

Evgeniya A. Solovyeva, Lecturer Department of Romance Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University (33 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov on Don, 344082, Russian Federation)

e_rossignol@mail.ru

ORCID 0000-0001-8796-6059

УДК 81'42
DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-28-45

Опыт использования теории риторической структуры для представления логико-когнитивной организации поэтического текста

М. К. Тимофеева

*Институт вычислительных технологий СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Теория риторической структуры активно используется в теоретических и прикладных исследованиях для представления дискурсивной структуры текста и сопряженных с ней реляционных пропозиций, играющих ключевую роль в процессе восприятия содержания текста. Цель данной статьи: анализ возможности и принципов применения теории риторической структуры для представления логико-когнитивной организации поэтического текста. Изучение потенциала данной теории в отношении поэтических текстов остается актуальным. Отсутствие опыта применения теории риторической структуры к русским поэтическим текстам обусловило необходимость эмпирического этапа исследования, состоящего в определении способа разделения текста на элементарные сегменты, уточнении набора отношений, построении на этой основе структур поэтических текстов, первичном анализе данного опыта, возможностей и перспектив его развития. В статье представлен результат осуществления данного этапа. Эмпирическим материалом послужила произвольная выборка лирических стихотворений небольшого размера (от 9 до 34 строк), включающая десять стихотворений А. К. Толстого и десять стихотворений И. Ф. Анненского. Для представления структур поэтических текстов было использовано 26 типов риторических отношений. Определена частотность этих отношений в рассмотренных текстах. Проведен сравнительный анализ структур текстов двух авторов, выявлен ряд различий, касающихся используемых отношений. Результаты проделанной работы позволили сделать вывод о применимости теории риторической структуры к поэтическим текстам и перспективности продолжения исследования на расширенном эмпирическом материале, включающем поэтические произведения этих же и других авторов, а также произведения других поэтических жанров.

Ключевые слова

теория риторической структуры, поэтические тексты, логико-когнитивная структура текста, реляционные пропозиции, поэзия А. К. Толстого, поэзия И. Ф. Анненского

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00466

Для цитирования

Тимофеева М. К. Опыт использования теории риторической структуры для представления логико-когнитивной организации поэтического текста // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 28–45. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-28-45

Applicability of Rhetorical Structure Theory for Representing Logical-Cognitive Organization of Poetic Texts: Empirical Investigation

Mariya K. Timofeeva

*The Institute of Computational Technologies SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Rhetorical Structure Theory is popular in theoretical and applied investigations for representing discourse structures and corresponding relational propositions that play the key role in the process of text comprehension. The aim of the

© М. К. Тимофеева, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 2

article is to explore possibilities and principles of applying the RST for displaying logical and cognitive organization of Russian poetic texts. Driven by the aim of exploring possible applications of RST, its authors and their proponents have analyzed up till now numerous prosaic texts and types of texts. And yet, studying its potential in the field of poetic analysis remains relevant. Since the Theory has never been applied to Russian poetry, an empirical stage of research is necessary. This stage consists in elaborating the principles of dividing a written poetic text into elementary segments, specifying logical relations, constructing structures of poems on this logical basis, completing preliminary analysis of this experience to single out its possibilities and prospects. The article presents the results of such a work. The empirical sample consists of short lyric poems (from 9 to 34 lines); it includes ten texts by A. K. Tolstoy and the same number of texts by I. F. Annensky. The total number of relations, used for representing the structures of these texts, is equal to 26. Frequency ratio of these relations was calculated. Comparative analysis of the poetic structures constructed revealed several differences between the two authors concerning their usage of relations. The results of the investigation evidenced the applicability of Rhetorical Structure Theory to poetry. They show that more research projects in this field are needed to refine its techniques, as well as greater material, including these and other authors, other poetic genres, etc.

Keywords

Rhetorical Structure Theory (RST), structure of poetic text, logical-cognitive organization of a text, logical relations, relational propositions, poetry of A. K. Tolstoy, poetry of I. F. Annensky

Acknowledgements

The work was supported by the Russian science foundation under Grant № 19-18-00466

For citation

Timofeeva, Mariya K. Applicability of Rhetorical Structure Theory for Representing Logical-Cognitive Organization of Poetic Texts: Empirical Investigation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 28–45. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-28-45

Введение

Теория риторической структуры (ТРС) [Mann, Thompson, 1986; 1987; 1988; 2011; Taboada, Mann, 2006a; 2006b; Современная американская лингвистика..., 2010] предлагает инструмент для представления содержания текста в виде иерархической структуры отношений между частями этого текста. Первые публикации о ТРС появились в 80-х гг. прошлого века. Применение ТРС не мыслилось авторами как четко регламентированный процесс, не допускающий вариаций. За прошедшие после первых публикаций годы появилось большое количество исследований, анализирующих возможности использования данной теории применительно к разным видам текста и для решения разных задач. В ходе этих работ возникали модификации исходной теории, касающиеся прежде всего набора отношений.

Надо заметить, что ТРС не является детерминированной системой и допускает варианты анализа даже в случае фиксированного множества отношений. Этот аспект критически обсуждается в [Stede, 2008]. Однако вряд ли можно построить модель какого-либо сложного аспекта естественного языка, позволяющую достичь однозначных решений, поскольку окончательное согласие между экспертами-лингвистами труднодостижимо. Вместе с тем очень важна сама выработка критериев принятия решений и методичное следование этим критериям в процессе решения одной задачи. Этот принцип был основополагающим для данного исследования.

Первоначально ТРС мыслилась авторами как инструмент представления организации письменного монологического текста и не была ориентирована на анализ диалога, мультимодала, устной речи. К настоящему времени количество проанализированных текстов исчисляется сотнями. Проводился, в частности, анализ мультимодальных текстов, включающих жестикуляцию, графику, характеристики шрифта и пр. [Mann, Thompson, 1988]. Испытывались возможности применения ТРС для решения задач генерация текста, гипертекста, диалога, мультимедиа. Рассматривались разные прикладные сферы: автореферирование, машинный перевод, генерация аргументированной речи, генерация инструкций, выполнение функций консультанта по продажам и т. д. Подробную библиографию по изучению прикладных возможностей ТРС и анализу вариантов использования можно найти в [Taboada, Mann, 2006a; 2006b]. В более позднее время круг приложений ТРС был расширен; в частности, исследова-

лись возможности применения ТРС для выявления ложных новостных сообщений («фейков») на основе структурного отличия таких текстов от подлинных новостных сообщений [Conroy et al., 2015]. В [Zidrasco et al., 2011] ТРС используется как средство поддержки аргументации в ходе дискуссий. Метод основан на моделировании успешных стратегий аргументации, приводящих к согласию дискутирующих сторон и противопоставляемых неуспешным стратегиям, не приводящим к консенсусу. В [Paris et al., 2008] обсуждается алгоритм дискурсивного планирования, основанный на ТРС и предназначенный для генерации текста, отвечающего определенным требованиям, касающимся объема и информативности контента. Дискурсивные структуры на основе ТРС эффективно используются в алгоритмах обработки неоднозначных текстов [Regneri et al., 2008]. Современные направления применения ТРС представлены в [Proceedings of the 6th Workshop..., 2017].

По предположению авторов ТРС, этот инструмент не подходит для представления содержания специфических поэтических текстов, относимых ими к категории «язык как искусство» (*language as art*) [Mann, Thompson, 1987]. К этой категории можно отнести, по-видимому, все стихотворные произведения, являющиеся результатом своего рода экспериментирования с языком, например, поэзию В. Хлебникова. Применение ТРС к таким текстам действительно представляется неэффективным.

Первоначальная ориентация ТРС на применение к прозаическим текстам, должно быть, отчасти объясняет отсутствие опыта исследований применимости ТРС к другим видам поэзии, не относящимся к типу *language as art*. Кроме того, понятно, что прикладные задачи ТРС, являющиеся очень актуальными для прозаических текстов, могут быть не актуальными и даже малоосмысленными для поэтических текстов. Такова, например, задача автореферирования. Тем не менее использование ТРС для описания поэтических текстов представляется возможным и имеющим свой потенциал применения. Цель данной статьи – изучить возможности и принципы применения ТРС в данной области.

Как и любой формальный инструмент, ТРС может применяться для описания конкретных текстов по-разному. Способ применения зависит прежде всего от того, какие части текста будут считаться элементарными, какой набор отношений будет использоваться для обозначения связей между частями текста, как будут интерпретироваться используемые отношения. Естественно, решение этих вопросов тесно взаимосвязано с определением круга задач, для которых построение структур поэтических текстов представляется перспективным.

Общие сведения о теории риторической структуры

Основу ТРС составляет функциональный подход к описанию языка. Предполагается, что текст – это последовательность функционально целостных сегментов, каждый из которых использован автором текста с определенной целью и предназначен для внесения своего вклада в общее содержание текста и обеспечение его связности (когезии и когерентности). Такие сегменты взаимосвязаны и образуют единую иерархическую структуру, представляемую в виде дерева. Набор потенциально допустимых внутри этой структуры отношений одинаков на всех уровнях иерархии. Это обеспечивает однородность иерархической структуры. Для иллюстрации на рис. 1 приведены два фрагмента структур, построенных в результате анализа стихотворений А. К. Толстого и И. Ф. Анненского.

В сущности, ТРС определяет принципы построения метаязыка описания структур текстов. Согласно позиции авторов данной теории, такие принципы не являются незыблемыми и допускают вариации. Вариации касаются прежде всего способа разделения текста на элементарные сегменты и набора используемых отношений.

Принципы построения дискурсивных структур прозаических текстов русского языка обсуждаются в ряде публикаций. Наиболее детально представлены исследования по созданию и анализу корпуса структур рассказов о сновидениях [Литвиненко, 2001; Рассказы о снови-

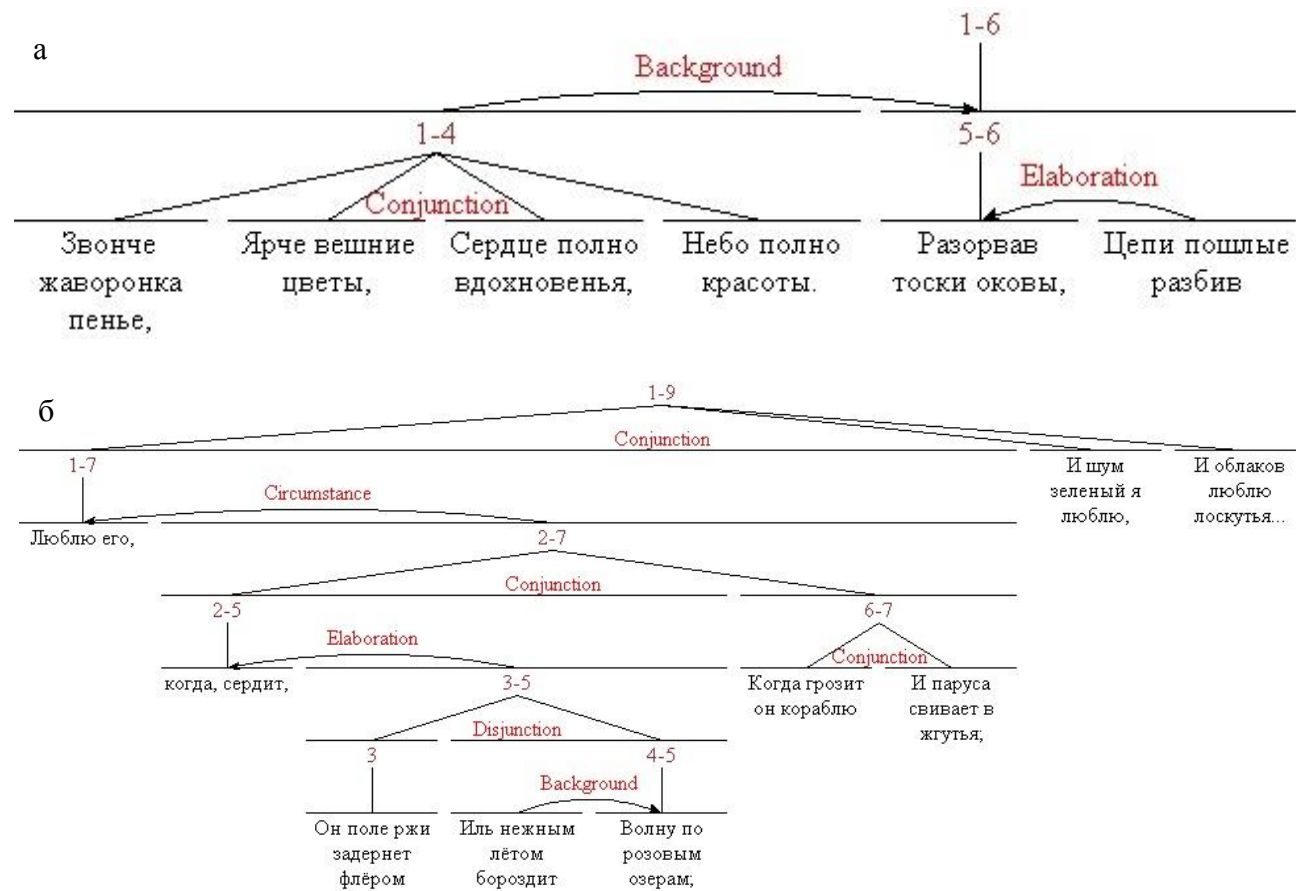

Рис. 1. Фрагменты структур стихотворений А. К. Толстого (а) и И. Ф. Анненского (б)
 Fig. 1. The fragments of the structures built for the verses of A. R. Tolstoy (a)
 and I. F. Annensky (б)

дениях..., 2009]. В статьях [Ананьева, Кобозева, 2016; Pisarevskaya et al., 2017; Toldova et al., 2018; Chistova et al., 2019] обсуждается работа по созданию корпуса структур русских текстов. На данном этапе использованы прозаические тексты публицистического и научно-популярного жанра, научные публикации по лингвистике и компьютерным наукам. В [Pisarevskaya, 2017] обсуждаются результаты применения ТРС для выявления ложных («фейковых») новостных сообщений на русском языке.

Построению риторической структуры должно предшествовать представление анализируемого текста в виде последовательности непересекающихся элементарных сегментов. Для обозначения таких сегментов часто используется термин «элементарные дискурсивные единицы» (ЭДЕ).

Применительно к поэтическим текстам принципы сегментации до сих пор не исследовались. Априорно понятно, однако, что они могут отличаться от принципов сегментации прозаических текстов. Поэтому термин «элементарная дискурсивная единица», широко известный по отечественным публикациям и связываемый с определенными направлениями исследований, в данной работе не используется. Вместо него употребляется термин «элементарный сегмент». Комбинации таких сегментов будут называться «сложными сегментами», а термин «сегмент» будет использоваться в статье как гипероним по отношению к двум предыдущим терминам. На рис. 1 числами обозначаются порядковые номера сегментов, объединяемых указанным отношением.

Элементарные сегменты являются минимальными составляющими структуры анализируемого текста и часто представляют собой клаузы. Однако это не является обязательным требованием. Авторы ТРС допускают другие типы и размеры элементарных сегментов при условии, что их выделение базируется на некоторых общих и последовательно соблюдаемых принципах. Прежде всего, сегмент должен представлять собой функциональное единство.

Основу ТРС составляют четыре понятия: риторическое отношение (rhetorical relation), схема (schema), применение схемы (schema application), структура (structure) [Mann, Thompson, 1987].

Поскольку набор отношений не является жестко фиксированным и специфичным для языка, авторы ТРС определяют отношения без конкретизации языка, на котором написаны анализируемые тексты.

Отношения подразделяются на одноядерные и многоядерные. Одноядерное отношение является бинарным и асимметричным; оно содержит главный элемент (ядро) и подчиненный элемент (сателлит), при этом стрелка направлена от сателлита к ядру. Многоядерное отношение соединяет ядра; его составляющие равноправны, поэтому для изображения отношения используются не стрелки, а линии. На рис. 1 отношения Background (Фон), Circumstance (Обстоятельство), Elaboration (Детализация) – одноядерные, а отношения Contrast (Сопоставление), Conjunction (Конъюнкция), Sequence (Последовательность) – многоядерные.

Схема – это абстрактная модель, представляющая тип соединения сегментов при образовании единой структуры. Если для нескольких отношений схемы структурно идентичны, то выбирается одна из них, она и считается моделью для данного множества отношений. В результате количество схем получается небольшим; сами авторы ТРС используют всего пять схем.

Для реализации схемы необходимо конкретизировать все ее составные части, т. е. заменить абстрактные обозначения реальными. Такая процедура называется применением схемы.

Структура определяется как соединение применений схем. Предполагается, что в осмысленном и целостном тексте каждый сегмент несет определенную функциональную нагрузку, служит определенной цели. Например, поясняет сказанное ранее, устанавливает логическую связь между событиями, мотивирует адресата на осуществление действия и т. д.

Получаемая в результате структура текста характеризуется четырьмя общими свойствами: полнотой (completeness), связностью (connectedness), уникальностью (uniqueness), компактностью (adjacency). Благодаря свойству полноты структура текста охватывает все его сегмен-

ты без исключения. Благодаря свойству связности структура текста не содержит изолированных частей, т. е. представляет собой (в терминах теории графов) связный граф. В силу свойства уникальности каждое применение схемы состоит из своего, уникального, набора сегментов. В силу свойства компактности все сегменты, входящие в состав одного и того же применения схемы, образуют единый (более сложный) сегмент. Свойства полноты, связности и единственности, взятые вместе, обеспечивают представимость структуры текста в виде дерева.

При построении структуры текста каждое отношение выбирается на основе анализа функции, выполняемой рассматриваемым сегментом текста, т. е. зависит от решения вопроса об авторской интенции (зачем автор включил в текст этот отрезок, чего он хотел этим достичь). В решении такого вопроса иногда могут помочь формальные (лексические, синтаксические, просодические) маркеры отношений. Однако авторы ТРС неоднократно отмечают в своих публикациях, что для каждого отношения наблюдаемые признаки проявления многообразны, а могут и вообще отсутствовать. Именно по этой причине отношения не определяются в терминах их формальных показателей. Структура текста в рамках ТРС – это структура функций, а не структура форм. Тем не менее если для некоторого типа текстов характерно использование маркеров отношений, то процесс построения и использования структуры можно алгоритмизировать. Этим занимается одно из направлений компьютерной лингвистики. Опыт такого исследования на материале научно-технических текстов русского языка представлен, например, в [Бакиева, Батура, 2017]. Построение структуры на основе ТРС (ТРС-парсинг) здесь используется для автоматизации процесса составления резюме заданного текста.

Отсутствие регулярных индикаторов отношений – совсем не редкое явление. По обобщенным данным, приведенным в [Taboada, Mann, 2006b, p. 20], количество немаркированных отношений хотя и варьируется для разных типов текстов, не опускается ниже 50 %, а для некоторых типов текстов значительно превышает эту оценку.

Хотя внешние индикаторы отношений могут отсутствовать, на внутреннем когнитивном уровне появление каждого отношения обусловлено определенной скрытой пропозицией, называемой реляционной пропозицией [Mann, Thompson, 1986; 1987; 2000; 2011; Potter, 2019]. Такая пропозиция не формулируется эксплицитно. По своему содержанию она является утверждением о функциональном назначении конкретных сегментов, т. е. об их связанности определенным отношением. Однако появление реляционной пропозиции обусловлено не этим отношением, а непосредственно интенцией автора текста. В идеале та же самая реляционная пропозиция должна быть реконструирована в результате интерпретации текста адресатом. В любом случае, понимая текст (в соответствии с авторскими интенциями или нет), адресат воспроизводит и реляционные пропозиции, поскольку они составляют основу связности текста.

Поскольку реляционные пропозиции скрыты и не всегда легко обнаруживаемы, при построении структуры текста могут возникать ситуации, когда адресату сложно в точности определить интенции автора. Такому неоднозначно интерпретируемому тексту могут быть поставлены в соответствие разные структуры. Однако надо отметить, что в процессе создания текста для автора как субъекта интенций реляционные пропозиции очевидны. Лишь позже, выступая уже в роли читателя, автор может обнаружить потенциальную неоднозначность реконструкции таких пропозиций и соответственно неоднозначность текста.

Индикаторы реляционных пропозиций могут относиться к любому языковому уровню, но для некоторых типов текстов возникают ограничения. Так, в устной речи могут использоваться просодические маркеры (их изучению посвящены, например, работы [Рассказы о сновидениях..., 2009; Рогожкина, 2012], однако в письменном прозаическом тексте такие маркеры отсутствуют. Поэтический текст подчиняется определенным правилам стихосложения, поэтому в нем не исключено присутствие некоторых просодических маркеров, например паузаций.

Метод анализа поэтического текста

При построении структуры в соответствии с ТРС необходимо прежде всего определить принципы сегментации анализируемого текста и набор используемых отношений.

Исходный вариант ТРС, разработанный У. Манном и С. Томпсон, был ориентирован на анализ монологической письменной речи, соответственно просодические характеристики, свойственные устной речи, здесь отсутствовали. Когда опыт построения структур на основе ТРС был распространен на устные тексты, принципы сегментации были дополнены критериями, проверяемыми на основе анализа звучащей речи.

В исследовании [Рассказы о сновидениях..., 2009. С. 57], посвященном анализу устного дискурса, сегментация текста базируется на выделении ЭДЕ, внутреннее единство каждой из которых видится в корреляции ряда признаков: физиологических (произносится на одном дыхании), когнитивных (вербализирует одновременно удерживаемый в оперативной памяти «квант» информации), семантических (отображает одно событие или состояние), синтаксических (является элементарным предложением, клаузой), просодических (представляет собой одну произносительную конфигурацию). Наличие всех указанных выше аспектов считается идеальным, но не нормативным вариантом ЭДЕ. Допускаются некоторые отклонения, в частности возможны неканонические субклаузные ЭДЕ, например сочиненные именные группы, удовлетворяющие определенным требованиям.

Как уже было сказано, опыт применения ТРС к поэтическим текстам русского языка отсутствует. Для других языков удалось найти только одно исследование такого рода, в котором проанализирована применимость ТРС к текстам классической китайской поэзии [Lu, 2014; 2016]. В качестве элементарных сегментов в нем были выбраны стихотворные строки. Данное решение автор аргументирует тем, что строки – это структурные единицы поэтического текста, соответственно, их выделение как сегментов позволит раскрыть базовую структуру текста. Кроме того, специфика поэтического текста видится в том, что правила стихосложения могут влиять на синтаксис. Указанный способ сегментации поэтического текста не противоречит исходным установкам ТРС, так как в данной теории изначально предполагалась свобода выбора элементарных сегментов.

При анализе применимости ТРС к поэтическим текстам русского языка выработка принципов сегментации текста и определение набора отношений производились итеративно, так как априорно трудно было предположить, какие сложности встретятся при построении структур. Ниже представлен итоговый вариант для данного этапа работы.

Проведение сегментации текста по стихотворным строкам представляется информативным для этого вида текстов. Кроме того, строки часто отмечают места пауз при чтении стихотворения вслух. Поэтому первоначально текст сегментировался на строки. Далее производились коррекции двух типов: 1) объединение некоторых строк в одну и 2) разделение одной строки на две.

Объединение двух стихотворных строк в одну производилось в тех случаях, когда предложение с одним финитным глаголом оказывалось разделенным на две строки и при этом один актант отделялся от остальной части клаузы, отсутствовало очевидное отношение, связывающее эти строки, из-за чего их разделение на два разных сегмента воспринималось как функционально неоправданное. Например, строки *Нам тихий свой привет / Шлет осень мирная* (А. К. Толстой) были объединены в одну. Однако, например, строки *была ли в те годы / Душа непорочна моя?* (А. К. Толстой) не были объединены в один элементарный сегмент, так как между ними можно установить отношение Circumstance (Обстоятельство), задающее временные рамки ситуации, представленной в ядре. Не объединяются в один сегмент и те строки, из которых одна акцентирована и будет выделена явной паузой при чтении. Например, во фрагменте стихотворения А. К. Толстого «Средь шумного бала» *Тебя я увидел, но тайна / Твои покрывала черты* указанное разделение на строки было сохранено как граница между элементарными сегментами. Объединение также не проводилось в случае разде-

ленных строками однородных составляющих. Так, в следующем фрагменте разделение на строки было сохранено: *Но не надо сердцу алых, – / Сердце просит роз поблеклых, / Гиацинтов небывалых, / Лилий, плачущих на стеклах* (И. Ф. Анненский).

Разделение одной стихотворной строки на две производилось в тех случаях, когда в строке объединены разные клаузы, связанные определенным отношением. Например, строка *Я люблю тот ручей, я люблю ту страну* была разделена на два элементарных сегмента, связанных отношением Conjunction (Конъюнкция). В результате аналогичного разделения указанные выше две строки из стихотворения «Средь шумного бала» были представлены в виде трех элементарных сегментов: 1) *Тебя я увидел*, 2) *но тайна* 3) *Твои покрывала черты*. Первый из этих сегментов выделен, так как представляет собой клаузу.

Продолжение работы над проектом предполагает расширение эмпирического материала: привлечение разных жанров поэтических текстов, анализ произведений других авторов. Не исключено, что это приведет к большей детализации принципов сегментации и набора отношений.

Последовательность элементарных сегментов – это множество минимальных составляющих будущей единой структуры анализируемого текста. Отношения между сегментами устанавливаются рекурсивно. Сначала выявляются связи между элементарными сегментами, в результате этого создаются последовательности более сложных сегментов, являющихся частями (подструктурами) итоговой структуры. На каждом следующем этапе устанавливаются связи между частями итоговой структуры, получившимися на предыдущем этапе. Процесс продолжается до тех пор, пока остаются хотя бы две не связанные между собой подструктуры.

При расстановке одноядерных отношений возникает вопрос: какой из пары связанных сегментов является ядром, а какой – сателлитом? При решении этого вопроса учитывалась значимость сегментов. Основным носителем содержания в паре «ядро – сателлит» является ядро, оно представляется автору текста более значимым и может служить представителем всей подчиненной ему части структуры текста. Отбрасывание сателлита не влияет существенно на понятность и связность текста, а устранение ядра разрушает связность текста. Данные критерии были определены авторами TPC [Mann, Thompson, 1987. P. 31–32] и применялись при анализе русского прозаического текста [Рассказы о сновидениях..., 2009. С. 53].

Для построения структур поэтических текстов использовался общедоступный инструмент RSTTool¹. В данном инструменте предусмотрены англоязычные наименования отношений, эти наименования были сохранены. За основу был взят набор отношений, обозначенных в RSTTool как «классический». Не все отношения из этого набора потребовались при анализе поэтических текстов. Был также добавлен ряд отношений, отсутствовавших в данном наборе. В итоге был составлен набор из 26 отношений.

Список использованных одноядерных отношений, взятых из «классических», включает²: Circumstance (Обстоятельство), Elaboration (Детализация), Background (Фон), Enablement (Обеспечение возможности), Motivation (Мотивация), Evidence (Свидетельство), Justify (Обоснование), Volitional Cause (Волевая причина), Non-Volitional Cause (Неволевая причина), Volitional Result (Волевой результат), Non-Volitional Result (Неволевой результат), Purpose (Цель), Antithesis (Антитезис), Concession (Уступка), Interpretation (Интерпретация), Restatement (Переформулировка), Summary (Резюме), Condition (Условие), Otherwise (Альтернатива). Список использованных многоядерных отношений из того же набора «классических» отношений: Sequence (Последовательность), Contrast (Сопоставление), Conjunction (Конъюнкция), Disjunction (Дизъюнкция). Иллюстрированные примерами определе-

¹ <http://www.wagsoft.com/RSTTool/>.

² В скобках приведены наименования, используемые в публикациях на русском языке, например, в [Рассказы о сновидениях..., 2009].

ния перечисленных отношений приведены в [Mann, Thompson, 1987], там же указаны базовые различия между некоторыми отношениями.

При работе с поэтическими текстами использовались следующие принципы дифференциации отношений.

Отношения Volitional Cause, Non-Volitional Cause, Volitional Result, Non-Volitional Result, Purpose не нуждаются в детальных пояснениях, их смысл понятен по названиям. Следует обратить внимание лишь на то, что в ТРС при рассмотрении причинно-следственной связи проводится различие между причинами / следствиями, обусловленными волевым решением деятеля, и теми, которые возникают не в силу волевого решения, а проистекают из каких-то физических или иных причин. Какую часть такой пары – причину или следствие – считать ядром, зависит от расстановки акцентов: ядром является более значимая часть, сателлитом – менее значимая. Отношение Purpose не связывается с наличием воли; предполагается, что ядро этого отношения отражает скорее тенденцию, чем волевое устремление.

Отношения Background, Elaboration и Circumstance позволяют (посредством сателлита S) задать дополнительную информацию о представленной в ядре ситуации N. Различия между этими отношениями состоят в следующем. При использовании отношения Circumstance S задает пространственные и/или временные рамки ситуации N. Сателлит, присоединяемый посредством отношения Background, добавляет информацию, без которой адресат не сможет в нужной степени понять ситуацию N. В случае отношения Elaboration ситуация N понятна и без информации, добавляемой сателлитом. Сателлит, связанный с ядром отношением Elaboration, может конкретизировать ситуацию N, указывать ее атрибут, часть или этап (если N обозначает процесс).

Сателлит, связанный с ядром отношением Enablement, содержит информацию, которая по намерению автора предназначена для увеличения способности / возможности адресата выполнить некое действие, определенное ядром. Если использовано отношение Motivation, то намерение автора текста состоит в увеличении желания адресата выполнить это действие.

Отношение Antithesis рассматривается как подтип отношения Contrast, хотя в отличие от отношения Antithesis отношение Contrast является многоядерным (точнее – двух-ядерным). В случае использования отношения Antithesis автор текста предлагает в качестве сателлита некую альтернативу утверждаемому в ядре N развитию событий, и отрицание этой альтернативы призвано укрепить адресата текста в реальности N. В случае использования отношения Contrast противопоставляемые ситуации равноправны и представлены двумя ядрами.

Отношения Restatement и Summary означают повторение некоторой информации. Различие состоит в относительном размере текста. Если сателлит вводится посредством отношения Summary, то текстовая длина сателлита существенно меньше, чем ядра. Иначе говоря, резюме короче резюмируемого текста. В случае использования отношения Restatement ядро и сателлит примерно одинаковы по длине.

При использовании отношений Condition и Otherwise сателлит и ядро представляют еще не реализованные (гипотетические или будущие) ситуации S и N соответственно. В случае Condition осуществление N зависит от того, реализована ли ситуация S. Автор текста хочет, чтобы адресат понял эту зависимость. В случае отношения Otherwise реализация ситуации N предотвращает реализацию ситуации S: если N осуществилась, то S – нет.

В случае Concession автор текста видит некую потенциальную или кажущуюся несовместимость S и N (не предполагая при этом, что ситуация S имеет место), но при этом осознает, что S и N на самом деле совместимы. Как и в случае Otherwise, при использовании Concession автор намерен путем упоминания ситуации S увеличить склонность адресата принять ситуацию N.

Отношение Evaluation (Оценка) не встретилось при анализе текстов, однако его стоит упомянуть в связи с отношением Interpretation. Названные отношения похожи тем, что оба обозначают субъективную установку и оценивают ситуацию N, соотнося ее с чем-то внешним

по отношению к ней. Однако при использовании отношения Evaluation предполагается соответствие со шкалой. В случае использования отношения Interpretation происходит соотнесение не со шкалой, а с неким другим кругом идей. Отношение Interpretation безоценочно.

Отношения Evidence и Justify нацелены на убеждение адресата в истинности информации, представленной ядром. В случае Evidence автор использует сателлит S для сообщения доводов, увеличивающих доверие адресата к ситуации N. В случае Justify он хочет убедить адресата в том, что имеет право представлять информацию N.

Многоядерные отношения Sequence, Conjunction, Disjunction могут содержать много ядер, но сателлиты у них отсутствуют, и это значит, что все члены отношения равноправны. Отношение Sequence может объединять не только ядра, представляющие ситуации, упорядоченные по времени осуществления. Это может быть любое упорядочение: по размеру, цене, пространственному расположению и т. д.

К перечисленным отношениям были добавлены следующие одноядерные отношения: Comparison (Сравнение), Content (Содержание), Attitude (Установка), Appeal (Обращение).

Отношение Content связывает сателлит, обозначающий содержание установки или обращения, с ядром, обозначающим источник этого содержания (установки или обращения).

Отношения Attitude и Appeal используются в тех случаях, когда источник некоторого содержания видится автору текста более важным, чем само содержание. В случае Attitude ядро обозначает эмоциональную или когнитивную установку по отношению к ситуации, обозначенной сателлитом. В случае Appeal ядро представляет прямое обращение автора к читателю (например, совет или призыв) или к той или иной высшей силе, а сателлит – содержание этого обращения.

Анализ результатов

В случае применения ТРС для описания нарративных прозаических текстов получаемая структура коррелирует со структурой осуществления и осмысления событий (действий), представленных в тексте. Априорно ожидается, что аналогичное соответствие будет верно и для нарративных поэтических текстов (например, баллад).

В данной работе были проанализированы лирические стихотворные произведения. При изучении возможностей применения ТРС для описания поэтических текстов были построены структуры 10 стихотворений А. К. Толстого и 10 стихотворений И. Ф. Анненского. Эти структуры коррелируют прежде всего с ходом движения мысли и с событиями, происходящими во внутреннем мире человека. Рассматривались небольшие стихотворения, от 9 до 34 строк, от 39 до 172 словоупотреблений. Самый маленький текст – стихотворение И. Ф. Анненского, структура которого приведена на рис. 2.

Рис. 2. Структура стихотворения И. Ф. Анненского

Fig. 2. The structure of the I. F. Annensky's poem

Общий объем строк в проанализированных стихотворениях – 399, словоупотреблений – 1 717. Общее количество выделенных элементарных сегментов – 364, отношений – 303 (178 в текстах А. К. Толстого и 125 в текстах И. Ф. Анненского).

Самыми частыми отношениями в стихотворениях обоих авторов оказались Elaboration и Conjunction.

На диаграмме (рис. 3) показаны частотные характеристики отношений, встретившихся в рассмотренных поэтических текстах.

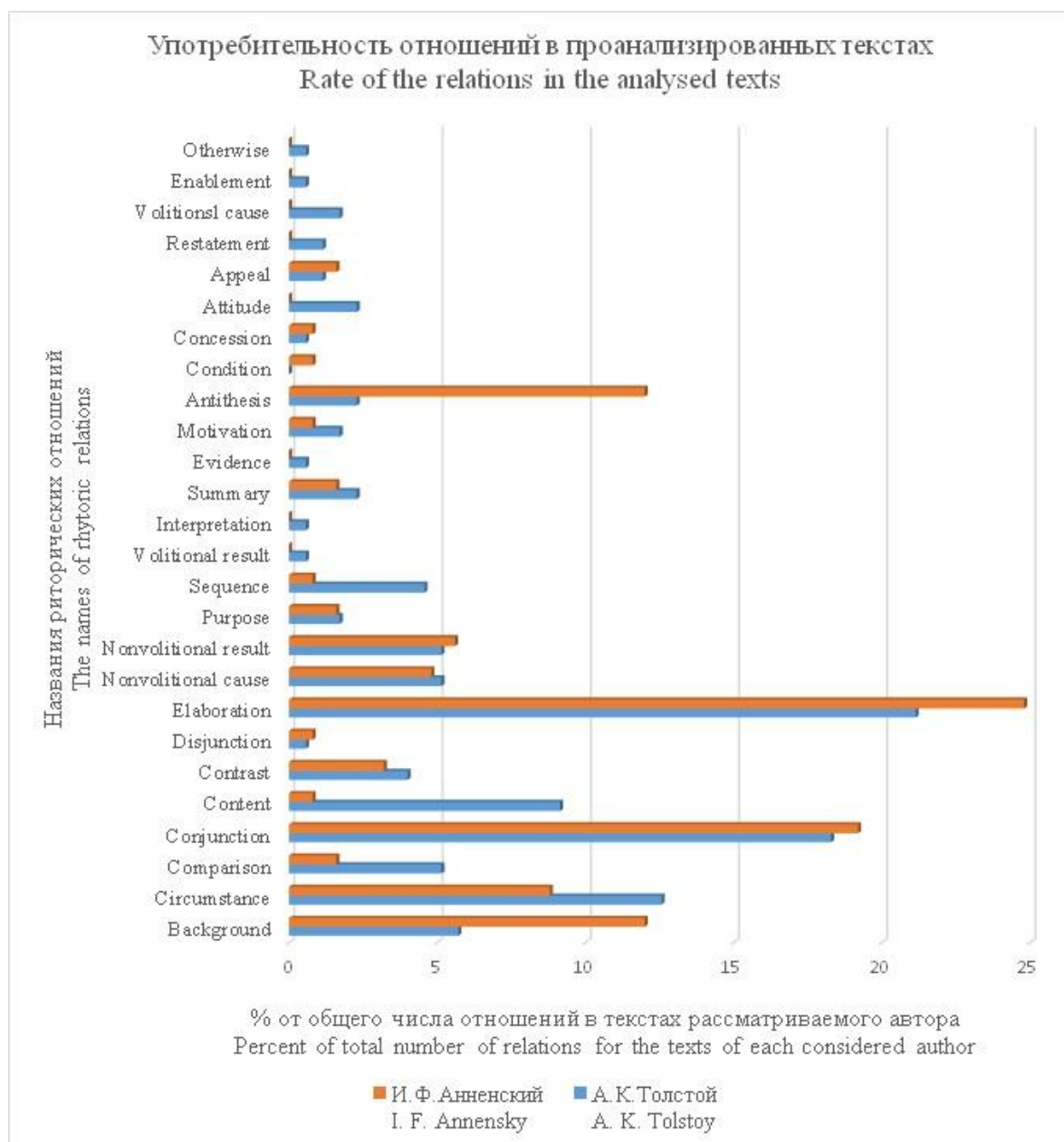

Рис. 3. Частотные характеристики выявленных отношений

Fig. 3. Rates of the detected relations

Некоторые из выявленных отношений более характерны только для одного из двух поэтов. Так, отношения Comparison, Content, Sequence, часто используются в текстах А. К. Толстого, но редко встречаются в текстах И. Ф. Анненского. Отношение Antithesis, напротив, значительно характернее для текстов И. Ф. Анненского, чем для текстов А. К. Толстого. Отношение Condition встретились только в стихотворениях И. Ф. Анненского, отношения Volitional result, Interpretation, Evidence, Attitude, Restatement, Enablement, Volitional cause, Otherwise – только в стихотворениях А. К. Толстого.

Из числа классических логических отношений (конъюнкция, дизъюнкция, импликация, отрицание) наиболее употребительным в рассмотренных текстах оказалась конъюнкция. Это отношение присутствует почти во всех построенных структурах, единственное исключение – стихотворение И. Ф. Анненского, приведенное на рис. 2.

Более детальное рассмотрение показало, что данное отношение чаще всего состоит из двух конъюнктов: 63 % от общего числа случаев использования конъюнкции у А. К. Толстого и 75 % у И. Ф. Анненского. Конъюнкции из трех или четырех конъюнктов встречаются реже, но имеются у обоих авторов: соответственно 31 и 6 % у А. К. Толстого, 21 и 4 % у И. Ф. Анненского.

Конъюнкты можно упорядочить по структурной сложности. Самый простой соответствует одной строке стихотворения, более сложный – двум строкам, еще более сложный является подструктурой структуры стихотворения, включающей более одного элементарного сегмента. Как правило, сегменты, связанные между собой отношением конъюнкции, различны по сложности, причем часто расположены в порядке усложнения структуры. Иллюстрацией может служить фрагмент стихотворения А. К. Толстого: (*Мой трезвый ум открыт для сильных вдохновений*) & (*Сосредоточен я живу в себе самом*) & (*И сжатая мечта зовет толпы видений / Как зажигательным рождая их стеклом*). Здесь два первых конъюнкта – строки стихотворения, а третий является подструктурой, в которой два элементарных сегмента соединены отношением Comparison.

Обратный порядок расположения конъюнктов (от структурно более сложного – к более простому) встречается значительно реже. Пример такого варианта конъюнкции можно найти во фрагменте из стихотворения И. Ф. Анненского, приведенного на рис. 1, б. Здесь в двух конъюнкциях из трех первый конъюнкт сложнее остальных.

Во многих случаях хотя бы один из конъюнктов является корнем поддерева – части структуры всего рассматриваемого текста. Процент таких конъюнкций от числа всех случаев использования данного отношения примерно одинаков для обоих авторов: 53 % у А. К. Толстого и 54 % у И. Ф. Анненского. Процент конъюнкций, состоящих только из структурно простых конъюнктов (равных одной строке стихотворения), тоже примерно одинаков: 28 % у А. К. Толстого и 33 % у И. Ф. Анненского.

Нередки также вложенные конъюнкции, когда один из конъюнктов, в свою очередь, включает в себя отношение конъюнкции (6 % от общего числа конъюнкций у А. К. Толстого и 13 % у И. Ф. Анненского). Максимальное количество таких последовательных вложений – 2. В этом случае в конъюнкцию верхнего уровня вложена другая конъюнкция, также содержащая внутри себя конъюнкцию. Пример такой вложенности можно увидеть в указанном выше фрагменте из стихотворения И. Ф. Анненского (см. рис. 1, б).

Следует отметить, что в рассмотренных поэтических текстах некоторые отношения встречаются очень редко. Например, дизъюнкция использована в стихотворениях каждого автора лишь по одному разу (хотя конъюнкция – одно из самых употребительных отношений в текстах обоих авторов). Неволитивные причины / результаты используются существенно чаще, чем волитивные. Некоторые отношения, нередко встречающиеся в других видах текстов, не представлены в поэтических текстах. Таковы отношения Evaluation (Оценка), Justify (Обоснование).

Согласно ТРС, функциональное назначение сегмента – и, значит, соответствующее ему отношение – определено интенцией автора текста. Эта интенция составляет содержание ре-

ляционной пропозиции. Для автора текста она очевидна. Адресату текста интенции автора непосредственно не доступны, поэтому он может лишь попытаться реконструировать реляционные пропозиции на основе имеющейся у него общей или контекстной информации. Проиллюстрируем возможность такой реконструкции на примере нескольких отношений.

Проще всего реконструировать реляционную пропозицию при наличии индикатора соответствующего отношения. Так, в проанализированных поэтических текстах отношение *Ar-real* было маркировано во всех случаях, индикатором этого отношения служит глагол в повелительном наклонении в форме второго лица.

Остальные встретившиеся отношения чаще всего не имеют индикаторов в тексте.

Рассмотрим фрагмент стихотворения А. К. Толстого: *Приходи вечерком в бор дремучий тайком, / На зеленом сидись берегу ты моем! / Много лет я бегу, рассказать я могу, / Что случилось когда на моем берегу.* Одна из соотносимых с этим фрагментом реляционных пропозиций – это утверждение о том, что выделенный жирным шрифтом сегмент связан с остальной частью данного фрагмента отношением *Motivation* и предназначен для мотивирования адресата выполнить указанное ранее действие. Эта реляционная пропозиция не имеет индикаторов в тексте.

Многочисленные корпусные исследования, направленные на изучение индикаторов реляционных пропозиций, показали [Taboada, Mann, 2006a. P. 15], что отношения *Enablement*, *Evaluation*, *Elaboration* практически никогда не маркируются, также очень редко маркированы отношения *Background* и *Summary*. В проанализированных текстах эта закономерность сохранилась. Кроме этого, в число немаркированных также попали все или большинство случаев использования отношений *Sequence*, *Nonvolitional cause*, *Nonvolitional result*, *Motivation*, *Purpose*, *Interpretation*.

Причинно-следственные отношения (*Nonvolitional cause*, *Nonvolitional result* и др.) почти во всех случаях оказались немаркированными (исключение представлено на рис. 2) или имеющими индикаторы с неоднозначной интерпретацией. Так, союз *и*, вообще говоря, может использоваться не только как индикатор конъюнкции, но и как индикатор импликации. Например, *Свет чела его коснется, / Дрожь по жилам пробежит, / Сердце чутко встрепечется – / И исчезнет прежний вид.* В данном фрагменте стихотворения А. К. Толстого «Поэт» разделение на элементарные сегменты совпадает с разделением на строки. Выделенный жирным шрифтом сегмент связан с предыдущими сегментами отношением *Nonvolitional result*, индикатором этого является союз *и* в сочетании со знаком тире.

Для идентификации причинно-следственных отношений, не имеющих индикаторов, использовался критерий осуществимости трансформации. Если можно (без существенного изменения смысла) трансформировать текст, сведя его к варианту, в котором рассматриваемые сегменты связаны индикатором причинно-следственной связи (*поскольку*, *так как*, *из-за этого* и т. д.), то между этими сегментами устанавливается одно из причинно-следственных отношений. Например, фрагмент того же стихотворения А. К. Толстого «Поэт» *В жизни светской, в жизни душевной / Песнопевца не узнать! / В нем личиной равнодушной / Скрыта божия печать* можно трансформировать, связав первые две строки с третьей и четвертой союзом *так как* (*В жизни светской, в жизни душевной песнопевца не узнать, так как...*). На этом основании между сегментами 1–2 и 3–4 было установлено отношение *Nonvolitional result*, ядром которого является сегмент 3–4. Выбор сегмента 3–4 в качестве ядра, т. е. основного носителя смысла всего приведенного фрагмента, обусловлен тем, что в последующей части данного стихотворения детализируется именно этот сегмент.

Представленные выше рассуждения, по сути, представляют собой реконструкцию реляционной пропозиции. Восстановление реляционной пропозиции необходимо для понимания текста, однако такой процесс часто бывает имплицитным, и реляционная пропозиция в явном виде не осознается.

Выводы и перспективы

Основным итогом проделанной работы является заключение о возможности и перспективности применения ТРС для анализа поэтических текстов. На материале русского языка такие исследования ранее не проводились.

Анализ структур стихотворений двух авторов – А. К. Толстого и И. Ф. Анненского – выявил как сходства, так и различия. Сходным является набор используемых отношений (совпадают 17 отношений из 26) и некоторые частотные характеристики (самые употребительные отношения в обоих случаях – Elaboration и Conjunction). Вместе с тем выявлены отношения, встречающиеся только у одного из авторов, а также существенные различия между частотными характеристиками некоторых отношений. Объем проанализированных текстов пока не позволяет сделать обобщающие выводы об авторских стилях, но перспективность таких сравнительных исследований на материале поэтических текстов разных авторов и разных жанров представляется очевидной.

Древесные структуры, получаемые на основе ТРС, делают возможным применение мер сложности, определенных на деревьях. Такая возможность уже была использована для дифференциации прозаических текстов в [Рассказы о сновидениях..., 2009]: были применены меры оценивания глубины узлов и степени ветвления. Анализ структурных сходств и различий в использовании отношения Conjunction показывает перспективность продолжения исследования поэтических текстов в этом направлении. В частности, можно рассмотреть применимость мер синтаксической сложности, описанных в [Гладкий, 1985].

Поиск закономерностей в сочетаемости отношений и их индикаторов, специфичных для поэтических текстов, важен для понимания и моделирования процессов реконструкции реляционных пропозиций. Изучение сочетаемости логических отношений (для конкретного автора или жанра) может дать полезные данные для автоматической генерации стихотворных текстов. Задача генерации текстов изначально мыслилась как базовая сфера приложения ТРС, однако для генерации поэтических текстов ТРС не использовалась.

Перечисленные направления продолжения исследования предполагается начать прежде всего с анализа других типов стихотворных произведений тех же авторов.

Список литературы

- Ананьева М. И., Кобозева М. В.** Разработка корпуса текстов на русском языке с разметкой на основе теории риторических структур // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2016. Вып. 15 (22).
- Бакиева А. М., Батура Т. В.** Исследование применимости теории риторических структур для автоматической обработки научно-технических текстов // Cloud of Science. 2017. Т. 4, № 3.
- Гладкий А. В.** Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М.: Наука, 1985. 144 с.
- Литвиненко А. О.** Описание структуры дискурса в рамках теории риторической структуры: применение на русском материале // Тр. Международного семинара «Диалог-2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Аксаково, 2001. Т. 1: Теоретические проблемы. С. 159–168.
- Рассказы о сновидениях:** Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
- Рогожкина С. М.** Интонационные конструкции как маркеры презентационных риторических связей в дискурсе // Преподаватель XXI век. 2012. № 2. С. 323–327.
- Современная американская лингвистика: фундаментальные направления** / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. 4-е изд. М.: Либроком, 2010. 480 с.

- Chistova, Elena, Kobozeva, Maria, Pisarevskaya, Dina, Shelmanov, A., Smirnov, Ivan, & Toldova, Svetlana.** Towards the Data-Driven System for Rhetorical Parsing of Russian Texts. In: *Proceedings of Discourse Relation Parsing and Treebanking. DISRPT2019*. Minneapolis, MN, 2019, p. 82–87.
- Conroy, Nadia, Rubin, Victoria, & Chen, Yimin.** Automatic Deception detection: Methods for finding fake news. *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*, 2015, vol. 52 (1), p. 1–4. DOI 10.1002/pra2.2015.145052010082
- Lu, Yushan.** A Discourse Analysis of Zhuang Dialogue Folk Songs. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts (linguistics) faculty of graduate studies. Mahidol University, 2016, 183 p.
- Lu, Yushan.** Applying Rhetorical Structure Theory to classical Chinese poetry: a case study of Mulan Ci. In: *Proceedings of the 2nd ASEAN Plus Three Graduate Research Congress (2nd AGRC)*. Bangkok, Thailand, Mahidol University, 2014, p. 415–423.
- Mann, William & Thompson, Sandra.** Assertions from discourse structure. In: *Proceedings of the Eleventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*, 2011, p. 245–258. DOI 10.3765/bls.v11i0.1886
- Mann, William & Thompson, Sandra.** Relational propositions in discourse. *Discourse Processes*, 1986, vol. 9 (1), p. 57–90. DOI 10.1080/01638538609544632
- Mann, William & Thompson, Sandra.** Rhetorical Structure Theory: A theory of text organization. Technical report No. ISI/RS-87-190. University of Southern California, Information Science Institute, 1987, 91 p. URL: https://www.sfu.ca/rst/pdfs/Mann_Thompson_1987.pdf
- Mann, William & Thompson, Sandra.** Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization. *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 1988, vol. 8 (3), p. 243–281. DOI 10.1515/text.1.1988.8.3.243
- Mann, William & Thompson, Sandra.** Towards a theory of reading between the lines: An exploration in discourse structure and implicit communication. The 7th IPrA International Pragmatic Conference. 2000. URL: <http://www-bcf.usc.edu/~billmann/WMLinguistic/BetweenLines.pdf>
- Paris, Cecile, Colineau, Nathalie, Lampert, Andrew, & Duran, Joan Giralt.** Fit it in but say it well! In: *Proceedings of the Australasian Language Technology Association (ALTA)*, 2008, p. 133–141.
- Pisarevskaya, Dina, Ananyeva, Margarita, Kobozeva, Maria, Nasedkin, Alexander, Nikiforova, Sofia, Pavlova, Irina, & Shelepov, Alexey.** Towards building a discourse-annotated corpus of Russian. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue-2017”*, 2017, p. 194–204.
- Pisarevskaya, Dina.** Rhetorical Structure Theory as a Feature for Deception Detection in News Reports in the Russian Language. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2017”*. Moscow, 2017, p. 184–193.
- Potter, Andrew.** Reasoning between the Lines: A Logic of Relational Propositions. *Dialogue and Discourse*, 2019, vol. 9 (2), p. 80–110.
- Proceedings of the 6th Workshop on Recent Advances in RST and Related Formalisms.* M. Taboada, I. da Cunha, E.G. Maziero, P. Cardoso, J. D. Antonio, M. Iruskieta (eds.). Association for Computational Linguistics, 2017, 82 p.
- Regneri, Michaela, Egg, Mark, Koller, Alexander.** Efficient Processing of Underspecified Discourse Representations. *Proceedings of ACL-08: Short Papers (Companion Volume)*. Columbus, Ohio, USA. (2008) Pp. 245–248.
- Stede, Manfred.** Disambiguating Rhetorical Structure. *Research on Language and Computation*, 2008, vol. 6, p. 311–332. DOI 10.1007/s11168-008-9053-7
- Taboada, Maite & Mann, William.** Applications of Rhetorical Structure Theory. *Discourse Studies*, 2006a, vol. 8 (4), p. 567–588. DOI 10.1177/1461445606064836
- Taboada, Maite & Mann, William.** Rhetorical Structure Theory: Looking back and moving ahead. *Discourse Studies*, 2006b, vol. 8 (3), p. 423–459. DOI 10.1177/1461445606061881

- Toldova, Svetlana, Pisarevskaya Dina, Kobozeva, Maria, & Vasilyeva, Maria.** The cues for rhetorical relations in Russian: “Cause 0 Effect” relation in Russian rhetorical structure Treebank. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2018”. Moscow, 2018.
- Zidrasco, Tatiana, Bobicev, Victoria, Shiramatsu, Shun, Ozono, Tadachika, & Shintani, Toramatsu.** Agreement: How to reach it? Defining language features leading to agreement in discourse. In: Proceedings of Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP). Hissar, Bulgaria, 2011, p. 781–786.

References

- Ananyeva, M., Kobozeva, M.** Elaboration of Russian language corpus with annotation on the base of the Rhetoric Structure Theory. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue”. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2016, iss. 15 (22). (in Russ.) URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3460/ananyeva.pdf>.
- Bakiyeva, A. M., Batura, T. V.** Research of applicability of the rhetorical structure theory for automatic processing of scientific and technical texts. *Cloud of Science*, 2017, vol. 4, no. 3. (in Russ.) URL: <http://cloudofscience.ru>
- Chistova, Elena, Kobozeva, Maria, Pisarevskaya, Dina, Shelmanov, A., Smirnov, Ivan, & Toldova, Svetlana.** Towards the Data-Driven System for Rhetorical Parsing of Russian Texts. In: Proceedings of Discourse Relation Parsing and Treebanking. DISRPT2019. Minneapolis, MN, 2019, p. 82–87.
- Conroy, Nadia, Rubin, Victoria, & Chen, Yimin.** Automatic Deception detection: Methods for finding fake news. *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*, 2015, vol. 52 (1), p. 1–4. DOI 10.1002/pa2.2015.145052010082
- Gladky, A. V.** Sintaksicheskie struktury estestvennogo yazyka v avtomatizirovannykh sistemakh obshcheniya [Syntactic structures of natural language in computer-based communicative systems]. Moscow, Nauka, 1985, 144 p. (in Russ.)
- Litvinenko, A. O.** Description of discourse structure in the Theory of Rhetorical Structures (the case of Russian)]. In: Proceedings of the International Workshop Dialogue, 2001, p. 159–168. (in Russ.)
- Lu, Yushan.** A Discourse Analysis of Zhuang Dialogue Folk Songs. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts (linguistics) faculty of graduate studies. Mahidol University, 2016, 183 p.
- Lu, Yushan.** Applying Rhetorical Structure Theory to classical Chinese poetry: a case study of Mulan Ci. In: Proceedings of the 2nd ASEAN Plus Three Graduate Research Congress (2nd AGRC). Bangkok, Thailand, Mahidol University, 2014, p. 415–423.
- Mann, William & Thompson, Sandra.** Assertions from discourse structure. In: Proceedings of the Eleventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society, 2011, p. 245–258. DOI 10.3765/bls.v11i0.1886
- Mann, William & Thompson, Sandra.** Relational propositions in discourse. *Discourse Processes*, 1986, vol. 9 (1), p. 57–90. DOI 10.1080/01638538609544632
- Mann, William & Thompson, Sandra.** Rhetorical Structure Theory: A theory of text organization. Technical report No. ISI/RS-87-190. University of Southern California, Information Science Institute, 1987, 91 p. URL: https://www.sfu.ca/rst/pdfs/Mann_Thompson_1987.pdf
- Mann, William & Thompson, Sandra.** Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization. *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 1988, vol. 8 (3), p. 243–281. DOI 10.1515/text.1.1988.8.3.243

- Mann, William & Thompson, Sandra.** Towards a theory of reading between the lines: An exploration in discourse structure and implicit communication. The 7th IPrA International Pragmatic Conference. 2000. URL: <http://www-bcf.usc.edu/~billmann/WMLinguistic/BetweenLines.pdf>
- Paris, Cecile, Colineau, Nathalie, Lampert, Andrew, & Duran, Joan Giralt.** Fit it in but say it well! In: Proceedings of the Australasian Language Technology Association (ALTA), 2008, p. 133–141.
- Pisarevskaya, Dina, Ananyeva, Margarita, Kobozeva, Maria, Nasedkin, Alexander, Nikiforova, Sofia, Pavlova, Irina, & Shelepov, Alexey.** Towards building a discourse-annotated corpus of Russian. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue-2017”, 2017, p. 194–204.
- Pisarevskaya, Dina.** Rhetorical Structure Theory as a Feature for Deception Detection in News Reports in the Russian Language. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2017”. Moscow, 2017, p. 184–193.
- Potter, Andrew.** Reasoning between the Lines: A Logic of Relational Propositions. *Dialogue and Discourse*, 2019, vol. 9 (2), p. 80–110.
- Proceedings of the 6th Workshop on Recent Advances in RST and Related Formalisms. M. Taboada, I. da Cunha, E.G. Maziero, P. Cardoso, J. D. Antonio, M. Irukieta (eds.). Association for Computational Linguistics, 2017, 82 p.
- Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. Eds. Andrey A. Kibrik, Vera I. Podlesskaya. Moscow, Languages of Slavonic Culture, 2009, 736 p. (in Russ.)
- Regneri, Michaela, Egg, Markus, Koller, Alexander.** Efficient Processing of Underspecified Discourse Representations. Proceedings of ACL-08: Short Papers (Companion Volume). Columbus, Ohio, USA. (2008) Pp. 245–248.
- Rogozhkina, S. M.** Innovational constructions as markers of rhetoric relations in discourse. *Prepodavatel XXI vek*, 2012, no. 2, p. 323–327. (in Russ.)
- Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamental'nye napravleniya (Fundamental trends of modern American linguistics). Eds. A. A. Kibrik, I. M. Kobozeva, I. A. Sekerina. 4th ed. Moscow, Librokom Publ., 2010, 480 p. (in Russ.)
- Stede, Manfred.** Disambiguating Rhetorical Structure. *Research on Language and Computation*, 2008, vol. 6, p. 311–332. DOI 10.1007/s11168-008-9053-7
- Taboada, Maite & Mann, William.** Applications of Rhetorical Structure Theory. *Discourse Studies*, 2006a, vol. 8 (4), p. 567–588. DOI 10.1177/1461445606064836
- Taboada, Maite & Mann, William.** Rhetorical Structure Theory: Looking back and moving ahead. *Discourse Studies*, 2006b, vol. 8 (3), p. 423–459. DOI 10.1177/1461445606061881
- Toldova, Svetlana, Pisarevskaya Dina, Kobozeva, Maria, & Vasilyeva, Maria.** The cues for rhetorical relations in Russian: “Cause 0 Effect” relation in Russian rhetorical structure Treebank. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2018”. Moscow, 2018.
- Zidrasco, Tatiana, Bobicev, Victoria, Shiramatsu, Shun, Ozono, Tadachika, & Shintani, Toramatsu.** Agreement: How to reach it? Defining language features leading to agreement in discourse. In: Proceedings of Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP). Hissar, Bulgaria, 2011, p. 781–786.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
06.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Тимофеева Мария Кирилловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института вычислительных технологий СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 6, Новосибирск, 630090, Россия)

Mariya K. Timofeeva, Dr. Sci. (Linguistics), Leading Researcher at the Institute of Computational Technologies SB RAS (6 Academician Lavrentiev avenue, 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

mtimof@inbox.ru

ORCID 0000-0001-8999-2330

УДК 003.349.1

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-46-61

О счетном значении глаголицы

О. И. Глазунова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Глаголические знаки появились неслучайно, за схематическим их изображением стоит некий исходный смысл, обладающий для носителей языка системным образно-когнитивным и структурно-символическим значением. Однако все попытки сопоставить глаголические символы с германскими рунами, с эфиопским, коптским, готским, арабским или греческим минускульным письмом не привели ни к каким результатам. В статье утверждается, что образы глаголических букв отражают логику развития общественного сознания того времени и напрямую соотносятся с принципами, которыми руководствовались первобытные художники при описании действительности. Первобытное мышление было основано на ассоциативных связях между знаком, его значением и ассоциативно оформленным представлением о том, какую роль играет это значение в жизни общества. Данная связь должна была облегчить процесс восприятия знаков через их соответствие традиционным взглядам носителей языка. Порядок следования в алфавите глаголических символов в строгом соответствии с закрепленными за ними числовыми значениями дает возможность сопоставить их форму с дошедшими до нашего времени изображениями предметов, которые обладали в сознании первобытного человека особым смыслом. В статье выдвигается гипотеза о том, что в первых пяти глаголических знаках заложены представления первобытного человека о себе, своей семье и предках: мужчина **Ѧ** (1), женщина **Ѣ** (2), их союз **ѦѢ** (3), дом **ѦѢ** (4), родовая защита **ѦѢѢ** (5). Однако не только когнитивные, но и структурно-арифметические соответствия символов играли значительную роль в глаголице. В отличие от кириллицы, числовые значения глаголических букв идут без пропусков, и это наводит на мысль, что именно эти значения были у них первичными. Структурно-схематические соответствия глаголических знаков, например букв «добро» (5), «люди» (50) и «фита» (500); «иже» (20) и «слово» (200); «како» (40) и «ук» (400) и др., а также возможность преобразования их графических изображений друг в друга в соответствии с числовыми значениями с помощью различных структурных элементов, обладающих в системе закрепленными за ними количественными показателями «единица», «десяток» и т. д., позволяют сделать следующий вывод: первоначально глаголица возникла как система счета и лишь затем ее знаки были приспособлены для обозначения звуков речи и параллельно с кириллицей получили буквенные наименования, сохранив сквозной порядок закрепленных за ними числовых значений.

Ключевые слова

происхождение глаголицы, когнитивный подход, форма и содержание букв

Для цитирования

Глазунова О. И. О счетном значении глаголицы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 46–61. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-46-61

On the Countable Meaning of the Glagolitic Script

Olga I. Glazunova

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

Previous attempts to discover any links of the Glagolitic symbols with the Germanic runes, the Ethiopian, Coptic, Gothic, Arabic scripts, or with the Greek minuscule writing have not lead to any results. But at the same time, it is obvious that Glagolitic signs did not appear accidentally. There must be a certain initial meaning behind their schematic representation, and this meaning had a profound figurative cognitive and structural symbolic meaning for speakers.

© О. И. Глазунова, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 2

The author claims that the visual images of Glagolitic letters are directly related to the principles that primitive artists were guided by when depicting reality. The article provides evidence that Glagolitic letters followed the logic of the development of social consciousness of that time, they reflected and transmitted the idea of *Genus hominum*. Primitive thinking was based on the associative connections between a sign, its meaning, and an associative representation of the role that this meaning played in the life of their tribe. The main task of these associative representations was to facilitate the process of perception and memorization of signs through their compliance with traditional cultural values of native speakers. The alphabet order of Glagolitic signs was interpreted in strict accordance with their numerical meaning. This order makes it possible to draw analogy between the form of the letters and the images of some ancient artifacts which had a special spiritual significance for the primitive man. The article claims that the first five Glagolitic signs contain figurative and cognitive ideas of the primitive man about himself, his family and ancestors: a man (1), a woman (2), their union (3), their house (4), and protection of the tribe (5). Structural and arithmetic correspondences of symbols played a significant role in the Glagolitic script as well. Unlike the Cyrillic alphabet, numerical values of the Glagolitic letters follow each other without any omission. This suggests that these letters were used first as numbers. There are also structural and schematic correspondences between Glagolitic symbols. Using various structural elements assigned to them by the system, it is possible to transform their graphic images into numbers “one”, “ten”, etc. This highlights the idea that initially the Glagolitic alphabet arose as a counting system and was adapted to write the sounds of speech later. For this reason Glagolitic letters received the same names as these in the Cyrillic alphabet, but they preserved the straight-through order of their numerical values.

Keywords

origin of the Glagolitic alphabet, cognitive approach, form and content of letters

For citation

Glazunova, Olga I. On the Countable Meaning of the Glagolitic Script. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 46–61. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-46-61

Любой знак может быть выражен с помощью другого знака,
внутри которого он раскрывается с большей полнотой.

Поль Рикёр

Введение

Человек в своих действиях и в своем творчестве опирается на природу, где все имеет причинно-следственную связь и функциональную обусловленность, где материальная форма и присущее ей содержание находятся в постоянном взаимодействии. «Несомненно, – пишет в этой связи Э. Сепир, – в нашем ощущении формы присутствуют гораздо более глубинные элементы, чем все те, которые удалось предугадать большинству теоретиков искусства» [2003. С. 151]. Ощущение формы находит проявление во всех результатах деятельности человека. И язык в этом ряду не может быть исключением.

На раннем этапе своего существования знаки, служившие основой письменности, должны были обладать зрительными или слуховыми ассоциациями с окружающей человека действительностью, нести в себе информацию, которая давала возможность соотнести форму с заложенным в ней содержанием. Принципы передачи этой информации в разных алфавитах были разными. Например, в кириллической азбуке начертание букв имело привязку к работе артикулярного аппарата (графическое происхождение букв было связано с артикуляцией обозначаемых ими звуков¹), а в глаголице этот признак отсутствовал. Возможно, именно это практическое преимущество сделало кириллицу более востребованной и привело к тому, что в дальнейшем она вытеснила другие системы письма у славян. Однако в любом алфавите письменные знаки в той или иной мере соотносились с приписываемым им содержанием, каким бы оно ни было.

Обусловленность содержания формой со всей очевидностью проявляется, например, в простейших видах пиктографического письма и сохраняется, пусть и в крайне трансформи-

¹ См. об этом: [Ролич, 1973; Киров, 2000].

рованном виде, в современном иероглифическом письме. В привычном нам фонетическом письме восприятие очертаний букв также тесно связано с некими глубинными скрытыми «смыслами» читаемого текста, что и подтвердилось с момента изобретения книгопечати в факте появления множества шрифтов. Они наделены трудноуловимой, но, тем не менее, явственной визуальной «семантикой». Причем определенная «стилевая» семантика может распространяться не только на шрифты одного и того же алфавита, но и на латиницу и кириллицу вместе.

С учетом сказанного можно утверждать, что знаки алфавитов воплотили в себе результаты исторического развития народов; есть основания предполагать, что за схематическим их изображением стоит некий исходный «смысл», и что он не только может, но и должен обладать системным значением. Даже в случае утраты в ходе исторического развития языка представлений об этом смысле, первоначальное смысловое содержание письменных знаков может быть восстановлено в результате поиска аналогий в социокультурном наследии и традициях носителей языка.

Глаголица в эпоху христианства

Любой алфавит является системой, а система всегда обусловлена функциональным значением, в данном случае – мировоззренческим, условно-символическим или религиозным. Именно эти составляющие лежат в основе письменных знаков в обществе. Однако если обратиться к глаголице, то здесь вопросов остается больше, чем ответов.

До сих пор наука не располагает достоверными данными о происхождении глаголицы. Проблему усугубляет и тот факт, что целый ряд глаголических букв не имеет никаких явных соответствий с известными науке письменными знаками. Несомненно только то, что после принятия христианства элементы, которые составляли буквенные символы, приобрели христианский смысл, но утверждать, что он был присущ им изначально, вряд ли можно. Если, конечно, не стоять на позиции, что «письменная традиция славян начинается с принятием христианства, а потому расшифровка символики глаголицы невозможна вне контекста раннехристианской культуры» [Карпенко, 2009. С. 25].

Начиная со второй половины XX в. среди филологов-палеославистов получила распространение гипотеза Г. Чернохвостова, согласно которой буквы глаголического алфавита были составлены из креста, круга и треугольника, изначально обладавших в сознании носителей языка сакральным смыслом: крест символизирует Христа, круг – божественную бесконечность, треугольник – Троицу².

Некоторые исследователи придерживаются той точки зрения, что сакральный смысл имеют лишь некоторые буквы глаголицы: «Явная христианская символика отмечена в начертаниях по крайней мере трех очень важных букв глаголической азбуки: “азъ” (первая буква, представляющая одно из видоизменений креста как христианского символа), а также “иже” и “слово” – начало и конец подтитлового сокращения священного имени Иисус (начертания этих двух букв представляют собой две вертикальных комбинации треугольника (символа Троицы) и круга (символа всевидящего ока))» [Савельева, 1994. С. 16].

Однако, на наш взгляд, постулат о христианском происхождении глаголицы существенно снижает уровень исследования, так как геометрические фигуры, которые были задействованы в начертании глаголических букв, не ограничиваются «христианскими» крестом, кругом и треугольником. В их очертаниях присутствуют еще и угол, полукруг, четырехугольник, усеченный треугольник, которые для создателей азбуки тоже обладали каким-то смыслом. И этот смысл в условиях системной организации алфавита должен быть связан со смысловым наполнением остальных элементов.

² Данная гипотеза прозвучала в изложении В. Р. Кипарского – научного руководителя Г. Чернохвостова [Кипарский, 1958].

Даже те геометрические фигуры, на которые исследователи указывают как на христианские, сложились задолго до христианства у народов самой разной этнокультурной принадлежности и разного уровня общественного развития. Отсюда следует, что говорить об изначальной сакральности глаголицы можно только по отношению к наименованию букв, но не к их начертанию, потому что задействованные в буквах геометрические фигуры могли воплощать самые разные, в том числе далекие от христианской символики, образы.

Гипотеза Г. Чернохвостова вызвала дискуссию. Некоторые исследователи, в частности Ю. С. Степанов, разделяет ее лишь частично. По его мнению, «исторически отдельные буквы могут задолго предшествовать появлению данного алфавита, т. е. быть заимствованными в него из других систем письменности или иных знаковых систем. Но, попадая в данный алфавит, такие буквы пластично моделируются в нем соответственно своему месту» [Степанов, 1991. С. 23].

Исходя из этого, Степанов выдвигает свою гипотезу, согласно которой первая буква славянского алфавита **Ѧ** может происходить из первой буквы готского алфавита «*aza*» и соответствующей руны, которая «во всех германских рунических алфавитах однозначно связывается со смыслом “бог”». Глаголическая буква «азъ», в его представлении, происходит из рунической записи имени верховного божества Тенгри тюрко-монгольского происхождения [Там же. С. 31].

Имя второй буквы в славянских алфавитах «букы» **Ѣ**, по мнению Степанова, «восходит к имени дерева “бук” и является, несомненно, заимствованием из германских языков» [Там же. С. 33], а третья буква «веди» вошла в славянскую письменность из англосаксонского мира в измененном ассоциативном виде: «от древнего *vētiti* “вещать” к более актуальному *vēdēti* “знать”» [Там же. С. 42].

Языческие разыскания Ю. С. Степанова также вызвали негативные отклики ряда семиологов: Л. В. Савельевой, Л. Б. Карпенко, Т. А. Ивановой. По мнению Савельевой, «изучение семиотики славянской азбуки в отрыве от целей и задач, стоявших перед Кириллом, вряд ли может быть плодотворным. В этом отношении нам представляется очень искусственной гипотеза Ю. С. Степанова относительно языческой первоосновы начальной глаголической буквы «азъ» [Савельева, 1994. С. 30].

Еще менее плодотворными оказались попытки сопоставить глаголицу с более ранними по времени средствами письменности или иными знаковыми системами: с германскими рунами (Я. Гануш), с греческим минускульным письмом (Ф. Ф. Фортунатов, И. Тейлор), с эфиопским (И. Иречек, П. Шафарик), коптским (Ф. Ф. Фортунатов, В. И. Ламанский), арабским письмом (В. И. Григорович), с грузинским алфавитом «хуцури» (Н. С. Трубецкой, А. Сургуладзе) и т. д.³

Проблему усугубляет еще и тот факт, что древнейшие памятники славянской письменности дошли до нас в двух графических разновидностях. «Наличие в раннем периоде славяно-русской письменности двух различных азбук – глаголической и кирилловской – издавна обращало на себя внимание и заставляло искать источники того и другого письма. Но в то время как источник кириллицы ясен – византийское унциальное письмо, источник глаголицы не выяснен до настоящего времени» [Гранстрем, 1955. С. 300].

По мнению многих исследователей, глаголица существовала на Руси до кириллицы, которая в дальнейшем вытеснила ее в силу удобства и практичности написания кириллических букв. «Глаголица не оставила почти никаких следов в письменности Болгарии и древней Руси» [Там же. С. 303]; «Лишь у юго-западных славян в связи с преследованием католическим духовенством богослужебных книг, написанных кириллицей, занесенная туда с востока протоглаголица в конце IX в. пережила возрождение как тайнопись. При своем возрождении протоглаголица, в свою очередь, изменилась и усовершенствовалась под влиянием кириллицы, превратившись в известное нам глаголическое письмо – XII вв.; именно в этот период

³ Подробнее об этом см.: [Истрин, 1988. С. 70–77].

глаголица почти совпала с кириллицей по буквенно-звуковому составу, по порядку букв алфавита, по названиям букв и т. д.» [Истрин, 1961. С. 306]. Соответственно, до того времени глаголица развивалась самостоятельно, представляя собой автономную систему письменности, и не единственную.

Таким образом, необходимо признать, что в отличие от кириллицы глаголица как система письменных знаков обладает большей самобытностью. К сожалению, до сих пор относительно происхождения глаголических букв и их образных соответствий у исследователей не сложилось единого мнения. Безусловно, это имеет объективные причины: отсутствие достаточного количества письменных памятников не позволяет найти убедительные доказательства, способные привести к консенсусу.

Чтобы решить эту проблему, обратимся к памятникам доисторической эпохи: к наскальным рисункам, в которых раскрываются представления первобытного человека о себе самом и жизни общества, к глиняным и бронзовым фигуркам, отражающим мировоззрение авторов того времени, к предметам прикладного искусства и попытаемся найти соответствие между ними и глаголической письменностью.

Глаголические буквы и первобытное творчество

Попытки выявить сходство между структурой отдельных глаголических знаков и другими символами предпринимались давно – например, при описании палеографических признаков, встречающихся у отдельных букв в разных глаголических памятниках. Так, по мнению И. В. Ягича, буква **ѿ** иногда напоминает «фигуру опрокинутой груши», верхняя часть буквы **ѿ** («слово») обозначена им как «шапочка», а спускающаяся вниз линия буквы **ѿ** («бука») – как «шея». Глаголическая буква **ѿ** («мыслите») в некоторых текстах, по мнению исследователя, напоминает латинскую **M**, буква **ѿ** («како») с прямо поставленной вертикальной чертой, встречающейся в некоторых текстах, похожа на латинскую **h**, а **ѿ** («иже») при округлой верхней части – на цифру восемь [Ягич, 1911].

Очевидно, приведенные выше изменения в начертании букв, относящихся к разному времени, обусловлены, прежде всего, воображением автора и чисто техническими особенностями написания. На общий структурный облик, по которому прочитывается та или иная буква, они влияния не оказывают: буквенные символы идентифицируются в текстах при любом способе изображения. Кроме того, сходство отдельных глаголических букв с латинскими, греческими или любыми другими буквами вряд ли может продвинуть нас на пути обретения комплексных представлений о глаголице как уникальной целостной системе письменных знаков.

Чтобы решить проблему, прежде всего обозначим предмет исследования. С нашей точки зрения, в такого рода работе следует опираться лишь на то, что дошло до нашего времени, – сам алфавит, включающий буквенные символы, объединенные в системном порядке, а также средства фиксации и передачи информации и социального опыта, которые использовались нашими предками в дописьменную эпоху. К ним относятся наскальные рисунки, передающие полученную извне визуальную информацию, и дошедшие до нашего времени схематические контурные изображения предметов, людей и животных.

Если предположить, что буквы глаголицы были заимствованы из других, более ранних, источников, то к таковым следует отнести прежде всего системы знаков и условных обозначений, которые традиционно использовались для обмена информацией, связанной с торговлей, мореплаванием или ритуальными действиями. Существенным подспорьем в такого рода исследовании может стать поиск соответствий буквенных глаголических знаков друг другу на основе числового, а не какого-то иного значения.

В опубликованном из Мариинского четвероевангелия «Евангелии от Луки. Из глаголической рукописи XI века» (СПб, 1889–1881) параллельно приводятся глаголический и кириллический алфавиты с числовыми обозначениями букв. Анализируя эти рукописи, И. И. Срез-

невский обратил внимание на тот факт, что в глаголице «буквы для чисел взяты подряд», в то время как «в кириллице для чисел употреблены были почти исключительно буквы греческие с тем же числовым значением» [Срезневский, 1866. С. 21, 20]. Именно в этом глаголица «круто отступает от греческой письменности <...>: цифровое значение в ней буквы имеют независимо от того, совпадают ли они по звуковому значению с греческими или нет (так, буква Б в кириллице не имеет цифрового значения, а в глаголице имеет)» [Прохоров, 1992. С. 182].

Тот факт, что в отличие от кириллицы числовые значения глаголических букв идут без пропусков, наводит на мысль, что, возможно, именно эти значения были у них первичными. И только потом знаки глаголицы были приспособлены для обозначения звуков и параллельно с кириллицей получили буквенные наименования. Проверим эту гипотезу, рассмотрев далее, с какими образными структурами могло быть связано представление о счете в первобытном обществе.

Первобытное мышление, консервативное и замкнутое, было основано на ассоциативных связях между знаком, его значением и ассоциативно оформленным представлением о том, какую роль играет это значение в жизни общества. Задача ассоциативных представлений состояла в том, чтобы облегчить процесс восприятия и запоминания знаков, например числовых, через их соответствие традиционным взглядам носителей языка.

Порядок следования в алфавите глаголических знаков в строгом соответствии с закрепленными за ними числовыми значениями дает возможность сопоставить их форму с дошедшими до нашего времени изображениями предметов, которые обладали в сознании первобытного человека особым смыслом.

С нашей точки зрения, в первых пяти глаголических знаках были заложены представления общества того времени о человеке, семье и предках: мужчина (1), женщина (2), их союз (3), дом (4), родовая защита (5). Попробуем обосновать это утверждение.

Первая буква глаголицы «азъ» , или крест, как часто обозначают ее исследователи, соответствует местоимению «я», которое служит для обозначения человека. И не просто человека, а личности, которая способна выделить себя из окружающей среды, т. е. является субъектом сознательной деятельности, противопоставленной коллективному бессознательному. Отсюда и количественное значение, которое ей можно приписать, – единица.

Вместе с тем очевидно, что в качестве такой личности, наделенной способностями, волевыми качествами, характером, в традиционном обществе мог выступать исключительно мужчина как носитель не только гендерных и индивидуальных, но и общественно-социальных признаков в эпоху патриархата. Женщина в этом обществе подобной самостоятельностью не обладала. В силу своей природы она была носителем совсем других социальных функций, связанных с выживанием и продолжением рода.

Неслучайно знак, который соответствует первой букве глаголицы, очень похож на изображения мужчин в петроглифах – наскальных рисунках, встречающихся в разных уголках мира (рис. 1).

Не только на рисунках, но и в скульптурных фигурках мужчин можно отметить те же особенности. Например, в миниатюрной фигурке из бронзы, которая была обнаружена в селении Арчо (Дагестан) и датирована V в. до н. э., мы видим определенное сходство с первой буквой глаголицы (рис. 2).

Наблюдая за переменами, которые происходили с буквой «азъ» на протяжении времени (рис. 3), И. В. Ягич обращает внимание на то, что «в древнейших памятниках, как показывают первые четыре рисунка, поперечная линия перемещалась довольно высоко по отношению к пункту, в котором она пересекала отвесную черту» [Ягич, 1911. С. 181–182]. При таком расположении поперечной линии (на уровне плеч) можно говорить о том, что схематический образ буквы соотносился с фигурой мужчины.

Рис. 1. Ларгинская писаница, Забайкалье. Возраст 4000 лет (a).
 «Газетный камень», штат Юта, США. Возраст 2000 лет (b).
 Наскальные рисунки индейцев хопи, штат Аризона, США. XII–IV вв. до н. э. (c, d)

Fig. 1. Larginskaya Pisanitsa, Transbaikalia. Age 4000 years (a).
 Newspaper stone, Utah, USA. Age 2000 years (b).
 The rock drawings of the hopi Indians, Arizona, USA. 12th – 4th century BC (c, d)

Рис. 2. Фигурка мужчины (бронза). Дагестан, V в. до н. э.

Fig. 2. Male figurine (bronze). Daghestan, 5th century BC

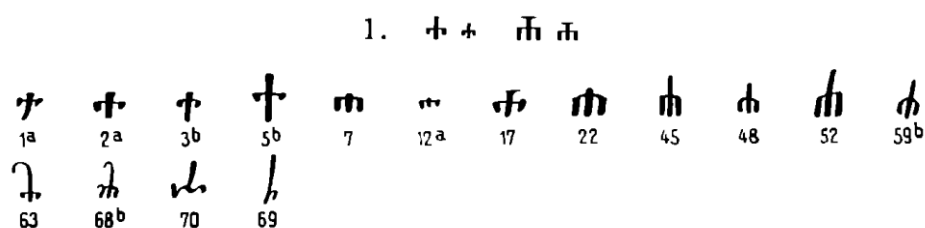

Рис. 3. Трансформация буквы «азъ»
 (Рисунок взят из работы [Ягич, 1911. С. 181]. Цифры под буквами указывают на номера снимков текстов, приведенных в конце книги, в которых данные начертания буквы присутствуют)

Fig. 3. Transformation of the letter “азъ”
 (Figure taken from the work [Yagich, 1911. P. 181]. The digits under the letters indicate the numbers of snapshots of texts at the end of the book in which these Glagolitic letters’ pictures are present)

Мужская фигура – не единственный образ, с которым ассоциируется буква «азь». Основная задача первобытного мужчины – защита своего дома и рода. В этой связи сходство первого буквенного знака «азь» со схематическим изображением копья или меча тоже имеет основание. Образ мужчины и боевого оружия, несомненно, неразрывно связаны в представлениях того времени, поэтому вполне закономерно предположить, что они могут переплетаться в облике буквы, которая на схематическом уровне передает представления, сложившиеся в сознании общества относительно мужского начала.

Любой алфавит обладает системным характером, т. е. представляет собой совокупность элементов, между которыми существует закономерная связь или взаимодействие. Исходя из этого, если первая буква «азь» воплощала в себе представления о мужском начале, то вторая, следуя маскулинно-феминистской логике формирования общественного сознания, должна была ассоциироваться с женщиной. И действительно, облик буквы «буки» **Б**, напоминает скульптурные изображения женщин в первобытном обществе.

Найденные на раскопках фигурки женщин свидетельствуют о высоком уровне владения искусством миниатюрной скульптуры у людей, которые жили около 25 тыс. лет назад. «Большинство найденных статуэток изображает обнаженную стоящую женскую фигуру; в них ясно видно стремление первобытного художника передать черты женщины-матери (подчеркнута грудь, огромный живот, широкие бедра)» [Шлеев, 1956. С. 22–24].

Образцы таких статуэток были обнаружены не только в Западной Европе (как статуэтки из Виллендорфа в Австрии (рис. 4), из Ментоны и Леспюга в южной Франции и др.), но и в России – на месте палеолитических стоянок у деревень Костенки и Гагарино на Дону, в Авдеево под Курском и др.

В скульптурных изображениях женщин, созданных в доисторическую эпоху, культ плодородия и особое отношение к матери-прародительнице выходят на первый план. Первобытные художники прежде всего старательно изображали в женщине то, что связано с деторождением, игнорируя все остальное. Черты лица, а также руки в такого рода статуэтках не проработаны. Ноги присутствуют, но они малы; создается впечатление, что нужны они лишь в качестве необходимого постамента для массивного живота и груди женщины.

Именно эти особенности строения женского тела переданы в глаголице в очертаниях второй буквы «буки» **Б**, верхняя часть которой символизирует грудь, а нижняя – живот женщины.

Таким образом, вторая глаголическая буквы **Б**, в нашем представлении, схематически передает анатомические особенности строения женского тела, которые связаны с ее основным, заложенным природой, предназначением. Изменение статуса женщины в эпоху патриархата не изменило отношение к ней как к матери. Знак, схематически связанный с женским началом, был вторым по важности. Число 2 соответствовало положению, которое, начиная с эпохи мезолита, женщина занимала в обществе, и потому знак приобрел в дальнейшем отвлеченное числовое значение 2, которое в глаголице, как и в первобытной культуре той эпохи, закрепилось за этим образом.

В этой связи стоит отметить, что тема женского плодородия, воплощенная в глаголическом знаке **Б**, вписывалась в традиции когнитивного восприятия действительности того времени: ведь первая буква глаголицы «азь» **А** заключала в себе и фаллическую символику, которая активно использовалась в памятниках времен палеолита как олицетворение мужского плодородия и начала новой жизни.

Третья глаголическая буква «веди» **В**, следуя логике, которой мы руководствовались при описании первых двух букв, должна соотноситься с образом семьи, которая связывает двух человек в единое целое. Атрибуты этой связи в «веди» выражаются с помощью округлой ли-

Рис. 4. Женская статуэтка из Виллендорфа (Австрия)

Fig. 4. Female statuette from Willendorf (Austria)

нии, соединяющей два кружка. А семья, кроме мужчины и женщины, включает еще и ребенка, отсюда количественное значение 3, свойственное данной букве. Неслучайно в европейской культуре тройка символизировала полноту и завершенность⁴. Символ **Ѡ** можно также соотнести со схематическими вариантами изображения костра, домашнего очага, горшка для приготовления пищи. Все они имеют непосредственное отношение к семье, к дому.

В четвертой букве «глаголь» **Ѣ** округлая линия, соединяющая два кружка в **Ѡ** «веди», резко заостряется. Но вместо вертикального положения, что было бы естественно в этом случае, угол смещается влево, напоминая схематическое изображение заостренного птичьего клюва или клинка, который использовали для защиты.

Комментируя знаменитый наскальный рисунок из пещеры Ляско (Франция) (рис. 5, справа), Б. А. Рыбаков обращает внимание на обломок копья, который лежит рядом с мужчиной, «завершенный схематичным изображением птицы». «Этот стержень, – по мнению Рыбакова, – точно повторяет роговую копьеметалку из Мас-д’Азиля с изображением снежной куропатки около крюка» [1994. С. 122]. Исходя из этого можно сделать вывод, что изображение птицы традиционно использовалось для украшения оружия в первобытном обществе.

Рис. 5. Пещера Ляско (Франция). Охотник и бизон. Палеолит
Fig. 5. Lascaux Cave (France). Hunter and bison. Paleolithic

Если обратить внимание на нижний контур птицы в том виде, в каком ее изображали в то время на копьях (см. рис. 5, слева) и копьеметалках, станет очевидно, что он напоминает букву «веди» в глаголице. И это тоже неслучайно.

В славянской мифологии фигурка птицы олицетворяла семейный очаг, этот образ способствовал сохранению спокойствия и счастья дома, оберегал семейство. Свойственное букве числовое значение 4 ассоциируется с образующими дом четырьмя стенами⁵. Схематизм глаголической буквы позволяет увидеть за символом и летящую птицу, и грозный птичий клюв. Даже в наши дни деревянная птица с развернутыми крыльями является одним из распространенных предметов народного творчества, предназначенных для защиты семейного счастья и благополучия⁶.

⁴ См. у Аристотеля: «Как говорят пифагорейцы, “целое” (to pan) и “все” (ta panta) определяются через число три: начало, середина и конец составляют число целого, и при этом троицу. Вот почему, переняв у природы, так сказать, ее законы, мы пользуемся этим числом при богослужениях» [1981. С. 265]. В. Н. Топоров отмечает: «Первым числом в целом ряде традиций (в т.ч. и в древнекитайской) считается 3. 3 – не только образ абсолютного совершенства, превосходства (ср. роль числа 3 как суперлатива: трисвятый, треклятый и т. п.), но и основная константа мифопоэтического макрокосма и социальной организации» [1988. С. 630].

⁵ Ср. русские пословицы и поговорки: «Дом о четырех углах»; «Без четырех углов изба не рубится»; «Четыре угла дому на строение, четыре времени году на совершение»; «Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится».

⁶ Например, на русском Севере, в Вологодской и Архангельской областях, с языческих времен было принято вешать в доме над столом деревянную щепную игрушку: «поморского голубя», или «птицу счастья» [Дмитриева, 2006; Максимов, 2014; Пришвин, 1982].

Буква «добро» **ѿ** с числовым значением 5 представляет собой зеркальное отражение по горизонтальной оси третьей буквы глаголицы **ѿ**, которая, по нашей версии, олицетворяет семью. Очертания буквы **ѿ** можно соотнести с символом «рожаниц», который активно использовался в вышивке и в обереговой вязи (рис. 6).

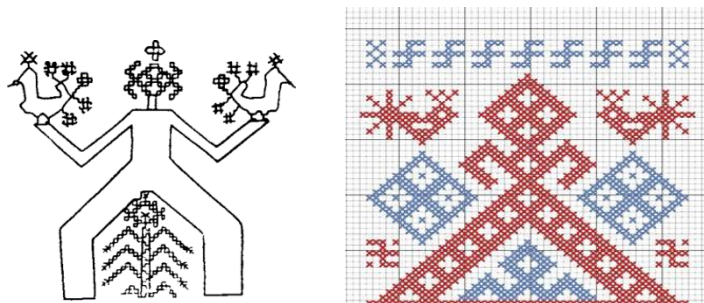

Рис. 6. Русская вышивка. Рожаницы: мать и дочь

Fig. 6. Russian embroidery. Rozhanitsy: mother and daughter

Рожаницы – наиболее древние неперсонифицированные богини славян, покровительницы рода и «хранительницы жизни», культ которых наравне с Родом – общеславянским богом, создателем всего живого – играл основополагающую роль в системе взглядов и родовой организации того времени [Мудрова, 2010. С. 7]. Кроме того, очертания буквы «добро» напоминают купол – небесный или наружный свод в виде полушария, который служит для защиты стен храмов.

Зеркальное строение букв «веди» **ѿ** и «добро» **ѿ** в глаголице можно проиллюстрировать фольклорными данными. В книге «Фольклор славян и его семиотическая система» М. Надель-Червинская говорит о значении числа 5 в «Сборнике сказок» А. Н. Афанасьева: «Интересно, что сам Афанасьев, рассматривая тексты сказок совсем не в том аспекте, что мы сегодня, выделяет <...> ‘семь коз’ (временная модель ‘дни недели жизни’) и ‘пять козлов’ – число пять традиционно соотносит ‘козла’ с ‘пространством времени’ (жизни и жизни в смерти как ее оборотной стороны)» (курсив мой. – О. Г.) [Надель-Червинская, 2012. С. 255]. Символическое значение «жизни в смерти», соотносящееся с умершими предками, которых чтят в каждой семье, соответствует выдвинутой в данной статье гипотезе относительно строения и значения буквы «добро».

Можно также предположить, что буква «есть» в виде полукруга **ѿ** в глаголице соотносится с полугодовым календарным циклом, которому соответствует число 6, закрепленное за этим знаком; ведь «по орнаментированному керамическому материалу II–I тыс. до н. э. у славян и их соседей улавливается деление года на четыре солнечных фазы, отмеченные на керамике четырьмя крестами, а также разделение солнечного года на 12 месяцев» [Рыбаков, 1994. С. 319].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в форме глаголических знаков, уходящих в далекое прошлое, нашли отражения представления первобытного человека о себе, своей семье, роде и предках, которые оберегали его на протяжении всей жизни. Порядок следования, их форма и содержание, а также соотнесенность букв с числовыми значениями: мужчина **ѿ** (1), женщина **ѿ** (2), их союз **ѿ** (3), дом **ѿ** (4), родовая защита **ѿ** (5), позволяют говорить о взаимосвязанности символов в составе глаголической системы на основе функционального значения.

Дальнейшая трактовка соответствия чисел буквенным символам в глаголице не может быть столь однозначной. Накопление знаний об окружающем мире, развитие мышления и умений человека их систематизировать и интерпретировать потенциально способствовали

вовлечению в круг числовых значений глаголицы все большего количества понятий и представлений. Вот почему работу в этом направлении необходимо проводить совместными усилиями представителей разных специальностей: лингвистов, культурологов, историков, этнографов, археологов. «Славянская палеография, в прошлом частная наука об истории письма, обогащаясь положениями семиотики, симвонологии, герменевтики, религиоведения, сегодня преодолевает формальный подход и становится дисциплиной культуроцентричной, общезначимой. Она выявляет не только эволюцию форм письма, но и ценностные основания славянской книжной традиции» [Карпенко, 2009. С. 16].

Кроме описанных выше структурно-когнитивных соответствий, в форме глаголических знаков просматривается еще одна особенность, на которую следует обратить внимание. Речь идет об арифметическом кодировании счетной информации. Наиболее ярко эта характеристика проявляется в структуре глаголических символов начиная с буквы **ѿ** «живете» с числовым значением 7. Рассмотрим это более подробно.

О структурно-счетных составляющих глаголицы

На уровне структуры глаголические буквы отображают не только образно-когнитивные представления древних славян, но и их познания в счете. О первоначальном счетном значении глаголицы говорит архимандрит Леонид (в миру Лев Александрович Кавелин): «Глаголица состоит из 24 букв, в каковые обращены условные знаки (*счетного или торгового значения*), бывшие издревле в народном употреблении приморских далматинско-хорватских славян, и из 14 букв, заимствованных непосредственно из кириллицы, с видоизменением некоторых для сходства с упомянутыми “условными знаками” округленной глаголицы» (курсив мой. – О. Г.) [Архим. Леонид, 1891. С. 60]⁷.

Происхождение глаголицы из знаков «счетного», «торгового (клейма)» или «хозяйственного (рези)», по мнению архим. Леонида, связано с тем, что «жители Далмато-Хорватского приморья издавна славилась как искусные моряки» [Там же. С. 46]. Безусловно, в то время плавать на кораблях, не обладая «счетным» письмом, не представлялось возможным.

Архимандрит Леонид – археолог, знаток палестинских, византийских, славянских, русских древностей и истории богослужения – был выдающимся ученым своего времени, поэтому его мысль о «счетном» письме, которое послужило основой для глаголического алфавита, заслуживает пристального внимания. Если счетное значение глаголических символов было первичным, то структура букв должна каким-то образом отражать этот факт.

Уже говорилось о том, что буква **ѿ** «добро» с числовым значением 5 представляет собой перевернутый образ буквы **ѿ** «веди» с числовым значением 3. Разница между числами 3 и 5 равна количеству кружков в основании буквы «добро» и верхней части буквы «веди». Вряд ли это может быть случайностью.

Если проанализировать графический состав буквы **ѿ** «люди» с числовым значением 50 и буквы **ѿ** «добро» с числовым значением 5, нетрудно заметить, что они отличаются лишь поперечной линией, соединяющей обращенные вниз закругления в знаке «люди»⁸.

Прослеживается графически-образная связь и между буквами **ѿ** «добро» (5), **ѿ** «люди» (50) и буквой **ѿ** «фита» (500), которая рядом исследователей рассматривается «как чужой вклад в славянскую азбуку» (например, И. В. Ягич, ссылаясь на мнение Й. Добровского, указывает, что и глаголический, и кириллический ее облик заимствованы из греческого алфави-

⁷ В данной работе архим. Леонид развивает мысль, высказанную И. И. Срезневским: «Соображая все данные и мнения о глаголице, нельзя не прийти к заключению, что она есть явление IX–X веков, последовавшее за кириллицей; но где и по какому случаю она получила начало и вошла в употребление, это вопрос, требующий изысканий» [Срезневский, 1948. С. 60]

⁸ В русских текстах глаголической тайнописи для обозначения десятков использовались черточки, для сотен – кружочки [Сперанский, 1929. С. 21], так что предположение о том, что глаголические знаки являются результатом структурно-арифметического кодирования, представляется вполне закономерным.

та [Ягич, 1911. С. 202]). Сходство с греческой Θ в облике глаголической буквы Ѳ «фита», безусловно, просматривается, однако нельзя проигнорировать наличие в ней пересекающей круг поперечной линии с обращенными вниз кружками на концах, напоминающей дугу в Ѣ «добро» с числовым значением 5.

Нижняя часть буквы Ѣ «живете» с числовым значением 7 соответствует букве Ѥ «добро» с числовым значением 5, а два расходящихся в стороны штриха в верхней части могут указывать на количество единиц, которые надо прибавить к пяти, чтобы получить присущее этому знаку числовое значение. Еще М. Н. Сперанский указал на тот факт, что в тайнописи существовал «цифровой», или точечный, способ обозначения букв: «суть этого способа заключается в том, что к обычной нужной букве прибавляют или от нее отнимают одну, две и т. д. единиц (десятков или сотен) ее цифровой значимости и пишут результат полученной буквы, обозначая точками, сколько к ней надо прибавить или от нее отнять, чтобы получить нужную букву; прибавление обычно указывают сверху, вычитание – внизу буквы» [Сперанский, 1929. С. 26]. В данном случае в букве Ѣ «живете» с числовым значением 7 мы как раз и имеем дело с прибавлением нужного количества единиц, обозначенных с помощью наклонных штрихов, которые расположены над буквой Ѥ «добро» с числовым значением 5. Вряд ли это может быть случайностью.

Соответствие наблюдается и в буквах Ѥ «добро» (5), Ѭ «люди» (50) и Ѯ «мыслите» (60). Стоит отметить еще одну особенность: в структуру буквы Ѯ входит верхняя часть буквы Ѧ с числовым значением 10, которая в силу того, что она находится наверху, может означать необходимость прибавки этого количества к нижнему знаку буквы Ѭ «люди» (50) для получения количества, соответствующего букве Ѯ «мыслите» (60).

Кроме того, нельзя не обратить внимание на соответствие букв Ѣ «иже» с числовым значением 20 и Ѧ «слово» с числовым значением 200. Они состоят из круга, в который своим острием вонзается равнобедренный треугольник: в букве с числовым значением 20 треугольник расположен сверху, при обозначении 200 – снизу. В том же равнобедренном виде с сохранением острых углов треугольник образует букву Ѣ «и» с числовым значением 10.

Если предположить, что треугольник во всех этих буквах имеет значение 10, то оставшийся круг в буквах Ѣ «иже» (20) и Ѧ «слово» (200) должен соотноситься с двойкой, которая в глаголице выражается буквой Ѣ «буки». И хотя круга как такового в облике буквы Ѣ нет, этот образ имеет к ней непосредственное отношение, если учесть схематические принципы, которыми руководствовались первобытные художники, изображая женщину: верхняя часть знака символизирует грудь женщины, а нижняя – круглый живот.

Буквы Ѣ «како» с числовым значением 40 и Ѧ «ук» с числовым значением 400 тоже соотносятся друг с другом: Ѧ включает в свою структуру букву Ѣ . Нетрудно заметить также, что в структуре буквы Ѧ «ук» присутствует буква Ѣ «рцы» с числовым значением 100: нижняя часть Ѧ получена из буквы Ѣ на основе зеркальной симметрии, верхняя часть представляет собой зеркальное отображение нижней части. Вертикальная черта справа, соединяющая верхний и нижний кружки буквы Ѧ , соотносится с обращенным вправо выступом буквы Ѣ , что дополнительно указывает на то, что числовые значения этих знаков связаны между собой.

В структуру буквы Ѧ «ц» с числовым значением 900 и буквы Ѣ «х» с числовым значением 600 тоже входит буква Ѣ «рцы» (100). Стоит отметить, что в некоторых глаголических памятниках буква «рцы» имеет нижнюю часть, приближенную к треугольнику, что дополнительно дает возможность соотнести ее с буквой Ѣ «и» с числовым значением 10. Определенное сходство есть и у букв «глаголь» Ѣ (4) и «зело» Ѣ (8), а также у Ѣ «зело» и Ѣ «земля» с числовыми значениями 8 и 9.

Соответствие глаголических знаков числовым значениям на структурном уровне в дальнейшем использовалось весьма активно в тайнописи, например при цифровом, «значковом», способе кодирования информации, который известен в нескольких разновидностях и был «при этом, вероятно, различного происхождения на славянской почве». Из России он был

заимствован южными славянами «в довольно позднее время (XVII–XVIII вв.); в греческой письменности он до сих пор не констатирован» [Сперанский, 1929. С. 20–21].

Безусловно, ограниченное количество дошедших до нашего времени памятников и отсутствие возможных предшествующих глаголице вариантов письменности не позволяет выявить все закономерности кодирования арифметической информации в составе письменных знаков, представив глаголицу в качестве системы обучения счетной грамоте у славян. Однако стоит отметить, что даже то немногое, что удалось распознать, свидетельствует о знании нашими далекими предками арифметических правил и владении «счетной мудростью».

Заключение

В работе выявлен ряд соответствий между структурными составляющими глаголических символов и укладом жизни общества, которое использовало эти символы на протяжении длительного времени.

Глаголические знаки были связаны между собой и создавались в соответствии с теми принципами, которыми руководствовались первобытные художники. В первых пяти знаках нашли отражение представления общества того времени о человеке, семье и предках: мужчина (1), женщина (2), их союз (3), дом (4), родовая защита (5). В витиеватой форме глаголических букв были зашифрованы: 1) взгляды и свойственные роду когнитивно-образные представления; 2) иерархия сложившихся в маскулинно-феминистском обществе отношений.

Если на уровне представлений числовое значение глаголических знаков соотносилось с иерархической моделью восприятия действительности, то на уровне структуры оно содержало информацию о познаниях людей того времени в области арифметики. Счетное значение глаголических знаков было первичным, и этот факт находит подтверждение в их структурной организации.

Геометрические элементы в составе глаголических символов (круг, штрих, треугольник и др.) соотносились с определенными количественными значениями, а их расположение в знаке указывало на то, на основе каких арифметических действий это число могло быть получено из других чисел, обладающих сходной с ним структурой и соответствующим значением.

Таким образом, полученные в работе данные опровергают утверждение представителей европейской лингвистики, в частности И. А. Бодуэна де Куртенэ, о том, что «между психическими элементами языка, т. е. <элементами> произносительно-слухового языкового мышления, и между психическими элементами письма, т. е. <элементами> писанно-зрительного языкового мышления, нет никакой необходимой “естественной” связи, а имеется только случайное сцепление, называемое ассоциацией» [Бодуэн де Куртенэ, 1963. С. 210–211].

Ничего случайного в буквенных символах в период их формирования и объединения в систему не было. Каждый из них в своей структуре воплощал зрительные, слуховые, ассоциативно-образные и ментальные представления предшествующих поколений носителей языка, являясь средством кодирования результатов познания ими окружающей действительности.

Заложенные в глаголице знания передавались из поколения в поколение через образное и ментальное восприятие буквенных символов до тех пор, пока в обществе существовала необходимость в такого рода распространении информации. И только потом, когда эта необходимость отпала, глаголические знаки перешли в разряд чисто графических изображений.

В настоящее время мы вынуждены восстанавливать семиотический код глаголицы, реконструируя его на основе разрозненных данных. Однако уже тот факт, что первая славянская азбука была многофункциональной кодирующей системой, дает возможность посмотреть на жизнь наших предков по-новому.

Список литературы

- Аристотель. О небе // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 263–278.
- Архим. Леонид. О родине и происхождении глаголицы и о ее отношении к кириллице // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1891, Т. 53, № 3. С. 1–47.
- Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: АН СССР, 1963. Т. 2. 391 с.
- Гранстрем Е. Э. О происхождении глаголической азбуки // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 300–313.
- Дмитриева С. И. Традиционное искусство русских Европейского Севера: этнографический альбом. М.: Наука, 2006. 284 с.
- Истрин В. А. Развитие письма. М.: АН СССР, 1961. 403 с.
- Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Карпенко Л. Б. Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 16–38.
- Кипарский В. Р. Ответ на вопрос № 30: «Какой из славянских алфавитов древнее – глаголица или кириллица; какой из этих алфавитов создан Кириллом и Мефодием?» // Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов). М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 315–316.
- Киров Е. Ф. Графика русского языка до и после Кирилла (к вопросу о происхождении буквенного письма) // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2000. № 1. С. 125–147.
- Максимов С. В. Год на севере. М.: Директ-Медиа, 2014. 583 с.
- Мудрова И. А. Словарь славянской мифологии. М.: Центрполиграф, 2010. 238 с.
- Надель-Червинская М. Фольклор славян и его семиотическая система. Тернополь: Крок, 2012. 304 с.
- Пришвин М. М. За волшебным колобком // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 181–386.
- Прохоров Г. М. Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 178–199.
- Ролич В. И. О психофизической сущности фонемы // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению: Тез. докл. М.: Изд-во УДН, 1973. С. 71–73.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. 2-е изд. М.: Наука, 1994. 608 с.
- Савельева Л. В. Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. С. 12–31.
- Сепир Э. Грамматист и его язык // Языки как образ мира. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 139–156.
- Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Л.: АН СССР, 1929. Вып. 4.3. С. 1–55.
- Срезневский И. И. Древние письмена славянские // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Ч. 59. Отд. II. С. 18–66.
- Срезневский И. И. Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы. СПб.: Имп. АН, 1866. 301 с.
- Степанов Ю. С. Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов в связи с историей культуры // Вопросы языкознания. 1991. № 3. С. 23–46.
- Топоров В. Н. Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1988. Т. 2. 671 с.
- Шлеер В. В. Основные этапы развития первобытного искусства // Всеобщая история искусств: В 6 т. / Под общ. ред. А. Д. Чегодаева. М.: Искусство, 1956. Т. 1. С. 22–38.
- Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. СПб.: Имп. АН, 1911. Вып. 3. С. 151–257.

References

- Archim. Leonid.** On the homeland and origin of the Glagolitic alphabet and its relation to the Cyrillic alphabet. In: Collection of the Department of Russian language and literature. St. Petersburg, 1891, vol. 53, no. 3, p. 1–47. (in Russ.)
- Aristotle.** O nebe. In: Aristotle. Sochineniya. In 4 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1981, vol. 3, p. 263–278. (in Russ.)
- Baudouin de Courtenay, I. A.** Selected works on General linguistics. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1963, vol. 2, 391 p. (in Russ.)
- Dmitrieva, S. I.** Traditional Russian art of the European North: an ethnographic album. Moscow, Nauka, 2006, 284 p. (in Russ.)
- Granström, E. E.** On the origin of the Glagolitic alphabet. In: Proceedings of the Department of Old Russian literature of the IRLI of the USSR Academy of Sciences. Moscow, Leningrad, 1955, vol. 11, p. 300–313. (in Russ.)
- Istrin, V. A.** 1100 years of the Slavic alphabet. Moscow, Nauka, 1988, 192 p. (in Russ.)
- Istrin, V. A.** The development of Writing. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961, 403 p. (in Russ.)
- Karpenko, L. B.** Saint Cyril's Glagolitic alphabet: About the roots of the Slavic spirituality. In: State, religion, Church in Russia and abroad. Moscow, RAGS Publ., 2009, p. 16–38. (in Russ.)
- Kiparsky, V. R.** The answer to the question no. 30: "Which of the Slavic alphabets is more ancient – Glagolitic or Cyrillic; which of these alphabets was created by Cyril and Methodius?" In: Collection of answers to questions on linguistics (for the IV International Congress of Slavists). Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, p. 315–316. (in Russ.)
- Kirov, E. F.** Graphics of the Russian language before and after Cyril (to the question of the origin of letter-writing). *Bulletin of Nizhny Novgorod state University. N. I. Lobachevsky. Philology Series*, 2000, no. 1, p. 125–147. (in Russ.)
- Maksimov, S. V.** One year in the North. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014, 583 p. (in Russ.)
- Mudrova, I. A.** Dictionary of the Slavic Mythology. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2010, 238 p. (in Russ.)
- Nadel-Chervinskaya, M.** Folklore of Slavs and its Semiotic System. Ternopol, Krok Publ., 2012, 304 p. (in Russ.)
- Prishvin, M. M.** Za volshebnyim kolobkom. In: Prishvin M. M. Sobranie sochinenij. In 8 vols. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1982, vol. 1, p. 181–386. (in Russ.)
- Prokhorov, G. M.** Glagolitic scripts among Missionary's ABCs. In: Proceedings of the Department of Old Russian literature. St. Petersburg, 1992, vol. 45, p. 178–199. (in Russ.)
- Rolich, V. I.** On the Psychophysical Essence of Phoneme. In: Issues of the Theoretical and Applied phonetics and Pronunciation Training: Abstracts. Moscow, UDN Publ., 1973, p. 71–73. (in Russ.)
- Rybakov, B. A.** Paganism of Ancient Slavs. 2nd ed. Moscow, Nauka, 1994, 608 p. (in Russ.)
- Sapir, E.** The Grammarian and his Language. In: Languages as an image of the world. Moscow, AST Publ.; St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2003, p. 139–156. (in Russ.)
- Saveleva, L. V.** The Slavic alphabet: decoding and interpretation of the first Slavic poetic text. In: The gospel text in Russian literature of the 18th – 20th centuries: quote, reminiscence, motive, plot, genre. Petrozavodsk, 1994, p. 12–31. (in Russ.)
- Shleev, V. V.** Main stages of development of the primitive art. In: General Art History. In 6 vols. Moscow, Art Publ., 1956, vol. 1, p. 22–38. (in Russ.)
- Speransky, M. N.** Secret Writing in South Slavic and Russian manuscripts of Writing. In: Encyclopedia of Slavic Philology. Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1929, vol. 4.3, p. 1–55. (in Russ.)
- Sreznevsky, I. I.** Ancient Glagolitic manuscripts, in comparison with the Cyrillic manuscripts. St. Petersburg, Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences Publ., 1866, 301 p. (in Russ.)

- Sreznevsky, I. I.** The Ancient Writings of the Slavonic Nations. In: Journal of the Ministry of public education, 1848, part 59, department II, p. 18–66. (in Russ.)
- Stepanov, Yu. S.** Several hypotheses about the names of the letters of the Slavic alphabet in connection with the history of culture. *Questions of Linguistics*, 1991, no. 3, p. 23–46. (in Russ.)
- Toporov, V. N.** The numbers. In: The myths of the world nations. Encyclopedia. 2nd ed. Moscow, 1988, vol. 2, 671 p. (in Russ.)
- Yagich, I. V.** Glagolitic writing. In: Encyclopedia of Slavic Philology. St. Petersburg, Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences Publ., 1911, vol. 3, p. 151–257. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

22.01.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Глазунова Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Olga I. Glazunova, PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University (11 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation)

o.i.glazunova@mail.ru

ORCID 0000-0003-2369-2065

История (не)существующего наклонения: да-конструкция в македонском и сербском языках (независимый тип)

Н. И. Кикило

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Да-конструкция (ДАК) в македонском и сербском языках – сочетание модальной союзной частицы *da* и финитного глагола, выражающее широкий спектр модальных значений. Являясь балканской инновацией, ДАК в зависимом типе перенимает функции инфинитива в составном сказуемом (в македонском языке полностью, в сербском – частично); независимый тип имеет полную лично-числовую парадигму с императивным значением, которая конкурирует с формами синтетического императива в двух языках, а также выражает оптативные значения. В статье предлагается аналитический обзор точек зрения исследователей на материале македонского, болгарского (как структурно близкого македонскому) и сербского языков на статус ДАК, в которых выделяются два полюса: 1) ДАК не является аналитической формой глагола и не имеет самостоятельного статуса в глагольной системе; 2) ДАК является аналитической формой косвенного наклонения конъюнктива, в составе которой *da* – грамматический показатель модальности с общим значением нефактивности. В работе формулируется вывод, в котором первая позиция принимается как ведущая для определения статуса ДАК в сербском языке, в качестве аргументов выдвигаются: а) неконтактное расположение глагольной формы к союзной частице *da* в составе конструкции; б) функционирование инфинитива и ДАК как конкурентных форм в позиции составного сказуемого, а также некоторых времен (будущее время: *ja ћу ићи / ja ћу da идем*) и отрицательных конструкций (*немој ићи / немој da идеи*); в) *da* не всегда имеет значение нефактивности, и в большинстве случаев глагольная форма после *da* может стоять в любом времени и наклонении. Определение статуса ДАК как аналитической формы конъюнктива принимается для македонского языка ввиду следующих особенностей: а) синтаксически фиксированный порядок расположения элементов в структуре ДАК, который указывает на то, что ДАК – это аналитическая форма, чье значение не выводится из значения отдельных элементов; б) ДАК имеет полную лично-числовую парадигму в двух вариантах: *da + praes* и *da + imperf*, по которым распределяется спектр модальных значений; в) союзная частица *da* обладает инвариантным значением нефактивности, она маркирует глагольную форму в составе конструкции как неиндикативную.

Ключевые слова

конъюнктив, да-конструкция, императив, оптатив, балканославянские языки

Для цитирования

Кикило Н. И. История (не)существующего наклонения: да-конструкция в македонском и сербском языках (независимый тип) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 62–78. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-62-78

On the Elusive Grammatical Status of *Da*-Construction in Macedonian and Serbian (Independent Type)

Natalia I. Kikilo

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The *da*-construction in Macedonian and Serbian languages combines the modal conjunctive particle *da* with the finite form of the verb to express a wide range of modal meanings. Being a Balkan Sprachbund novelty, the *da*-con-

structions in dependent clauses take on the functions of the infinitive in a complex predicate (in all cases in Macedonian, partly in Serbian). The *da*-construction in independent simple sentences has a complete conjugation paradigm with the imperative meaning and competes with the synthetic imperative forms in both languages, expressing also optative meanings. The article offers an analytical review on the status of these forms based on data gathered from Macedonian, Bulgarian (being closely related to Macedonian) and Serbian languages. There are two salient extremes in it: 1) the *da*-construction is not an analytical form of the verb and does not have an independent status in the verb system, instead it functions as a syntactic construction; 2) it is indeed an analytical form of the subjunctive mood, with *da* being a grammatical indicator of modality with the general non-factual meaning. The article concludes that the first view should be regarded as definitive in determining the status of the *da*-construction in the Serbian language. To support this conclusion, we are putting forward the following arguments: a) the verb form is non-adjacent to the *da* particle in the form; b) there is a competition between the infinitive and the *da*-constructions as complex predicates as well as in some tenses (future tense: *ja ću ići* / *ja ću da idem*) and negative structures (*nemoj ići* / *nemoj da ideš*); c) the conjunctive particle *da* does not always have the non-factual meaning, and in most cases the following verb form can take on any tense or mood. In Macedonian the *da*-construction should be regarded as an analytical form of the subjunctive mood on account of the following characteristics: a) the *da*-construction has a syntactically fixed component order, which means that it is a semantically bound or fused chain of components which lost their individual meanings; b) the *da*-construction has a complete conjugation paradigm, one for *da* + *praes* and another for *da* + *imperf*, on which stems a wide range of modal meanings: imperative, optative and some others; c) the particle *da* has an invariant meaning of non-factuality, and it marks the verb form in this construction as non-indicative.

Keywords

subjunctive mood, *da*-construction, imperative, optative, Balkan Slavic languages, Balkan Sprachbund, Macedonian, Serbian, Bulgarian

For citation

Kikilo, Natalia I. On the Elusive Grammatical Status of *Da*-Construction in Macedonian and Serbian (Independent Type). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 62–78. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-62-78

1. Македонский и сербский как языки балканского региона

Македонский и сербский являются южнославянскими языками балканского региона, которые входят в ареальную группу с общими структурными чертами негенетического происхождения, известную в лингвистике под названием *балканского языкового союза* (БЯС). Македонский и сербский языки обладают различными индексами «балканизации»: так, македонский, согласно списку примарных, или первичных, балканизмов Г. В. Шаллера [Schaller, 1975. С. 191], составляет центр БЯС наряду с болгарским, албанским, румынским (включая аромунский и мегленорумынский языки / диалекты); сербский язык, за исключением некоторых диалектов (прежде всего, призренско-тимокских говоров), занимает периферийное положение в БЯС [Асенова, 2002. С. 16].

Использование аналитической конструкции с союзной частицей на месте старых инфинитивных форм является одним из важнейших примарных признаков, характеризующих изменения балканских языков на морфосинтаксическом уровне¹. В. Фридман называет такие аналитические конструкции сокращением ДАТСНА, по начальным буквам соответствующих частиц в языках БЯС: македонский, болгарский (*да*) албанский (*të*), румынский (*să*), греческий (*va*) [Фридман, 1987. С. 110]. В ареальной лингвистике активный процесс экспансии *да*-конструкции (ДАК) на территории балканославянской общности рассматривается как прогрессивная инновация, которая имеет потенциал распространения по направлению от центра инновации (центральных македонских говоров) на северо-запад и восток [Цыхун, 1981. С. 9, 156]. Двигаясь от территории македонских говоров, инновация постепенно «затухала» на сербской диалектной территории. Данные литературных языков фиксируют резуль-

¹ Следует подчеркнуть, что вопрос о важной роли греческого языка в формировании этой черты грамматических систем языков БЯС обсуждался во многих работах по балканистике, например: [Schaller, 1975; Грицкат, 1975. С. 86–105; Цивьян, 1979; Lindstedt, 2000. Р. 237], но в настоящей статье он не затрагивается, поскольку является объемным и требует отдельного рассмотрения.

тат распространения ДАК: в сербском, в отличие от македонского, не произошло полного вытеснения инфинитива, поэтому аналитическая *да*-конструкция и инфинитив являются, по сути, конкурирующими формами. Однако и в сербском, и в македонском языке экспансия *да*-конструкции выражается не только в замещении инфинитивных форм, но и в выражении ряда других модальных значений, речь о которых пойдет ниже.

2. Зависимый и независимый типы *да*-конструкции

Да-конструкция представляет собой сочетание модальной союзной частицы *да* и личного / безличного глагола в формах презенса, имперфекта или перфектных результативных формах без определенной темпоральной характеристики [Усикова, 2003. С. 212]. В грамматической традиции македонского и болгарского языков конструкция условно подразделяется на два типа: зависимый и независимый (термины ввел Ю. С. Маслов [1981. С. 286]). ДАК зависимого типа входит в составное глагольное сказуемое, когда глагол внутри конструкции гомосубъектен вспомогательному глаголу (например, модальному или фазовому), которому он синтаксически подчинен. Случаи, когда глагол ДАК гетеросубъектен вспомогательному глаголу, в македонских и болгарских грамматиках определяются как придаточные предложения. В составе зависимой ДАК глагол стоит по преимуществу в форме презенса.

Зависимая ДАК описывается или как часть составного сказуемого в простом предложении, или как часть сложноподчиненного предложения с союзом *да*. Помимо модальных и фазисных глаголов в этот список включают и глаголы со значением желания, намерения осуществления действия, долженствования. Е. Ю. Иванова отмечает, что конструкции с такими глаголами «составляют переходную зону между простым и сложным предложением ввиду колебания их семантической полноты в каждом конкретном случае» [Иванова, Градинарова, 2015. С. 108].

ДАК независимого типа занимает синтаксическую позицию самостоятельного глагольного сказуемого и может выражать различные модальные значения. Модальность мы понимаем как понятийную категорию, которая характеризует: 1) статус обозначенной в высказывании ситуации по отношению к реальному миру (по признаку реальность / нереальность); или 2) отношение говорящего к содержанию высказывания (компонент «оценки») [Плунгян, 2011. С. 423]. Модальные значения независимой ДАК можно сгруппировать вокруг двух семантических центров: **императива** и **оптатива**. Таким образом, глагольная форма в сочетании с частицей *да* в независимом типе конструкции указывает на *нереальный статус ситуации* в высказывании. Отдельную группу формируют вопросительные независимые ДАК.

Грамматическая традиция сербского языка не использует термины «зависимый» и «независимый» типы в отношении ДАК. Случаи употребления зависимого типа сербские исследователи рассматривают в разделе синтаксиса и, так же как болгарские лингвисты, описывают их или как придаточное предложение в составе сложного (примеры *а*, *б*), или как простое предложение с составным глагольным сказуемым (примеры *в*, *г*) [Ивић, 2005. С. 324], в котором ДАК представляет собой «альтернативную инфинитиву форму»:

- а) Она **зна да касни**
- б) Она **каже да може**

- в) Она **треба да спава**
- г) Они **настављају да се препиру**

В сербском языке, в отличие от македонского, *да* является основным средством присоединения придаточных изъяснительных. В македонском языке эту функцию выполняет союз *дека* (или стилистически окрашенный союз *оти*). Рассмотрим подробнее пример *а*. Он дан без расширенного контекста, что дает нам шанс продемонстрировать относительность сербской классификации зависимых типов ДАК. Глагол *знати* может выступать в значениях: 1. знать; 2. иметь обыкновение [РМС, 1967. С. 326]. В первом случае перевод на русский был бы: «Она знает, что опаздывает», во втором – «Она имеет обыкновение опаздывать». Посербски различные по смыслу предложения будут звучать одинаково, и синтаксическая ха-

рактеристика ДАК будет зависеть от контекста. В македонском языке подобной омонимии не случится, ДАК будет употреблена только во втором случае: 1. «Таа **знае дека доцни**» (сложноподчиненное предложение); 2. «Таа **знае да доцни**» (составное сказуемое). В разделе о синтаксисе простого предложения П. Пипер пишет: «Так же как нет четкой границы между семантически и синтаксически неполнозначными и остальными глаголами, так и граница между *да*-конструкцией и придаточными предложениями с союзом *да* может быть не совсем четкой, а иногда и спорной» (цит. по: [Ивић, 2005. С. 324]).

Случаи употребления независимого типа ДАК в сербском языке описываются в разделах о модальных значениях настоящего времени в составе разных конструкций. Прежде всего, рассматривается императивное значение презента с союзом *да* [Стевановић, 1974. С. 704; НГРСЈ, 2014. С. 402]:

1) После борбе десетари **да ми поднесу** извештај (Д. Ћосић). *После сражения командирам отрядов доложить о ситуации* – пример С. Танасића из [Ивић, 2005. С. 386].

Мы будем использовать термины «зависимый» и «независимый» тип, описывая функционирование ДАК и в сербском языке.

Следует отметить также различия в синтаксическом устройстве ДАК в двух языках. В македонском литературном языке ДАК обладает жесткой структурой. Между глагольной формой и *да* вне зависимости от типа конструкции могут стоять только проклитические формы кратких личных местоимений, отрицание *не* и возвратная частица *се*. Это правило распространяется на оба типа ДАК. Напротив, в сербском языке между глаголом и *да* такой тесной связи не наблюдается, а клитические элементы (краткие формы местоимений, краткие формы глагола *бити* и т. д.) функционируют по своим строгим позиционным правилам, отличным от правил расположения клитик в македонском. Более тесная синтаксическая связь между *да* и глаголом в македонском языке дает основание говорить о грамматикализации модальных значений конструкции, в то время как для сербского языка несвязанность союзной частицы *да* и глагола не поддерживает данный вывод.

3. Статус *да*-конструкции

Вопрос о статусе ДАК в македонском языке и ее эквивалентов в других балканских языках не имеет однозначного ответа. Следует ли рассматривать македонскую ДАК в разделе морфосинтаксиса как показатель ирреального наклонения конъюнктива или следует оставить ее анализ исключительно синтаксическим разделам? При обзоре работ целесообразно также включить труды на материале болгарского языка, поскольку он структурно близок македонскому и также входит в ядро БЯС.

3.1. Исследования на материале македонского языка

На первый взгляд размах экспансии ДАК в македонском языке заставляет усомниться в какой бы то ни было логике и связи всех ее употреблений. Кроме союзных функций частицы *да*, которая присоединяет зависимые клаузы почти всех видов (прежде всего, целевых, уступительных и условных) [Минова-Ѓуркова, 2000. С. 269], она используется в составном сказуемом; при построении императивных и оптативных высказываний, и в этих значениях ДАК обладает формально полной лично-числовой парадигмой; в вопросительных предложениях (подтипы частных вопросов вида *Што да правам?*, общих вопросов *Да платам?* и эхо-вопросов – *Остави ме! – Да те оставам?! Никогаи!*); как показатель адмиратива (например: Демек, мојата иднина е во прашање. Море батали ме мене, иднината на Македонија **да ти била** во прашање! (С. Мадановски «Трендоленд»). *Как будто бы речь идет о моем будущем. Да что мое будущее, о будущем Македонии идет речь!*)

Мы рассмотрим, как указанные модальные значения ДАК одновременно с ее синтаксическими функциями трактуют разные исследователи на материале македонского языка.

В первых грамматиках македонского литературного языка Б. Конеского (1954) [Конески, 2004] и Х. Ланта (1952) [Lunt, 2012] ДАК определяется как синтаксическое единство глагола и союза *да*, которое имеет разные значения в зависимости от контекста. На основании общей формулировки можно сказать, что авторы рассматривают ДАК как полифункциональное синтаксическое единство, которое не имеет строго отведенного места в глагольной системе времен или наклонений. В этих грамматиках вопрос о статусе ДАК не обсуждается, также не используется классификация ДАК по параметру синтаксической подчиненности. Точка зрения, что ДАК не представляет собой форму наклонения, представлена и в грамматике Р. П. Усиковой: «*Да*-конструкции по своим, очень разнообразным, семантическим признакам и типам употребления не вписываются в четкие противопоставления другим наклонениям, хотя и не выражают реальных действий, в отличие от форм индикатива. В независимом типе употребления конструкции с *да*, употребляясь обычно транспозитивно вместо некоторых модальных глагольных форм, выражают разнообразные модальные значения. В зависимом типе употребления они лишь называют глагольное действие с общим неиндикативным значением» [2003. С. 212]. Похожая точка зрения описана в работе К. Крамер, посвященной функционированию частиц, которые составляют систему форм аналитической модальности в македонском литературном языке [Kramer, 1986]. В монографии частица *да* определяется как немаркированный элемент системы, поскольку она не обладает базовым инвариантным значением и во многих контекстах может стать функциональной заменой другим модальным частицам [Там же. С. 170].

К конъюнктиву (мак. «субјунктив»²) ДАК зависимого и независимого типа относит З. Тополинска [Тополинска, 2000; 2008; 2014], считая ее одним из основных типов грамматализированной модальности в македонском языке, наравне с *ќе*-формами будущего времени: «Македонские *да*-конструкции функционируют как конъюнктив, то есть «связанное» наклонение, передающее информацию о виртуальных, нефактивных событиях, т. е. их изначальная функция – выступать в качестве пропозиционального аргумента так называемых воликативных предикатов второго и третьего порядка» [Тополинска, 2014. С. 227]. Тополинска указывает на основную семантическую характеристику ДАК, которая сохраняется и в зависимом, и в независимом типе: *нефактивность*, отсутствие временной референции действия в составе конструкции. Она обращает внимание, что в аналитических языках, каковым является македонский, не следует искать исключительно морфологические показатели конъюнктива, наподобие конъюнктивных форм в романских языках, его маркерами могут выступать и аналитические элементы конструкции типа ДАК. В зависимом типе ДАК «формирует несамостоятельную пропозицию, чья модально-темпоральная характеристика зависит от предиката более высокого уровня» [Тополинска, 2000. С. 132]. ДАК в независимом употреблении является показателем деонтической модальности. Появление независимого употребления форм «связанного» наклонения Тополинска объясняет с помощью понятия «виртуальный предикат». «Виртуальный предикат» – это прагматический контекст употребления независимых ДАК, характер речевого акта, который может интерпретироваться как приказание, запрет, указание и т. д.: «Интерпретация ДАК зависит от а) контекста или ситуации, б) мы “прочитываем” данные конструкции как зависимые от невыраженного в тексте воликативного предиката, который мы можем восстановить с помощью глагола “хотеть”» [Там же. С. 125]. В рамках данной теории независимые ДАК представляются как зависимые от невыраженного формально предиката. Тополинска приводит пример независимой ДАК с оптативным значением: *Господ да ви врати за доброто што го правите, јас никогаш не ќе можам!* (*Пусть Бог вам воздаст за все добро, что вы делаете, я же никогда не смогу рас-*

² Термины «конъюнктив» и «субъюнктив» / «субжонктив» являются синонимичными, их использование зависит от грамматической традиции того или иного языка.

платиться!) и его перифраз: «желба ми е да..., би сакал / сакала да...». Таким образом Тополинска избегает противоречий в вопросе о существовании самостоятельного употребления «связанного» наклонения.

Объяснение значения разных подтипов независимых ДАК с помощью «невыраженного предиката» мы будем встречать также и в сербской грамматике (см., например: [НГРСЈ, 2013. С. 403]). Однако с такой трактовкой согласиться трудно. Мы не склонны рассматривать независимый тип ДАК с его модальными значениями как один из подтипов зависимого. Приведем пример императивной ДАК:

2) – Стоте лева **да ми ги вратиш**. (Б. Конески «Крчмите») – *Верни мне сто лева*.

Если предполагать наличие «виртуального предиката», то следует поставить знак равенства между независимой ДАК в примере и следующими модальными предикатами: *Стоте лева мораиш / треба / сакам да ми ги вратиш* (*Сто лева ты должен вернуть / тебе нужно вернуть / я хочу, чтобы ты вернул*). Мы полагаем, что этот способ перифраза уместен в случае уточнения семантики высказывания, однако формальный синтаксический статус конструкции от этого не зависит. Важно, что ДАК в примере 2 *каузирует* называемое глаголом действие, в отличие от предикатов с модальными глаголами, которые лишь сообщают об отношении говорящего к действию.

ДАК интерпретируется как форма конъюнктива в опубликованном сборнике МАНУ «Субјунктив со посебен осврт на македонските да-конструкции» [Тополинска, 2014], в котором освещаются особенности функций зависимого и независимого типов ДАК как в македонском, так и в других балканских языках.

Польский лингвист З. Голомб также последовательно развивал идею о том, что ДАК представляет собой форму ирреального наклонения. Он определял частицу *да* как «служебную приглагольную морфему, модифицирующую финитный глагол в модальном и синтаксическом плане» [Gołąb, 1954. С. 78]. Это утверждение он доказывал в том числе и с помощью анализа архаичных македонских диалектов (говоров Сухо и Высока): «*Да* выступает формальным показателем следующих модальных категорий: 1) оптатива (с его дальнейшей эволюцией в сторону категории императива); 2) вероятности-условия (*modus eventualis-conditionalis*); 3) неуверенности-проблематичности (*modus "questionalis"*); 4) модальная характеристика *да* выражает уверенность говорящего в том, что названное действие обязательно осуществится в будущем (т.н. *Futurum II*). Из всех перечисленных модальных категорий синтаксические функции развивают, прежде всего, оптативные и условные *да*. Например, совершенно очевидно, что *да* в функции союзов *да, за да*, которые присоединяют предложение со значением желания или цели, произошло от оптативной частицы *да*, например: *да дојди* (optativus) (*вот бы он пришел*), *иштам да дојди* (*я хочу, чтобы он пришел*), где *да* функционирует как союз, который присоединяет изъяснительное придаточное с семантической коннотацией желания; но в предложении: *и јаз за дојда да т'а чуја* C27 (*и я приду, чтобы тебя послушать*) *да* выступает только как целевой союз. *Да* в функции союза, присоединяющего придаточное без оптативного значения – есть не что иное, как следующая ступень развития синтаксических функций частицы» [Голомб, 1960–1961. С. 139]. Иначе говоря, автор считает, что оптативное значение частицы *да*, берущее начало еще в старославянском языке, является первичным и что ее подчинительная союзная функция вторична и развилась позднее. Голомб отмечает, что сложная конструкция *да + praes / imperf* напоминает латинский *coniunctivus*, который также выполнял многие модальные функции [Там же. С. 175]. Он проводит параллель между латинским конъюнктивом *dubitationis* в независимой позиции (например, *quid faciam?*) и специальными вопросами в македонском языке типа **што да правам?** (*Что мне делать?*), которые выражают неуверенность говорящего, «проблематичность» ответа на вопрос. Эти примеры иллюстрируют третий пункт классификации Голомба: наклонение «questionalis». К данной группе он относит общие вопросы типа: *тас мумата р'ечи*: «*да са уклъвам?, да са убасам? да са закол'ам?*», перевод: *эта девушка гово-*

рит: «мне зарезать себя? повеситься? заколоть себя?» [Голомб, 1960–1961. С. 146] (ср. пример из литературного языка: – Ај, – рече Ана и се насмевна. – Ама јас **да** го **возам** точакот, ако? (Р. Бужаровска «Чкртки») – *Давай, – сказала Анна и улыбнулась. – Но только поеду на велосипеде я, хорошо?*). Однако ту же ДАК в первом лице единственного числа в утвердительном предложении Голомб определяет как Futurum II, например, *да стора* (литературный вариант *да сторам*, «я сделаю»), определяя ее значение как решение говорящего совершить означенное им действие. Конечно, диалекты македонского языка имеют языковую систему, отличную от системы языка литературного, хотя выделенные Голомбом четыре типа значений ДАК (Голомб обозначает их статус: 3 наклонения и 1 время соответственно) встречаются и в последнем. Остается нерешенным вопрос, имеют ли они тот же статус в литературном языке. Таким образом, Голомб очертил круг независимых ДАК, которые, по нашему мнению, требуют более подробного исследования уже на текстах литературного языка.

3.2. Исследования на материале болгарского языка

Вопрос о статусе ДАК получил большое внимание лингвистов в последние десятилетия³. Результаты можно назвать единодушными: в болгарском языке нет формальных оснований усматривать в форме и значениях *да*-конструкций наклонение конъюнктив, а модальные значения повеления независимой ДАК объединены в полную лично-числовую парадигму аналитического императива.

Поводом для оживленной дискуссии⁴ в болгаристике стала статья Ю. С. Маслова [1962], где были представлены аргументы, доказывающие, по мнению автора, существование конъюнктива в болгарском языке прежде всего наличием модальных ирреальных значений у независимого типа ДАК, а также у некоторых типов зависимых. По его мнению, модальный компонент не просматривается лишь там, где отсутствует противопоставление или выбор, т. е. в таких позициях, где конъюнктив является единственно возможной формой. Он приходит к выводу, что конъюнктив «выступает как маркированный член оппозиции в противопоставлении изъявительным формам, однако он должен быть расценен как немаркированный член в противопоставлении повелительному и условному наклонениям. Во всяком случае эти два последних образования значительно уже, определеннее и ярче по передаваемой им семантике (особенно повелительное наклонение), чем конъюнктив» [Там же. С. 3]. Но уже в издании грамматики 1981 г. Ю. С. Маслов пишет, что ДАК по своим форме и значениям «обнаруживают тенденцию к слиянию в аналитическую форму наклонения» [Маслов, 1981. С. 288]. Нужно отметить, что под влиянием работ Маслова ДАК в македонском языке относил к наклонению конъюнктива и Р. П. Усикова в грамматиках македонского языка [Усикова, 1985; 2000], однако в последнем издании грамматики [Усикова, 2003] она отказывается от предыдущей трактовки.

Большинство болгарских лингвистов не считают ДАК особым наклонением или грамматической категорией (см., например: [ГСБКЕ, 1983; Куцаров, 2007. С. 265–280]). Самым главным препятствием для объединения ДАК в единую парадигму, по их мнению, является полифункциональность частицы *да*. Р. Ницолова [2008] пишет, что частица *да* имеет слишком много функций, чтобы уместить их в рамки единого косвенного наклонения. Она не соглашается с Голомбом, который считал *да* в сложноподчиненном предложении показателем конъюнктива в болгарском языке. Ницолова также указывает на формальные несоответствия ДАК форме наклонения в зависимом типе, поскольку «в рамках сложного предложения частица *да* имеет ряд синонимических союзов и частиц: *да – че, макар, да – макар, че, да – ако*,

³ Подробную историю вопроса о статусе *да*-конструкции и существовании конъюнктива в болгарском языке см. [Иванова, 2014. С. 107–113; Викторова, 2003. С. 19–47].

⁴ С ответной острой критической статьей выступил К. Попов [1963/1976].

да – нека» [Ницолова, 2008. С. 327]. Она приходит к выводу, что зависимые типы ДАК являются исключительно предметом синтаксиса.

Похожие доводы Ницолова приводит и в отношении независимой ДАК, которую в болгарской лингвистике принято рассматривать наряду с аналитическими формами *нека* и *нека да*: «Важная особенность *да*-форм, как и форм с *нека*, *нека да* заключается в том, что во многих случаях они или не имеют полную парадигму для всех лиц и чисел, или же значения определенных форм в рамках одной парадигмы весьма различны, что подразумевает их описание вне парадигмы. Кроме того, очень часто одни и те же формы многозначны и многофункциональны. Именно поэтому их значение не может быть определено без учета иллюкутивной силы высказывания, в котором эти формы употреблены, а в ряде случаев и лексического значения глагольной формы, контекста, ситуации, а в некоторых случаях и вида речи (прямая, непрякая, несобственно-прямая)» [Там же. С. 328]. Несмотря на широкий спектр значений, болгарские лингвисты все же включают независимую ДАК в парадигму грамматических форм повелительного наклонения, например: [Чакърова, 2009]. Возможно, что такая трактовка связана именно с частотностью употребления независимой императивной ДАК, особенно в формах 2 лица, конкурирующих с синтетическими формами повелительного наклонения⁵.

Если сравнивать болгарские и македонские независимые ДАК, то в македонском языке аналитические формы с *нека да* используются крайне редко и считаются ошибочным нелитературным употреблением, а формы с *да* обладают двумя полными лично-числовыми парадигмами: с глаголами в презенсе и имперфекте. Эти две парадигмы распределяют императивные (презентная парадигма ДАК) и оптативные (презентная парадигма для гипотетических ДАК и имперфектная для контрфактивных ДАК) значения. Императивные *нека*-формы в македонском языке имеют дефектную парадигму и употребляются только в третьем лице, и, по нашему мнению, их не следует рассматривать наравне с ДАК. Их семантический и функциональный потенциал слишком различен, даже в рамках императивного значения. А выраженный аналитизм и македонского, и болгарского языка оправдывает потребность анализировать «расширенный контекст» для толкования значения конструкций.

Не рассматривает болгарскую ДАК как конъюнктивную форму и З. Геннадиева-Мутафчиева. Помимо уже упомянутых аргументов также в ее работе рассматривается структура ДАК, а именно позиция отрицания *не* между *да* и глагольной формой. Геннадиева-Мутафчиева считает, что при отрицании глагольного действия частица *не* должна была бы занимать позицию перед *да*, как и в остальных сложных глагольных временах и наклонениях в болгарском языке (например, *Не съм (бях) го видел*) [Геннадиева-Мутафчиева, 1970. С. 206]. Для македонского языка можно привести пример, где отрицание будет выноситься за пределы ДАК и будет ударным:

3) Но Мара и Силјан Бојчевски беа набожни луѓе. **Не да речеш** дека не беа. (П. М. Андреевски «Проклета куќа»). *Но Мара и Силјан Бојчевски были набожными людьми. Не сказать, чтобы не были.*

Но синтаксические и семантические особенности отрицания в составе ДАК требует особого рассмотрения на материале македонского языка.

Иной взгляд на статус ДАК встречается в работах, посвященных болгарскому языку как части БЯС. В частности, П. Асенова пишет, что подчинительный союз *да* в болгарском языке⁶ получает признаки служебной глагольной морфемы, неотъемлемой части глагольной формы. *Да* является показателем модальности, то есть грамматическим показателем, модифицирующим глагол как в синтаксическом, так и в модальном плане [Асенова, 2002. С. 152]. Исследователь указывает на очень важную, по нашему мнению, формальную характеристику

⁵ См. о семантических и прагматических различиях в употреблении синтетического императива и ДАК в болгарском [Ницолова, 2008. С. 411; Чакърова, 2009. С. 36] и македонском [Бужаровска, Митковска, 2014] языках.

⁶ П. Асенова рассматривает факты македонского языка в рамках болгарского диалектного континуума.

ДАК – ее жесткую структуру, контактное положение с глагольной формой в составе конструкции, которое *элиминирует фактивность индикативных форм глагола* и сохраняется во всех типах ДАК (в отличие от сербского языка). Что касается семантической характеристики ДАК, большинство исследователей сходятся в одном: семантическое поле независимой ДАК определяется общим значением модальной союзной частицы *да* – значением *нефактивности*. Асенова подчеркивает тот факт, что «статус болгарского союза *да* в сущности не отличается от статуса соответствующих союзов в албанском, греческом и румынском. На уровне синхронии союз *да* полностью идентичен, например, греческому союзу *να* – в обоих языках т.н. конъюнктив не маркирован на флективном уровне. Независимо от того, как будут описаны болгарские ДАК, они будут обладать теми же значениями, какие имеют соответствующие им (конъюнктивные) конструкции в остальных балканских языках, т. е. значения конъюнктива» [2002. С. 152]. Отметим, что Асенова прямо не называет болгарские ДАК конъюнктивом, тем самым не идет в разрез с традицией определения статуса ДАК в болгарской лингвистике. Можно предположить, что опыт описания структурных закономерностей балканских языков дает исследователям повод по-новому посмотреть на сложившуюся грамматическую традицию в рамках их литературных языков и найти новые примеры и аргументы в дискуссии о статусе ДАК. На наш взгляд, экспансия ДАК и в болгарском, и в македонском, и в сербском языке – свидетельство живого языкового процесса, который требует более гибкой модели описания, чем те, которые предлагаются стандартными грамматиками.

3.3. Исследования на материале сербского языка

В сербских словарях *да* также имеет двойной статус: союза и частицы [РМС, 1967. С. 608; Толстой, 1982. С. 78; РСЈ, 2011. С. 228]. Прежде всего, *да* выполняет синтаксическую функцию подчинительного союза. Для понимания существенного отличия сербского союза *да* от македонской модальной союзной частицы *да* нужно указать, что *да* присоединяет придаточное изъяснительное, и глагол в конструкции означает реальное фактическое действие:

4) Иван је тек сад схватио да су дошли код Деде. Није га видео бар десетак година (Д. Ковачевић «Била једном једна земља»). *Иван только сейчас понял, что они пришли к Деду. Они не виделись лет десять.*

В македонском языке в данном типе придаточного преимущественно будет употребляться союз *дека*, который не обладает модальными характеристиками *да*⁷. Например, действие или ситуация, указанные в зависимой части с союзом *дека*, обычно верифицируемы; если они вводятся модальной союзной частицей *да*, верификация невозможна. Примерам соответствует следующий перевод на русский: 1) *Хорошо, что ты знаешь много языков* и 2) *Хорошо знать много языков*.

Также между сербским союзом *да* и глаголом в зависимой клаузе не обязательна контактная связь, что является основным формальным отличием сербских конструкций с *да* от македонских и болгарских. Приведем сравнительную таблицу особенностей сербских и македонских зависимых конструкций с *да* (табл. 1).

Зависимыми ДАК в сербском мы будем называть те конструкции, которые *используются в составных глагольных сказуемых*, прежде всего, с фазовыми и модальными предикатами, а также с глаголами способности, желания, намерения осуществить действие, привычки, результативности (*хтети*, *желети*, *планирати*, *спремати се*, *успети*, *навићи*, *трудити се* и др.). В этой позиции *да* функционирует как союзная частица (как указывают приведенные выше словарные статьи) и приближается по формальным характеристикам македонским ДАК. Глагол после *да* будет стоять в форме презенса, который не маркирует обозначаемое

⁷ Зависимые ДАК, вводимые предикатами желания, намерения, каузации и т. д., близки по своей специфике русским *чтобы*-конструкциям: они не маркируют ситуацию по ее фактивному статусу и выражают непрямую временную референцию [Иванова, Градинарова, 2015. С. 263].

действие по статусу фактивности (в этой позиции ДАК будет вступать в отношения свободного чередования с инфинитивом).

Таблица 1

Зависимые конструкции с *да*

Table 1

Dependent constructions with *da*

Союз <i>да</i> (сербский язык)	Союзная частица <i>да</i> (македонский язык)
1. Отсутствие тесной связи между союзом <i>да</i> и глаголом в зависимой клаузе: • между глаголом и <i>да</i> могут стоять любые члены предложения (см. пример 9); • после союза <i>да</i> глагол может стоять в любом времени и наклонении	1. ДАК имеет жесткую структуру: • между <i>да</i> и глаголом могут стоять только отрицание и местоименные энклитики; • после <i>да</i> глагол стоит в форме презенса (за редкими исключениями возможна форма имперфекта и эвиденциальные глагольные л-формы)
2. <i>Да</i> является примарным союзом для присоединения придаточных изъяснительных	2. <i>Да не присоединяет</i> придаточные изъяснительные
3. <i>Да</i> выполняет исключительно союзные функции	3. <i>Да</i> приобретает характер служебной глагольной морфемы

Следует отметить, что в сербской лингвистике вопрос о статусе *да*-конструкции не так актуален. Зависимые ДАК считаются синтаксическим аналогом инфинитива, и часто дискуссии об употреблении ДАК или инфинитива сводятся к стилистическим рекомендациям, какую из двух форм лучше использовать в том или ином случае, например: [НГСЈ, 2014. С. 287–289; Ивић, 2005. С. 325–326]. Независимый тип ДАК не рассматривается как цельная единица с определенной группой нефактивных значений (в отличие от грамматик македонского и болгарского языков). Модальные значения присваиваются временным формам глагола в сочетании с модальными частицами: «императивное значение имеет форма настоящего времени глагола в сочетании с союзом *да*» [Танасић, 1996. С. 166]. Мы наблюдаем смещение акцента на семантику глагольной формы, а не на трансформацию ее значения благодаря нефактивной частице *да*. Поэтому в нормативной грамматике встречается такое понятие, как «императивный перфект» для конструкций типа *Да се ниси макао! Сместа да си дошао! пер. Чтоб не двигался! Сейчас же иди сюда!* [НГСЈ, 2014. С. 403].

В сербском языке императивные ДАК имеют широкое употребление. К примеру, процесс исчезновения форм синтетического императива первого лица множественного числа и распространение на их месте *да*-конструкций отмечал еще М. Стеванович: «Среди десятков примеров 2 лица ед. и мн. ч. императива, выписанных из множества художественных произведений, мы имеем всего 2 случая употребления императивной формы первого множественного: *Пошалисьо дужду заточеника нека најпре прекине уговор...* (Ст. М. Любиша). <...> Помимо этих форм встречается описательный императив, составленный из презента и союза *да*, например: *Да радимо да их помиримо* (П. П. Негош)» [Стевановић, 1974. С. 704]. В разговорном сербском языке синтетические императивные формы первого лица множественного числа употребляются довольно редко, кроме застывших форм типа *рецимо* (пер. «скажем»), которые можно причислить к категории дискурсивных слов.

Модальный потенциал независимой ДАК отмечается как в македонском, так и в сербском. Приведем сводную таблицу значений (табл. 2).

Таблица 2

Значения независимой ДАК в сербском и македонском языках

Table 2

Meanings of independent da-constructions in Serbian and Macedonian

Значение	Независимые ДАК	
	сербский язык	македонский язык
1. Императивное	а) Коста: Ко те је ударио? Ајде да ми покажеш ко те је тукао! (Д. Ковачевић «Урнебесна трагедија»). <i>Коста: Кто тебя ударил? А ну, покажи мне, кто тебя бил!</i>	а) Ми ја знаеше положбата и кој пат ќе ме сретне, ќе ми рече: ако осетиш големи болки да ме бараш, да не се срамиш . (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). <i>Он знал о моей беде и при встрече каждый раз говорил: если будут сильные боли, обращайся, не стесняйся.</i>
	б) Рајко: Је ли, Сироче, што не послуживаш редом? Јесмо ли ми овде сви једнаки или нисмо? Ако нисмо, да мењамо рестаурацију! (Д. Ковачевић «Свети Георгије убива аждаху»). <i>Райко: Что, Сиротинушка, не по порядку обслуживаешь? Разве не все мы тут равны? Если нет, меняем ресторацию!</i>	б) Во тој момент и Рангел седеше замислен, опрен со лактите на маса. – Да порачаме уште. (Б. Конески «Крчмите»). <i>В тот момент и Рангел задумчиво сидел, опершись локтями о стол. – Закажем еще.</i>
2. Прохибитив (да + перфект)	Гошћа: ...Ако обећаш да ћеш да ћутиш (ни гласа да ниси пустила , јеси ли чула?), онда, можда, можемо. (Р. Константиновић «Обична, ох, кокошка»). <i>Гостья: ...Если ты обещаешь, что будешь молчать (чтоб ни звука, ты слышала?), тогда, может, мы можем.</i>	Никогаш. Никогаш веќе да не си кажал таква работа за моја уметност. Разбра? (Р. Бужаровска «Празно гнездо»). <i>Никогда. Чтоб больше никогда ты не говорил такое о моем искусстве. Понял?</i>
3. Оптативное	Тетка: Молим те, мој муж је био офицер, Бог да му душу прости , али овде никад није командовао, викао и издавао наређења. (Д. Ковачевић «Свети Георгије убива аждаху»). <i>Тетя: Прошу тебя, мой муж был офицером, да прости его Бог, но здесь он никогда не отдавал приказы и команды.</i>	Зато вратете ми го детето, господине Бојчевски, нека си умре дома. Кај што умре и мајка му, Бог да ја прости! (П. М. Андреевски «Проклета куќа»). <i>Поэтому верните мне ребенка, господин Бойчевский, пускай он умрет дома. Где и мать его умерла, да прости ее Бог!</i>

Окончание табл. 2

Значение	Независимые ДАК	
	сербский язык	македонский язык
4. Типы вопросительных ДАК (специальные и общие вопросы)	а) Како да назовемо ту болесну потребу да се облати неко кога уопште не познајемо? (М. Капор «Од истог писца»). <i>Как нам назватъ эту болезненную потребность очертить тех, кого мы совсем не знаем?</i>	а) – Како да те најдам? – Не како, туку каде. И тоа го знаеш. (Ж. Кујунџиски «Скопје и сè е можно»). – <i>Как мне тебя найти?</i> – <i>Не как, а где. И ответ ты знаешь.</i>
	б) F.A.Q.: Да ли да се пријавим или не? Што се више људи пријави у базу испитаника, то је она атрактивнија за компаније, па самим тим расте и вероватноћа за нашу и нашу зараду. (Портал http://www.tvojstav.com/). F.A.Q.: <i>Зарегистрироваться или нет? Чем больше людей регистрируется в базе анкетированных, тем интереснее она будет для компаний, а от этого зависит рост вашей и нашей прибыли.</i>	б) Умот ѝ е постојано раскршен и поделен. Дали да мисли на него, дали на работата или на тате... (П. М. Андреевски «Сите лица на смртта»). <i>В мыслях постоянный беспорядок и беспокойство. То ли ей думать о нем, то ли о работе, то ли об отце...</i>

Таблица намечает направления для сопоставления значений и функций независимых ДАК для дальнейшего исследования статуса конструкции в двух языках. Сравнение корпуса примеров сербского и македонского языков даст возможность увидеть, какие функции и значения берут на себя конструкции с *да* в тех языках, где инновационные процессы были реализованы в разной степени.

Заклучение

В вопросе о статусе ДАК можно выделить два полюса, к которым тяготеют современные исследования:

1) ДАК является аналитической формой косвенного наклонения (конъюнктива), в составе которой *да* – грамматический показатель модальности, трансформирующий форму глагола на морфологическом и семантическом уровнях;

2) ДАК не является цельным морфологическим образованием и не имеет самостоятельного статуса в глагольной системе. Она выступает как синтаксическая конструкция, где *да* выполняет соединительные функции в зависимом типе, а в независимом замещает лично-числовые лакуны в синтетических императивных парадигмах. Также в сочетании с разными комбинациями временных форм глагола конструкция с *да* приобретает не связанные между собой модальные значения (возможности, вероятности, оптимизма и т. д.).

Рассматривая статус ДАК в македонском языке, мы придерживаемся первой позиции, поскольку:

- жесткая структура ДАК указывает на то, что перед нами аналитическая форма, значение которой не выводится из значения ее отдельных элементов;
- ДАК имеет полную лично-числовую парадигму в двух основных вариантах: *da + praes* и *da + imperf*, по которым распределяется спектр модальных значений;
- союзная модальная частица *da* обладает инвариантным значением нефактивности, она маркирует глагольную форму в составе конструкции как неиндикативную;
- ДАК в своем составе имеет финитный глагол, в отличие от формы инфинитива, которая используется в других славянских языках; наличие финитного глагола в составе конструкции позволяет расширять ее функциональный и семантический потенциал (например, императивная парадигма ДАК имеет полную лично-числовую структуру) по сравнению с инфинитивными конструкциями в других славянских языках;
- независимая ДАК обладает яркими модальными характеристиками, которые «стираются» в ее зависимом употреблении. В качестве примера можно привести связь между независимыми оптативными ДАК и предложениями условного периода, в протазисе которых употребляются те же сочетания *da + praes* и *da + imperf*.

Некоторые из вышеуказанных положений очевидны, другие требуют дальнейшего исследования на обширной базе примеров македонского литературного языка.

Рассмотрев статус ДАК в сербском языке, мы пришли к заключению, что следует придерживаться второй позиции:

- неконтактное, свободное положение глагольной формы относительно элемента *da* не указывает на их формальную связь, которая необходима для обоснования их структурного единства;
- зависимая ДАК и инфинитив взаимозаменяемы в позиции составного сказуемого, а также некоторых форм времени (ср. будущее время *ja ћу ићи / ja ћу да идем*) и отрицательных конструкций (ср. *немој ићи / немој да идеш*);
- союзные функции *da* шире, чем в македонском языке (присоединение придаточных изъяснительных);
- не во всех случаях *da* вносит значение нефактивности и маркирует глагольную форму как неиндикативную, а после союза *da* глагольная форма может стоять в любом времени и наклонении.

Исследование на материале сербского языка независимого типа ДАК, который можно определить как целостную конструкцию с выраженной модальной характеристикой, поможет нам увидеть следы балканских инноваций, которые дошли до сербской языковой территории. Их анализ определит своеобразие значений императива и оптатива, которые не имеют еще подробного описания в общих грамматиках сербского языка.

Список литературы

- Асенова П.** Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. В. Търново: Фабер, 2002. 375 с.
- Бужаровска Е., Митковска Л.** Негираните независни да-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските да-конструкции / Ред. З. Тополинска. Интернет-верзија на Зборникот, Скопје: МАНУ, 2014. С. 22–49.
- Викторова К.** За съюзната природа на ДА в българския език // Български език. 2003. № 2–3. С. 19–47.
- Генадиева-Мутафчиева З.** Подчинителният съюз да в съвременния български език. София: БАН, 1970. 218 с.
- Голомб З.** Два македонски говора (на Сухо и Висока во Солунско) // Македонски јазик. Скопје: МАНУ, 1960–1961. № 11–12 / 1–2. С. 113–182.

- Грицкат И.** Студије из истоије српскохрватског језика. Београд: Народна библиотека СР Србије, 1975. 314 с.
- ГСБКЕ – Граматика на съвременния български книжовен език / Гл. ред. Ст. Стоянов. София: БАН, 1983. Т. 2: Морфология. 1276 с.
- Иванова Е. Ю.** Русские параллели болгарской да-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските да-конструкции / Ред. З. Тополињска. Интернет-верзија на Зборникот. Скопје: МАНУ, 2014. С. 107–162.
- Иванова Е. Ю., Градинарова А. А.** Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015. 632 с.
- Ивић М.** (уред.) Синтакса савременога српског језика: проста реченица. Београд: Институт за српски језик САНУ; Нови Сад: Матица српска, 2005. 1165 с.
- Конески Б.** Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Култура, 2004. 551 с.
- Куцаров И.** Теоретична граматика на българския език. Морфология. Пловдив: УИ «Паисий Хилендарски», 2007.
- Маслов Ю. С.** Грамматика болгарского языка: Для филол. фак. ун-тов. М.: Высш. шк., 1981. 407 с.
- Маслов Ю. С.** К семантике болгарского конъюнктива // Учен. зап. ЛГУ. Серия филол. наук. 1962. Вып. 64. С. 3–10.
- Минова-Ѓуркова Л.** Синтакса на македонскиот стандартен јазик. Скопје: Магор, 2000. 335 с.
- Ницолова Р.** Българска граматика. Морфология. София: Св. Климент Охридски, 2008. 523 с.
- НГСЈ – Нормативна граматика српског језика. Уред. П. Пипер, И. Клајн. Нови Сад: Матица српска, 2014. 582 с.
- Плунгян В. А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
- Попов К.** По вѣпроса за «българския конъюнктив» // Език и литература. 1963/1976. № 5. С. 100–106.
- РСЈ – Речник српског језика. Уред. Мирослав Николић. Нови Сад: Матица српска, 2011. 1561 с.
- РМС – Речник српскохрватског књижевног језика. Нови Сад: Матица српска; Загреб: Матица хрватска, 1967. Књига 1 (А–Е). 871 с.
- Стевановић М.** Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевнојезична норма). Београд: Научна књига, 1974. Књ. 2: Синтакса. 636 с.
- Танасић С.** Презент у савременом српском језику. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1996. 192 с.
- Толстой Н. И.** Сербскохрватско-русский словарь. 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1982. 735 с.
- Тополињска З.** (уред.) Субјунктив со посебен осврт на македонските да-конструкции. Интернет-верзија на Зборникот. Скопје: МАНУ, 2014. 245 с.
- Тополињска З.** Има ли субјунктив во македонскиот и/или во полскиот глаголки систем? // Полски – македонски: Граматичка конфронтација. Скопје: МАНУ, 2000. Т. 3: Студии од морфосинтакса. С. 89–137.
- Тополињска З.** Полски – македонски: Граматичка конфронтација. Скопје, МАНУ, 2008, Т. 8: Развитие на граматичките категории. 222 с.
- Усикова Р. П.** Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. 376 с.
- Усикова Р. П.** Македонский язык: грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. Скопје: Македонска книга, 1985. 237 с.
- Усикова Р. П.** Македонский язык: грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. 2-е изд., испр. и доп. Скопје: Филол. фак. «Блаже Конески», 2000. 284 с.
- Фридман В.** Типологијата на употребата на ДА во балканските јазици // Прилози XII. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 1987. С. 109–119.

- Цивьян Т. В.** Синтаксическая структура балканского языкового союза. М.: Наука, 1979. 300 с.
- Цыхун Г. А.** Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск.: Наука и техника, 1981. 230 с.
- Чакърова К.** Императивът в съвременния български език. Пловдив: Пигмалион, 2009. 207 с.
- Golaб Z.** Funkcja syntaktyczna partykuły *da* w językach pd.-słowiańskich (bułgarskim, macedońskim i serbo-chorwackim) // *Biuletyn PTJ*. 1954. T. 13. C. 67–92.
- Kramer, Ch. E.** Analytic Modality in Macedonian. Munich, Verlag Otto Sagner, 1986, 177 p.
- Lindstedt, J.** Linguistic Balkanization: Contact-induced change by mutual reinforcement. In: *Languages in Contact*. Eds. D. G. Gilbers et al. Amsterdam, Atlanta, GA: Rodopi, 2000, p. 231–246. (Studies in Slavic and General Linguistics, 28)
- Lunt, H. G.** A grammar of the Macedonian literary language. Skopje, Drzhavno knigoizdatelstvo Publ., 1952 (cite ed. 2012).
- Schaller, H. W.** Die Balkansprachen. Eine Einführung in die Balkanphilologie. Heidelberg, Winter, 1975, 207 S.

References

- Asenova, P.** Balkan Linguistics: Basic Problems of the Balkan Linguistic Union. Veliko Tarnovo, Faber Publ., 2002, 375 p. (in Bulg.)
- Bužarovska, E., Mitkovska, L.** Negated independent *da*-constructions. In: Subjunctive with special reference to the Macedonian *da*-constructions. Ed. by Z. Topolińska. Skopje, MANU, 2014, p. 22–48. (in Maced.)
- Chakarova, K.** Imperative in Contemporary Bulgarian Language. Plovdiv, Pigmalion Publ., 2009, 207 p. (in Bulg.)
- Dictionary of the Standard and Vernacular Serbo-Croatian Language. Novi Sad, Matica srpska Publ.; Zagreb, Matica hrvatska Publ., 1967, vol. 1 (A–E), 871 p. (in Serb., in Croat.)
- Dictionary of the Standard Serbian Language. Ed. by M. Nikolic. Novi Sad, Matica srpska, 2011, 1561 p. (in Serb.)
- Friedman, V.** The typology of the use of *da* in the Balkan languages. In: Bulletin of Linguistic and Literature Studies of Macedonian Academy of Sciences and Arts. Skopje, MANU Publ., 1987, no. 12, p. 109–119. (in Maced.)
- Genadieva-Mutafchieva, Z.** Subordinate Conjunction *da* in Contemporary Bulgarian Language. Sofia, BAN Publ., 1970, 218 p. (in Bulg.)
- Golaб, Z.** The syntactic function of the particle *da* in Slavic languages. *PTJ Bulletin*, 1954, vol. 13, p. 67–92. (in Pol.)
- Golaб, Z.** Two Macedonian dialects (Suho and Visoka in Solun neighborhood). In: Macedonian Language, 1960–1961, no. 11–12 / 1–2, p. 113–182. (in Maced.)
- Grammar of Contemporary Bulgarian Literary Language. Ed. by S. Stoyanov. Sofia, BAN Publ., 1983, vol. 2: Morphology, 466 p. (in Bulg.)
- Grammar of Standard Serbian Language. Eds. P. Piper, I. Klain. Novi Sad, Matica srpska Publ., 2014, 582 p. (in Serb.)
- Grickat, I.** Studies from the History of Serbo-Croatian language. Belgrade, The National Library of Serbia, 1975, 314 p. (in Serb.)
- Ivanova, E. Yu., Gradinarova, A. A.** Syntactic System of Bulgarian as contrasted with Russian. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2015, 632 p. (in Russ.)
- Ivanova, E. Yu.** Russian parallels of Bulgarian *da*-construction. In: Subjunctive with special reference to the Macedonian *da*-constructions. Ed. by Z. Topolińska. Skopje, MANU, 2014, p. 107–162. (in Russ.)

- Ivich, M.** The Syntax of the Contemporary Serbian Language: Simple Sentences. Belgrade, Institute for the Serbian Language SANU Publ.; Novi Sad, Matica srpska Publ., 2005, 1165 p. (in Serb.)
- Koneski, B.** Grammar of the Macedonian Standard Language. Skopje, Kultura Publ., 2004, 551 p. (in Maced.)
- Kramer, Ch. E.** Analytic Modality in Macedonian. Munich, Verlag Otto Sagner, 1986, 177 p.
- Kutsarov, I.** Theoretical Grammar of Bulgarian Language. Morphology. Plovdiv, UI Paisii Hilendarski Publ., 2007. (in Bulg.)
- Lindstedt, J.** Linguistic Balkanization: Contact-induced change by mutual reinforcement. In: Languages in Contact. Eds. D. G. Gilbers et al. Amsterdam, Atlanta, GA: Rodopi, 2000, p. 231–246. (Studies in Slavic and General Linguistics, 28)
- Lunt, H. G.** A grammar of the Macedonian literary language. Skopje, Drzhavno knigoizdatelstvo Publ., 1952 (cite ed. 2012).
- Maslov, Yu. S.** Grammar of the Bulgarian Language. Moscow, Vyshaya shkola Publ., 1981, 407 p. (in Russ.)
- Maslov, Yu. S.** To the semantics of the subjunctive mood in Bulgarian. *Leningrad State University Journal*, 1962, no. 64, p. 3–10. (in Russ.)
- Minova-Gjurkova, L.** Syntax of the Macedonian Standard Language. Skopje, Magor Publ., 2000, 335 p. (in Maced.)
- Nitsolova, R.** Bulgarian Grammar. Berlin, Frank & Timme Publ., 2017, 714 p. (in Bulg.)
- Plungyan, V. A.** The Introduction into Grammatical Semantics: Grammatical Meaning and Grammatical Systems of the World's Languages. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2011, 672 p. (in Russ.)
- Popov, K.** To the question about "Bulgarian subjunctive mood". *Language and Literature*, 1963/1976, no. 5, p. 100–106. (in Bulg.)
- Schaller, H. W.** Die Balkansprachen. Eine Einführung in die Balkanphilologie. Heidelberg, Winter, 1975, 207 S.
- Stevanovich, M.** The Modern Serbo-Croatian Language (Grammatical Systems and the Literary Language Norm). Belgrade, Nauchna kniga Publ., 1974, vol. 2: Syntax, 636 p. (in Serb., in Croat.)
- Tanasich, S.** Present Tense in Contemporary Serbian Language. Belgrade, Institute for the Serbian Language SANU Publ., 1996, 192 p. (in Serb.)
- Tolstoy, N. I.** Serbo-Croatian-Russian dictionary. Moscow, Russkiy yazik Publ., 1982, 735 p. (in Russ.)
- Topolińska, Z.** (ed). Subjunctive with special reference to the Macedonian da-constructions. Skopje, MANU, 2014, 245 p. (in Maced.)
- Topolińska, Z.** Is there the subjunctive mood in the Macedonian and/or the Polish verb system? In: Studies of the Polish-Macedonian Linguistic Confrontation. Skopje, MANU, 2000, vol. 3: Morphosyntax, p. 89–137. (in Maced.)
- Topolińska, Z.** Studies of the Polish-Macedonian Linguistic Confrontation. Skopje, MANU Publ., 2008, vol. 8: The Evolution of the Grammatical categories, 222 p. (in Maced.)
- Tsivian, T. V.** The Syntactic Structure of the Balkan Language Union. Moscow, Nauka, 1979, 300 p. (in Russ.)
- Tsykhun, G. A.** Typological Problems of the Balkan Slavic Linguistic Area. Minsk, Nauka i Tekhnika Publ., 1981, 230 p. (in Russ.)
- Usikova, R. P.** Grammar of the Macedonian Literary Language. Moscow, Muravey Publ., 2003, 376 p. (in Russ.)
- Usikova, R. P.** Macedonian language: grammar with texts, comments and dictionary. Skopje, Makedonska kniga Publ., 1985, 237 p. (in Russ.)

- Usikova, R. P.** Macedonian language: grammar, textbook with comments and glossary. 2nd ed. Skopje, Filol. fak. "Blaze Koneski" Publ., 2000, 284 p. (in Russ.)
- Viktorova, K.** To the conjunctive nature of DA in Bulgarian language. *Bulgarian Language*, 2003, no. 2–3, p. 19–47. (in Bulg.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
23.11.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Кикило Наталья Игоревна, аспирантка кафедры славянской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы 1, Москва, 119991, Россия)

Natalia I. Kikilo, PhD student, Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation)

kikilo.natalia@gmail.com
ORCID 0000-0002-2151-6634
SPIN 7130-1820
ResearcherID 11952207

Актуальные вопросы разграничения понятий *просторечие, общий жаргон и сленг* в русской лингвистике

М. А. Кропачева, Е. С. Литвинова

*Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко
Глазов, Россия*

Аннотация

В данной обзорной статье рассматриваются два подхода к определению понятий *просторечие, общий жаргон и сленг*: с точки зрения отнесенности их к формам существования языка и с точки зрения их функциональности. Неоднозначность понятий *просторечие, общий жаргон, сленг* и разноречивость в их определении порождают трудности при описании каждого из них и отнесенности конкретных лексических единиц или текстов к тому или иному языковому образованию. Эти недостатки стали особенно заметны в теории русского языка на фоне интенсификации контактов с европейскими лингвистическими школами в силу механического копирования и буквального переноса аналогичной терминологии в метаязык российской лингвистики. Употребление данных терминов становится хаотичным еще и потому, что молодая российская лингвистика начинает забывать достижения советского языкознания в области описания форм существования языка. В результате анализа данных языковых образований делается вывод об общем и различном в этих понятиях. Если рассматривать эти понятия как близкие к основным формам существования языка явления, то нельзя назвать их полноценными формами существования языка, так как у них чрезвычайно размытая социальная база, им свойственны слабая нормированность, функциональная неоднородность и пересечение лексической наполненности. Таким образом, можно сделать вывод о промежуточном характере этих образований. Если их рассматривать через признак экспрессивности или способность выражать дополнительные оценочные суждения в общем жаргоне и сленге, то стоит отметить, что эмоциональная окраска ярче проявляется у сленга, несколько менее – у просторечия, а менее всего – у общего жаргона, за счет наличия в нем слов, заполняющих лакуны, имеющиеся в литературном языке, литературной разговорной речи или территориальных диалектах. Следует отметить, что лексическими единицами всех трех языковых образований пользуются в различных ситуациях общения даже люди, хорошо владеющие нормами литературного языка, при этом они способны варьировать выбор языковых средств для привлечения внимания определенной категории лиц (например, для рекламы, для общения с молодежью и т. д.)

Ключевые слова

жаргон, общий жаргон, просторечие, сленг, социолингвистика, форма существования языка, языковое образование

Для цитирования

Кропачева М. А., Литвинова Е. С. Актуальные вопросы разграничения понятий *просторечие, общий жаргон и сленг* в русской лингвистике // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 79–90. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-79-90

To the Issue of Defining and Distinguishing Vernacular, Common Slang and Slang in Russian

Marina A. Kropacheva, Ekaterina S. Litvinova

*Glazov State Pedagogical Institute
Glazov, Russian Federation*

Abstract

Difficulties in describing such notions as vernacular, common slang and slang and the reference of certain lexical units or texts to a particular language phenomenon stem from the variety of opinions and ways of defining each of them. These debatable questions have become more distinctive in Russian linguistics with the growing contacts with Euro-

pean linguistic schools and therefore copying the terms without adapting them to Russian theory of language. The using of these terms is becoming chaotic due to the fact that modern Russian linguistics often neglects the basic achievements of Soviet linguistics in the field of distinguishing language varieties. The article considers two approaches to the definition of vernacular, common slang and slang: from the point of view of their being fully functional language varieties and from the point of view of their functional facilities. As a result of the analysis of the data about language varieties, a conclusion is drawn about the common and different in these concepts. If these notions considered as similar to major language varieties such as standard language, standard colloquial speech and territorial dialects, then they cannot be called fully functional language varieties, since they have an extremely vague social base, they are characterized by a low degree of standardization, functional diversity and the intersection of their lexical content. Thus, it can be concluded that such language phenomena belong to the specific kind of language variations that are defined by their transitional nature. If functional facility of vernacular, common slang and slang is considered, it is worth noting that there are a lot of stylistically marked lexical units in slang. They are slightly less numerous in vernacular, and even less numerous in common slang. This peculiarity stems from the fact that common slang includes lexical units able to function as the fillers of the gaps in standard language, standard colloquial speech or territorial dialects. It should be noted that the lexical units of all three language phenomena are used in various communication situations even by the people who are well versed in the norms of the standard language. The fact that lexical units belong to vernacular, common slang or slang does not prevent well-educated speakers from using all stylistic functions of such units. Speakers who know the difference between standard and slang or vernacular words are able to vary these language tools to attract the attention of a certain category of people (for example, for advertising, communicating with youth, etc.).

Keywords

jargon, common slang, vernacular, slang, sociolinguistics, language variety, language phenomenon

For citation

Kropacheva, Marina A., Litvinova, Ekaterina S. To the Issue of Defining and Distinguishing *Vernacular, Common Slang and Slang* in Russian. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 79–90. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-79-90

Введение

На сегодняшний день нет единства и однозначности в определении таких языковых феноменов, как сленг, общий жаргон и просторечие. Многообразие работ, посвященных сленгу, общему жаргону и просторечию, не облегчает, а, напротив, усложняет разграничение этих языковых образований. С одной стороны, разные ученые называют одно и то же явление разными терминами, с другой стороны, под одним и тем же термином разные исследователи понимают разное. Часто, описывая то или иное языковое явление, авторы не учитывают многозначность и многогранность этих понятий, смешивают характеристики разного плана. Нередко встречаются случаи, когда в одной и той же работе автор использует как понятие *сленг*, так и понятие *общий жаргон* или просто *жаргон*, не разграничивая их [Антрушина, 2002; Арнольд, 2002; БТС, 2000; Грачев, 2007; Мартынова, 2004; Пеллих, 2008; Россихина, 2008]. Именно такая небрежность в определениях приводит к путанице и последующим спорам о том, чем же являются описываемые языковые феномены.

Советскими и российскими лингвистами неоднократно предпринимались попытки разграничить понятия *сленг* и *жаргон*, с одной стороны, *сленг* и *просторечие*, с другой стороны, *жаргон* и *просторечие*, с третьей стороны [Жирмунский, 1936; Хомяков, 1971; Гальперин, 1981; Орлова, 2004; Холодкова, 2008; Руденко, 2016], но проблема до сих пор остается нерешенной из-за многообразия трактовок и подходов к определению этих понятий.

В работах каждого из перечисленных выше есть рациональное зерно, но общим недостатком является то, что сходства и различия выявляются, как правило, только на лексической составляющей, и это значит, что их предметная проблематика относится к понятию стиля, игнорируя или минимизируя проблематику форм существования языка. Такой подход к описанию этих явлений не лишен здравого смысла, поскольку ярче всего различия между просторечием, сленгом и жаргоном проявляются на лексическом уровне. Однако следует отметить, что, будучи переходными, т. е. находясь между другими формами существования языка, эти явления в большей мере подходят под определение языкового образования вооб-

ще, как понятия более крупного, чем форма существования языка; они могут не иметь всех признаков формы существования языка или иметь признаки нескольких разных форм одновременно. Такие языковые образования находятся на пересечении социального и функционального аспектов языка, т. е. связаны как с социально ограниченными формами существования языка, так и с общенациональным языком, тогда как их лексика может исторически принадлежать к одной форме существования языка, а функционировать в другой [Степанов, 1976; Будагов, 1978; Ерофеева, 2009; Хорошева, 2012]. Это и порождает путаницу при разграничении и описании указанных выше понятий [Ларин, 1928; Десницкая, 1970; Labov, 1970; Hymes, 1972; Аврорин, 1975; Ларин, 1977; Argyle et al., 1981; Trudgill, 1983; Fasold, 1990; Chambers, 1995].

Актуальность

Наша рабочая гипотеза состоит в том, что данные понятия должны рассматриваться с двух точек зрения: с точки зрения принадлежности и соответствия определенной форме существования языка, с одной стороны, и их функциональных особенностей, с другой. Такой подход позволит разобраться в лингвистической и социолингвистической специфике изучаемых языковых образований и четче определить точки их соприкосновения и причины их пересечения, поскольку лексические границы между ними весьма размыты.

История понятий «жаргон» и «сленг»

Исторически термины *жаргон* и *сленг* появились в русском языкознании практически одновременно, но из разных стран, и обозначали там весьма близкие понятия, а именно связывались с тайными или полутайными языками. Постепенно, с развитием соответствующего национального языка (французского для понятия *жаргон* и английского для понятия *сленг*) менялось и понимание данных явлений и слов, их обозначающих; тайные языки, предназначенные для «своих», со временем теряли свою обособленность, закрытость от непосвященных, а точнее от «чужих». Авторы, писавшие об истории понятия *сленг*, часто отмечали, что вместе со сленгом как тайным языком деклассированных элементов существовал и сленг как язык необразованных людей в целом. Однако из-за отсутствия их лексикографического нормирования и, следовательно, невозможности полноценного разграничения, тайный язык постепенно растворился в более общеупотребительном языке почти полностью необразованного населения [Grose, 1785; Hotten, 1860; Миллер, 1971; Partridge, 1972; Маковский, 1982; Бондалетов, 1987].

Кроме того, российскими лингвистами при опоре на иноязычные источники редко учитывается фактор терминологической асимметрии: в разных языках и странах один и тот же термин по ряду причин может иметь различные значения, вплоть до противоположных, приобретая статус «ложных друзей переводчика». Такие различия в наименовании этих языковых образований могут быть обусловлены, в частности, различиями в социальном устройстве языка. Так, например, немецкий язык представлен множеством равноправных диалектов, а литературный язык существует в основном в официальной документации, соответственно понятие «диалект» имеет нетождественное значение для российских и немецких лингвистов. Во французском языке, в котором ситуация с разграничением этих форм существования языка также неоднозначна, явление, близкое к русскому общему жаргону, носит наименование общего аргю (*argot commun*)¹, тогда как для подавляющего большинства российских лингвистов аргю – это речь деклассированных элементов общества.

¹ Терминологическая «ситуация» с обозначением аналогичных понятий во французской лингвистике, конечно, гораздо сложнее, прямым подтверждением чему являются синонимические варианты, обнаруживаемые в статьях *argot* и *jargon* [Назарян, 1989. С. 45, 178–179].

В английском языке, в котором зародилось понятие «сленг» (slang), обозначающее на данный момент, как в русской, так и в английской лингвистике, любую стилистически сниженную лексику, употребляется и понятие «жаргон» (jargon), но только в применении к профессиональным подъязыкам, включая и научную терминологию той или иной предметной области, особенно если она связана с областью гуманитарных наук. Эта область традиционно классифицируется в английской научной мысли как искусства (Arts), и отсюда следует, что их содержание должно транслироваться на общедоступном литературном (в английской терминологии это standard) языке. На этом основании всякая усложненная специальная терминология (т. е. метаязык гуманитарно-лингвистических наук) осуждается как jargon, а ее место занимают метафоры или обыденные понятия (подробнее об этом см.: [Фефелов, 2018. С. 12, 47, 54, 84, 157, 174]).

Таким образом, если в российской лингвистике понятия *жаргон* и *сленг* могут обозначать одно и то же в зависимости от научной школы, то в английской лингвистике они изначально разграничены.

Однако во французской лингвистике аналогичные понятия *argot* и *jargon* могут смешиваться, они не отделены друг от друга [Назарян, 1989. С. 45]. Так, язык деклассированных слоев французского общества обозначается преимущественно словом *argot*, но у этого термина есть два синонима: *jargon* и *langue verte*. Специфическое для Франции понятие *школьное арго* (*argot scolaire* или *argot des écoles*) обозначается также синонимом *jargon des écoles*.

Межязыковая терминологическая полисемия и асимметрия лишь усугубляют теоретические и практические проблемы разграничения аналогичных понятий в русской лингвистике и русском речевом пространстве.

Сопоставительный анализ понятий «общий жаргон» и «сленг»

Если рассматривать понятие *общий жаргон* с точки зрения формы существования языка, то необходимо определить его социальную базу и наличие у него специфических единиц, в первую очередь лексических, поскольку именно лексика в наибольшей степени отражает специфику такого языкового образования. Этот факт, в общем-то, давно известен лингвистам. Жаргоны, включая общий, в отличие от функционально полноценных и самодостаточных форм существования языка, таких как литературный язык, литературная разговорная речь, территориальные диалекты, скорее характеризуются особенностями лексики, а не фонетики, морфологии или синтаксиса. Однако лингвистика до сих пор избегает ответа на вопрос, почему языковая специфика жаргонов легче всего возникает именно на лексическом или лексико-морфологическом уровне, а не на других.

Термин *общий жаргон* сам по себе является противоречивым, так как, с одной стороны, жаргон – это форма существования языка, ограниченная несколькими социолектами; следовательно, их лексика не должна быть понятна тем, кто к этим социальным группам не относится. С другой стороны, слово «общий» в этом термине подразумевает как раз понятность слов всем носителям национального языка.

Если жаргон понимать как сниженную речь вообще, то его можно назвать общим, так как устно-разговорные формы языка понятны большинству его носителей. С другой стороны, если не принимать во внимание эмоциональную окрашенность жаргона, то его социальная база окажется равной социальной базе национального языка в целом. Выход видится в том, что с точки зрения функционирования некоторые лексические единицы тех или иных специальных жаргонов могут и достаточно часто используются в других формах существования языка. Они и составляют общий жаргон [Ермакова и др., 1999; Ерофеева, 2009; Хорошева, 2002], или интержаргон [Серебренников, 1970; Скворцов, 1977; Крысин, 1989; Химик, 2004]. Аналогичная ситуация складывается, например, в научной речи, где формируется разряд общенаучной терминологии, которая по своему характеру близка к обычной лексике. Семантическая специфика единиц общего жаргона состоит в том, что ситуации, в которых они упот-

ребляются, отличаются от тех, в которых они использовались изначально (в специальных жаргонах).

Такой подход позволяет наметить и решение вопроса со сленгом. Сленгом в русской лингвистике часто называются лексические единицы, функционирующие в качестве сниженных, но экспрессивных элементов речи. Если же внимательно присмотреться к лексическому составу единиц, причисляемых к сленгу, то можно убедиться, что они одновременно являются и элементами общего жаргона. Именно поэтому многие ученые используют термины *общий жаргон* и *сленг* как синонимы для обозначения одного и того же языкового образования. Остается, однако, еще неясным, может ли сленг и/или общий жаргон включать в себя только яркую экспрессивную лексику или вообще любые слова и устойчивые сочетания, которые выходят за рамки литературного языка и разговорной литературной речи.

Сопоставительный анализ понятий «просторечие» и «общий жаргон»

В русской лингвистике часть ученых выделяет просторечие как отдельную форму существования языка, обладающую определенным набором признаков, таких как специфичная социальная база, слабая нормированность и наличие некоторых особых лексических, фонетических и синтаксических языковых элементов [Аврорин, 1975; Земская, 1968; Баранникова, 1974; Капанадзе, 1984; Крысин, 1989]. Также существует и альтернативная точка зрения, согласно которой эти языковые особенности являются не имманентной характеристикой просторечия как отдельной формы существования языка, а неассимилированными вкраплениями других форм существования языка в разговорную речь в целом [Китайгородская, 1988]. Носители других форм языка, таких как территориальные и социальные диалекты (социолекты), опознают эти лексические вкрапления как «свои», но в то же время эти слова употребляются и за пределами их социальной группы или территории проживания [Ерофеева и др., 2000; Химик, 2004].

В английском языкознании, а именно в научных трудах по лингвистике и социолингвистике, понятия *просторечие* как формы существования языка ² нет вообще; ближайшее к нему по лингвистическому содержанию понятие *colloquial speech* обозначает любую разговорную разновидность речи, единицы в словарях обозначаются отдельной пометой (*colloq*) ³. Во французском языкознании это же место занимает понятие *langage populaire* или *vernaculaire*, которое также ближе к разговорной речи в целом. Таким образом, понимание просторечия как сниженного, экспрессивного регистра или стиля разговорной речи имеет большее хождение в зарубежной лингвистике, чем понимание этого же явления как некой отдельной формы существования языка [Labov, 1972].

Считается, что исторически просторечие сформировалось в России с развитием экономики и промышленности, когда сельские жители, являвшиеся носителями территориальных диалектов, переезжали в города, где они приобщались не только к городской культуре и образу жизни, но и к речи. Привнося в устную речь города элементы своих диалектов, они в то же время заимствовали из нее элементы городской речи и других диалектов [Жирмунский, 1936; Ларин, 1977; Крысин, 1989].

Однако на данный момент носители такого исторического просторечия уже очень малочисленны. Также крайне мало и количество людей, совсем не имеющих образования или учившихся всего два-три года. Тем не менее просторечие не только не исчезает, но и продолжает свое существование в виде современного просторечия, которое базируется уже не на смеси территориальных диалектов, а на лексических единицах, поступающих из совсем других сфер, в частности из социолектов [Крысин, 1989; 2007; Химик, 2004].

² А этому термину по характеристикам примерно соответствует термин *language variety*, который, в свою очередь, часто переводится как *разновидность языка*, а не как форма существования языка.

³ Детальную информацию о терминологическом членении областей английской разговорной речи см., прежде всего, в [Brown, 1999; Орлов, 1991], где терминологические абстракции иллюстрируются массой примеров.

Следует отметить, что ряд языковедов вместе с социальным, которое ближе к историческому и связано с малой образованностью носителей, признает наличие и функционального просторечия [Химик, 2004]. Если рассматривать просторечие с точки зрения его функциональных особенностей, то большинство ученых отмечает как характерную особенность стилистическую сниженность лексики, ее заметную эмоционально-экспрессивную окраску. Лексические единицы функционального просторечия могут употребляться и высокообразованными людьми, прекрасно владеющими литературным языком, но в этом случае такое речевое поведение зависит всецело от ситуации и цели общения, требующих и оправдывающих использование экспрессивных просторечных слов и выражений. В этом случае просторечие выступает как промежуточное языковое образование, которому, с одной стороны, присущи признаки формы существования языка, а с другой – направленность на реализацию определенной коммуникативной интенции.

В этом качестве просторечие схоже с общим жаргоном, который также является промежуточным языковым феноменом, сочетающим в себе признаки формы существования языка и функционального стиля разговорной речи.

Определенное сходство между просторечием и общим жаргоном видится в том, что оба языковых образования активно пополняются за счет слов и выражений из других форм существования языка. Однако если общий жаргон заимствует элементы в основном из специальных (профессиональных) жаргонов, то просторечие получает лексические единицы не только из жаргонов, но и из территориальных диалектов и других форм существования языка, даже литературного. При этом если слово закрепляется в общем жаргоне или просторечии, то его лексическое значение, как правило, расширяется или изменяется по сравнению со значением в источнике [Сковорцов, 1972; 1977; Гальперин, 1981; Холодкова, 2008].

Следует отметить, что общий жаргон зачастую является источником лексических единиц для просторечия, и сам может заимствовать из него же, тогда как специальные жаргоны заимствуют слова и выражения из общего жаргона или просторечия крайне редко.

Существующее в работах некоторых русских лингвистов мнение о том, что сленг – это своего рода жаргонизированное просторечие, не имеющее какой-либо социальной или профессиональной прикреплённости и употребляемое широкими социальными группами [Химик, 2004; Грачев, 2007], справедливо лишь в том случае, если рассматривать его только как функциональное образование, не учитывая те признаки просторечия, которые дают основание рассматривать его как форму существования языка. Если сравнивать характеристики общего жаргона и сленга, то общий жаргон имеет более тесные связи с частными жаргонами, поскольку именно из них он берет лексические единицы, а единицы сленга обладают большей экспрессивностью и сниженностью при менее тесной связи с отдельными жаргонами.

Еще одной проблемой в определении специфики русского просторечия, общего жаргона и сленга является то, что проведенные ранее исследования основывались на материале речи жителей больших городов, которые и указывались в качестве их носителей. Что же касается малых городов или сельских поселений, то ситуация остается не до конца проясненной, так как работ с точными данными практически нет; в сельской местности исследуются в основном территориальные диалекты, а не просторечие, сленг и общий жаргон. Нам кажется разумным предположить, что в малых городах и сельской местности просторечие, причем в его исторически сложившейся социальной форме, будет превалировать над общим жаргоном ввиду меньшей образованности и уровня культуры носителей языка. Чем меньше населенный пункт, тем слабее там будет влияние литературно-разговорной нормы ввиду меньшего выбора газет, журналов, каналов телевидения. Конечно, в настоящее время Интернет позволяет приобщаться к культуре и языку даже в отдаленных населенных пунктах, но качество соединения может затруднять использование всех его возможностей, а вместе с тем ограничивать погруженность сельского жителя в общий жаргон. С другой стороны, живя в обществе, человек не может избежать контактов с носителями общего жаргона или сленга.

Заключение

Рассмотрев просторечие, общий жаргон и сленг с точки зрения их соответствия понятию формы существования языка и с точки зрения их функциональности, мы пришли к выводу, что они являются особыми языковыми образованиями, для которых характерны некоторые признаки самодостаточных и полноценных форм существования языка. Однако следует отметить, что эти признаки видоизменены по сравнению с такими формами существования языка, как литературный язык, литературная разговорная речь или территориальный диалект.

Если говорить о функциональном потенциале рассматриваемых явлений, то очевидно, что носители языка прибегают к этим языковым образованиям в различных ситуациях общения, для которых общим является их неформальность, эмоциональность, сниженность. При этом отметим, что для сленга не столь важно, из какого специального жаргона пришло слово, сколь важны экспрессивный потенциал, новизна, оригинальность и т. д.

В общем жаргоне важно именно многообразие возможных вариантов выражения своей мысли, полученных из разных специальных жаргонов, тогда как степень экспрессивности отходит на второй план. Иногда слово активно функционирует в общем жаргоне не потому, что оно новое, экспрессивное, яркое и т. п., а потому, что оно востребовано. Оно заняло определенную нишу и является наиболее точным средством выражения определенного понятия.

Слова в сленге, как правило, являются дублетами слов литературного языка, слова общего жаргона могут выражать то, для чего в литературном языке просто нет настолько точного наименования, как в одном из специальных жаргонов, из которых оно и попало в общий.

Что касается просторечных лексических единиц, то для них эмоциональность реализации не так обязательна, как для сленговых единиц. Эмотивность обычно хорошо видна на контрасте литературного и просторечного употребления. Если же такого контраста нет, то в естественной социокультурной среде своего бытования просторечные единицы могут и не восприниматься как эмоционально окрашенные или особо экспрессивные. Просторечие обладает меньшей нормированностью, однако это в большей степени касается социального, а не функционального просторечия, так как последним могут пользоваться люди, прекрасно знающие нормы литературного языка и понимающие, какую социокультурную нишу занимают употребляемые ими просторечные единицы.

Главная причина, по которой бывает сложно определить принадлежность каждого конкретного слова или выражения к просторечию, общему жаргону или сленгу, состоит в том, что оно может функционально принадлежать одновременно к нескольким языковым образованиям. Во многих случаях принадлежность к тому или иному языковому образованию будет определяться контекстом, особенностями говорящего, ситуацией общения и т. д. В этом случае лингвисту следует понимать, с какой точки зрения он рассматривает данное явление – с точки зрения форм существования языка или с точки зрения функционирования лексической единицы в речи.

Список литературы

- Аврорин В. А.** Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики. Л.: Наука, 1975. 276 с.
- Антрушина Л. И.** Стилистика современного английского языка. СПб.: Владос, 2002. 767 с.
- Арнольд И. В.** Стилистика: Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
- Баранникова Л. И.** Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество. Саратов, 1974. Вып. 3. С. 3–22.

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Бондалетов В. Д.** Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
- Будагов Р. А.** Система и антисистема в науке о языке // Вопросы языкознания. 1978. № 4. С. 3–17.
- Гальперин И. Р.** Стилистика английского языка. М.: Высш. шк., 1981. 316 с.
- Грачев М. А.** Краткая характеристика молодежного жаргона // Словарь современного молодежного жаргона. М.: Эксмо, 2007. С. 7–21.
- Десницкая А. В.** Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л.: Наука, 1970. 97 с.
- Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.** Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999. 273 с.
- Ерофеева Е. В.** Языковая ситуация современного города и методы ее исследования // Вестник Перм. ун-та. 2009. Вып. 5. С. 16–23.
- Ерофеева Т. И., Ерофеева Е. В., Грачева И. И.** Городские социолекты: пермская городская речь. Пермь: Бохум, 2000. 174 с.
- Жирмунский В. М.** Национальный язык и социальные диалекты. Л.: ГИХЛ, 1936. 297 с.
- Земская Е. А.** Русская разговорная речь: проспект. М., 1968. 99 с.
- Капаназде Л. А.** Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: проблемы изучения / Отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. С. 5–12.
- Китайгородская М. В.** Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988. С. 156–182.
- Крысин Л. П.** Не сленгом единым // Родина. 2007. № 9. С. 17–20.
- Крысин Л. П.** Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.
- Ларин Б. А.** К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // Издания Гос. пед. ин-та им. Герцена. Л., 1928. Вып. 1. С. 175–185.
- Ларин Б. А.** История русского языка и общее языкознание. Избр. работы: Учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1977. 224 с.
- Маковский М. М.** Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). М.: Высш. шк., 1982. 135 с.
- Мартыанова В. Н.** Об оценках молодежного сленга в лингвистической литературе // Вестник педагогического опыта. 2004. Вып. 24. С. 15–16.
- Миллер А. А.** Основные пути формирования сленга // Иностранный язык: Сб. ст. аспирантов и соискателей. Алма-Ата: Казах. гос. ун-т, 1971. Вып. 6. С. 45–59.
- Назарян А. Г.** Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии. М.: Высш. шк., 1989. 447 с.
- Орлов, Г. А.** Современная английская речь. М.: Высш. шк., 1991. 240 с.
- Орлова Н. О.** Сленг vs жаргон: проблема дефиниции // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3 (40). С. 36–40.
- Пеллих И. В.** Молодежный сленг как социальная разновидность речи // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. Вып. 1. С. 106–108.
- Росихина М. Ю.** Заимствования как источник пополнения молодежного жаргона в русском и немецком языках (на материале словарей XIX–XXI вв.) // Филологические науки. 2008. № 5. С. 89–96.
- Руденко М. Ю.** Исследование арг, жаргона и сленга: вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59), ч. 3. С. 127–134.
- Серебренников Б. А.** Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1970. С. 452–501.

- Скворцов Л. И.** Профессиональные языки, жаргоны и культура речи // Русская речь. М., 1972. С. 48–59.
- Скворцов Л. И.** Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие. 1977. № 1. С. 29–57.
- Степанов Г. В.** Внешняя система языка и типы ее связи с внутренней структурой // Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976. С. 44–45.
- Фефелов А. Ф.** Этнокультурные проблемы и дилеммы перевода (критика метафорического разума): Монография / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2018. 390 с. URL: http://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNDE3Mw/cGFnZTAwMDAw&q=#{simple_query}?collectionHandle=Site (дата обращения 14.04.2020).
- Химик В. В.** Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
- Холодкова М. В.** Определение состава просторечной лексики // Вестник ТГУ. 2008. № 10 (66). С. 49–52.
- Хомяков В. А.** Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. М.: Либроком, 1971. 104 с.
- Хорошева Н. В.** Русский общий жаргон: к определению понятия // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/khorosheva-02.htm> (дата обращения 24.12.2019).
- Хорошева Н. В.** Промежуточные формы городской разговорной речи // Талант учителя – в его учениках. К юбилею Тамары Ивановны Ерофеевой / Отв. ред. Б. В. Кондаков. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. С. 54–72.
- Argyle, M., Furnham, A., Graham, J. A.** Social situation. Cambridge, Cambridge University Press, 1981, 453 p.
- Brown, G.** Listening to Spoken English. 2nd ed. Longman Group UK, 1999, 178 p.
- Chambers, J. K.** Sociolinguistics theory. Oxford, Cambridge, Mass., Blackwell, 1995, 284 p.
- Fasold, R.** The sociolinguistics of language. Oxford, Blackwell, 1990, 342 p.
- Grose, F. A.** Classical Dictionary of the Vulgar Tongue. London, S. Hooper, 1785, 182 p.
- Hotten, J. C.** A Dictionary of Modern Slang, Cant and Vulgar Words, Used at the Present Day in the Streets of London. London, J. C. Hotten, 1860, 300 p.
- Hymes, D.** Models of interaction of language and social life. In: Direction in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication. New York, 1972, p. 35–71.
- Labov, W.** The Study of Language in its Social Context. *Studium Generale*, 1970, vol. 23, p. 66–84.
- Labov, W.** Sociolinguistic Patterns. Oxford, Blackwell, 1972, 344 p.
- Partridge, E.** Slang today and yesterday. London, Routledge and Kegan Paul, 1972, 476 p.
- Trudgill, P.** On dialect: social and geographical perspectives. Oxford; New York, 1983, 240 p.

References

- Antrushina, L. I.** Stylistics of Modern English. St. Petersburg, Vlastos, 2002, 767 p. (in Russ.)
- Argyle, M., Furnham, A., Graham, J. A.** Social situation. Cambridge, Cambridge University Press, 1981, 453 p.
- Arnold, I. V.** Stylistics: Modern English. Moscow, Flinta: Nauka, 2002, 338 p. (in Russ.)
- Avrorin, V. A.** Problems of Studying the Language in Use: On the Subject of Sociolinguistics. Leningrad, Nauka, 1975, 276 p. (in Russ.)
- Barannikova, L. I.** Vernacular as a Special Social Component of Language // Language and Society. Saratov, 1974, iss. 3, p. 3–22. (in Russ.)
- Bondaletov, V. D.** Social Linguistics. Moscow, Education Publ., 1987, 160 p. (in Russ.)
- Brown, G.** Listening to Spoken English. 2nd ed. Longman Group UK, 1999, 178 p.

- Budagov, R. A.** System and Antisystem in the Science of Language. *Questions of Linguistics*, 1978, no. 4, p. 3–17. (in Russ.)
- Chambers, J. K.** Sociolinguistics theory. Oxford, Cambridge, Mass., Blackwell, 1995, 284 p.
- Desnitskaya, A. V.** Super-Dialectal forms of Oral Speech and their Role in the History of Language. Leningrad, Nauka, 1970, 97 p. (in Russ.)
- Ermakova, O. P., Zemskaya, E. A., Rozina, R. I.** The words that we all hear: Explanatory Dictionary of the Russian General Jargon. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999, 273 p. (in Russ.)
- Erofeeva, E. V.** Language situation of Modern City: how to study it? *Bulletin of Perm University*, 2009, iss. 5, p. 16–23. (in Russ.)
- Erofeeva, T. I., Erofeeva, E. V., Gracheva, I. I.** City sociolects: Perm urban speech. Perm, Bochum Publ., 2000, 174 p. (in Russ.)
- Fasold, R.** The sociolinguistics of language. Oxford, Blackwell, 1990, 342 p.
- Fefelov, A. F.** Ethnocultural dilemmas and puzzles of translation: critique of metaphorical reason. Monograph. Novosibirsk University Press, 2018. 390 p. ISBN 978-5-4437-0736-5. (in Russ.) URL: http://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNDE3Mw/cGFnZTAwMDAw&q=#{simple_query}?collectionHandle=Site
- Galperin, I. R.** Stylistics of the English language. Moscow, Higher School Publ., 1981, 316 p. (in Russ.)
- Grachev, M. A.** Brief Description of Youth Jargon. In: Dictionary of modern youth jargon. Moscow, Eksmo, 2007, p. 7–21. (in Russ.)
- Grose, F. A.** Classical Dictionary of the Vulgar Tongue. London, S. Hooper, 1785, 182 p.
- Hotten, J. C.** A Dictionary of Modern Slang, Cant and Vulgar Words, Used at the Present Day in the Streets of London. London, J. C. Hotten, 1860, 300 p.
- Hymes, D.** Models of interaction of language and social life. In: Direction in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication. New York, 1972, p. 35–71.
- Kapanadze, L. A.** Modern Urban Vernacular and Standard Language. In: Urban vernacular: ways to study. Eds. E. A. Zemskaya, D. N. Shmelev. Moscow, Nauka, 1984, p. 5–12. (in Russ.)
- Khimik, V. V.** A large dictionary of Russian Colloquial Speech. St. Petersburg, Norint Publ., 2004, 768 p. (in Russ.)
- Kholodkova, M. V.** What words to include into colloquial vocabulary. *Bulletin of TSU*, 2008, no. 10 (66), p. 49–52. (in Russ.)
- Khomyakov, V. A.** Introduction to the Study of Slang, the main component of the English vernacular. Moscow, Librocom, 1971, 104 p. (in Russ.)
- Khorosheva, N. V.** Intermediate forms of urban colloquial speech. In: The Talent of a teacher is in his students. On the anniversary of Tamara Ivanovna Erofeeva. Ed. by B. V. Kondakov. Perm, Perm University Press, 2012, p. 54–72. (in Russ.)
- Khorosheva, N. V.** Russian general jargon: definition of the concept. In: The changing world of language. Perm, 2002. (in Russ.) URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/khorosheva-02.htm>.
- Kitaygorodskaya, M. V.** Observations on the composition of an oral colloquial text. In: Varieties of the Urban Oral Speech. Moscow, Nauka, 1988, p. 156–182. (in Russ.)
- Krysin, L. P.** Not only slang... *Homeland*, 2007, no. 9, p. 17–20. (in Russ.)
- Krysin, L. P.** Sociolinguistic Aspects of the Study of Modern Russian. Moscow, Nauka, 1989, 188 p. (in Russ.)
- Kuznetsov, S. A.** (ed.). Large explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg, Norint, 2000, 1536 p. (in Russ.)
- Labov, W.** Sociolinguistic Patterns. Oxford, Blackwell, 1972, 344 p.
- Labov, W.** The Study of Language in its Social Context. *Studium Generale*, 1970, vol. 23, p. 66–84.

- Larin, B. A.** History of the Russian Language and General Linguistics: selected works. A textbook for students of Russian Language and Literature. Moscow, Prosveschenie Publ., 1977, 224 p. (in Russ.)
- Larin, B. A.** Several prerequisites for the study of linguistic characteristics of a city. In: Herzen State Pedagogical Institute Publications. Leningrad, 1928, iss. 1, p. 175–185. (in Russ.)
- Makovsky, M. M.** English Social Dialects (ontology, structure, origins). Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1982, 135 p. (in Russ.)
- Martyanova, V. N.** On assessment of youth slang in linguistic literature. *Bulletin of pedagogical experience*, 2004, vol. 24, p. 15–16. (in Russ.)
- Miller, A. A.** The main ways of forming slang. In: Foreign language: a collection of articles by graduate and PhD students. Alma-Ata, Kazakh State University Press, 1971, iss. 6, p. 45–59. (in Russ.)
- Nazaryan, A. G.** French-Russian educational dictionary of linguistic terminology. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 447 p. (in Russ.)
- Orlov, G. A.** Modern English speech. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1991, 240 p. (in Russ.)
- Orlova, N. O.** Slang vs jargon: the problem of definition. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2004, no. 3 (40), p. 36–40. (in Russ.)
- Partridge, E.** Slang today and yesterday. London, Routledge and Kegan Paul, 1972, 476 p.
- Pellikh, I. V.** Youth slang as a social form of speech. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art Criticism*, 2008, iss. 1, p. 106–108. (in Russ.)
- Rossikhina, M. Yu.** Borrowing as a source of enrichment of youth jargon in the Russian and German languages (based on dictionaries of the 19th – 21st centuries). *Philological Sciences*, 2008, no. 5, p. 89–96. (in Russ.)
- Rudenko, M. Yu.** The study of argot, jargon and slang: terminology under question. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2016, no. 5 (59), part 3, p. 127–134. (in Russ.)
- Serebrennikov, B. A.** Territorial and social differentiation of language. In: General Linguistics: Forms of existence, functions, history of language. Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow, Nauka, 1970, p. 452–501. (in Russ.)
- Skvortsov, L. I.** Professional languages, jargons and speech culture. In: Russian Speech. Moscow, 1972, p. 48–59. (in Russ.)
- Skvortsov, L. I.** Standard language, vernacular and jargon in their interaction. *Standard norm and vernacular*, 1977, no. 1, p. 29–57. (in Russ.)
- Stepanov, G. V.** The external system of language and the types of its connection with the internal structure. In: Principles of the description of the languages of the world. Moscow, Nauka, 1976, p. 44–45. (in Russ.)
- Trudgill, P.** On dialect: social and geographical perspectives. Oxford; New York, 1983, 240 p.
- Zemskaya, E. A.** Russian Spoken Language: prospectus. Moscow, 1968, 99 p. (in Russ.)
- Zhirmunsky, V. M.** National language and social dialects. Leningrad, GIHL Publ., 1936, 297 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
30.12.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Кропачева Марина Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и удмуртской филологии, Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко (ул. Первомайская, 25, Глазов, 427621, Россия)

Marina A. Kropacheva, PhD (Linguistics), Senior lecturer, Department of Foreign Languages and Udmurt Philology, Glazov State Pedagogical Institute (25 Pervomayskaya Str., Glazov, 427621, Russian Federation)

kropacheva.ma@mail.ru

ORCID 0000-0003-1379-5669

Литвинова Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и удмуртской филологии, Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко (ул. Первомайская, 25, Глазов, 427621, Россия)

Ekaterina S. Litvinova, PhD (Linguistics), Senior lecturer, Department of Foreign Languages and Udmurt Philology, Glazov State Pedagogical Institute (25 Pervomayskaya Str., Glazov, 427621, Russian Federation)

litvinova.es@bk.ru

ORCID 0000-0001-5934-8931

УДК 811

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-91-102

Политейнмент и влияние его стратегий на языковую личность политика

А. Б. Алексеев

*Московский областной филиал РАНХиГС
Красногорск, Россия*

Аннотация

Рассматривается понятие «языковая личность политика-актера», трактуемое в рамках теории политейнмента: здесь этот термин не указывает на предыдущую профессиональную деятельность политика, но связывается с одним из свойств политического дискурса – театральностью. В условиях, когда политическая коммуникация трансформируется в политейнмент, театральность превращается в ее главный системообразующий компонент. Политейнмент понимается как гибридный тип дискурса, расположенный на пересечении политической, масс-медийной и бытовой сфер общения, допускающий вкрапления и из других коммуникативных сред, ориентированных на развлечение. Язык политейнмента выполняет, помимо прочих, людическую функцию, а поэтому политейнмент конструируется с помощью языковой игры. Людическая функция политического языка связана с явлением театральности, поскольку именно театральность дает политику возможность выразить себя даже в традиционно несвойственных политическому дискурсу ролях. Языковая личность политика-актера характеризуется намеренно упрощенным представлением серьезных проблем. Ей свойственно использование оскорблений, причем часто в гиперболизированной и гротескной форме, заимствованное, вероятно, из американских баттлов. Политик-актер – лингвокреативный субъект дискурса, он может давать металингвистические комментарии к определенным фразам, употреблять каламбуры, эвфемизмы, дисфемизмы, сравнения, гиперболы и др. лингвостилистические средства. Как и традиционный политик, «актер» манипулятивен: он разыгрывает различные роли, но прежде всего предстает перед избирателем в образе «звезды», знаменитости, «гламурной персоны». В этом смысле политик-актер имеет нечто общее с музыкантами и профессиональными спортсменами – и нередко в дискурсе актуализируется соответствующая лексика: упоминаются названия видов спорта, музыкальных инструментов, имена музыкальных групп и исполнителей. «Актер» устанавливает рекорды, соревнуется со своими политическими противниками, нокаутирует их и т. п. Причем «актеры» в современном мире все чаще захватывают инициативу, задают общий политико-коммуникативный тренд.

Ключевые слова

языковая личность, политейнмент, языковая игра, игра слов, театральность, политический дискурс

Для цитирования

Алексеев А. Б. Политейнмент и влияние его стратегий на языковую личность политика // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 91–102. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-91-102

Politainment and the Influence of Its Strategies on the Language Personality of the Politician

Alexander B. Alexeyev

*The Moscow Region Subsidiary of the Russian Academy of Economy and Public Administration
Krasnogorsk, Russian Federation*

Abstract

The article dwells on the notion of the language personality of the politician-as-actor interpreted within the framework of the politainment theory: the term used in the paper does not indicate the previous profession of a politician but rather describes one of the peculiarities of the political discourse, viz. its theatricality. The paper argues that when political communication is being transformed into politainment, theatricality becomes its key component. Politainment is

© А. Б. Алексеев, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 2

interpreted here as a hybrid type of political discourse including elements of mass-media and everyday spheres of communication, allowing to orient them at entertainment. Since the language of politainment performs a ludic function, it has often recourse to language game. For the communicative approach of the politician-as-actor it is typical to avoid serious consideration of political topics, to make use of communicative techniques which allow to simplify political problems. It is normal for him to recourse to vulgar language, offensive or otherwise insulting devices such as hyperboles, exaggerations, grotesque. The politician using techniques of politainment is a resourceful individual who can easily give metalinguistic comments, employ puns, euphemisms, dysphemisms, similes, hyperboles and other rhetoric means. Just like a traditional politician, the 'actor' is manipulative: he plays out different roles but, first and foremost, he is a star, a celebrity and a glamorous person. In this sense, the politician-as-actor has something in common with musicians and professional sportsmen. It is not unusual for the politainment to borrow their vocabulary: sports, musical instruments, names of musical groups and performers may be mentioned. Such a political actor "sets records", "competes" with his political opponents, "knocks them out", etc. To conclude, we may say that 'actors' take initiative to dominate on the contemporary political scene and to set a new trend in political communication. In this sense, politainment is not a phenomenon which is represented by orations of only several "linguistically creative" politicians; it is much wider, it influences the whole standard of political communication.

Keywords

language personality, politainment, language game, word play, theatricality, political discourse

For citation

Alexeyev, Alexander B. Politainment and the Influence of Its Strategies on the Language Personality of the Politician. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 91–102. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-91-102

Введение

Антропоцентризм современной лингвистики закономерно ведет к тому, что исследователь не просто изучает язык, но обращается к человеку, говорящему на нем, *homo loquens*, или языковой личности.

Понятие «языковая личность политика» рассматривается нами как видовой термин по отношению к родовому «профессиональная языковая личность», формально и семантически зависящего от одного из ключевых концептов современной лингвистики – *ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ* [Сорокина, 2017. С. 269].

Теория профессиональной языковой личности также опирается на общие положения, сформулированные Ю. Н. Карауловым [2010]. Как отмечает С. Г. Лебедева, актуальность представляет выделение трех уровней в структуре профессиональной языковой личности – коммуникативно-компетентностного, лингвокогнитивного, мотивационного. Язык профессиональной коммуникации представляет собой, по мнению автора, коммуникативно-когнитивное пространство, в котором термины и жаргонизмы выступают в роли главных концептуально-ориентирующих средств [2019. С. 29].

Языковая личность политика стала основным объектом изучения в политической лингвистике, а точнее в ее новом направлении – политической лингвоперсонологии. Эта дисциплина позволяет, сопоставив речи политиков, выявить в них как национальную специфику, так и общечеловеческие, универсальные черты (ср. [Крышталева, 2019, С. 79]).

Одной из актуальных проблем политической лингвоперсонологии, обсуждаемых в политической лингвистике, является совершенствование классификации языковой личности политика, выделение различных типов политиков (см. [Алексеев, 2018]). Работая над такой классификацией, исследователь не может не принимать во внимание происходящие изменения в институциональной сфере политики, все чаще под воздействием целого ряда факторов превращающейся в политейнмент.

Можно предположить, что языковая личность политика, реализующая себя в политейнменте, отличается от традиционной языковой личности политика, но при этом сохраняет многие системообразующие черты, присущие последней.

Теория политейнмента

Термин «политейнмент», будучи двукорневым словом, произошел в результате слияния английских лексем ‘politics’ и ‘entertainment’, соединив два семантических компонента: политика (политическая борьба, но не policy!) и развлечение. Он обозначает особый, гибридный, еще малоизученный тип дискурса, расположенный на пересечении политической, масс-медийной и бытовой сфер общения, возможно, с вкраплениями элементов из других коммуникативных сред, ориентированный на развлечение адресата.

Возрастающая апатия людей к политике, диагностированная еще французским социологом Ж. Бодрийяром, ведет к тому, что в западном обществе наблюдается падение интереса к политическим смыслам, отсутствует социальный заказ на них [Baudrillard, 1983. P. 28]. Чтобы возбудить интерес общества, политики вынуждены внедрять в речи развлекательные аспекты, например, говорить на несерьезные темы, активно пользоваться людической функцией языка.

Одной из важных работ, посвященных теме политейнмента, является книга А. Дёрнера ‘Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft’. В ней ученый связывает изменения, происходящие в области институциональной политики, с влиянием СМИ и новой медиареальности на сознание избирателей. «Развлечение» посредством СМИ представляет собой, по мнению автора, смыслопорождающий вид деятельности, поскольку он дает людям, вовлеченным в него, специфичные формы идентичности. Основным фактор, которым руководствуются клиенты политейнмента, обозначается как ‘Feel-Good-Faktor’ [Dörner, 2001. S. 62]. Эта информационная установка – жизнеутверждающее политическое кредо современного общества, возникшее на фоне философии массового потребления.

Феномен «политейнмент» рассмотрен А. Дёрнером в контексте американской политики, трансформирующейся в медиадемократию (media democracy), погруженную отныне в перманентную избирательную кампанию (permanenter Wahlkampf). Причем глобализация и, особенно, американизация ведут к тому, что черты, свойственные политическому дискурсу США, формируют универсальный, общемировой тренд [Ibid. S. 112].

Прототипичными жанрами политейнмента являются ток-шоу, политико-криминальные фильмы и романы (Polit-Krimis) [Ibid.]. С помощью стратегий редукионизма¹ репрезентация политических событий упрощается и персонализируется; эмоции начинают преобладать над фактами. Политика становится доступной даже для тех людей, которые ранее ее не принимали и не понимали. Выборы начинают проводиться в стилистике карнавала (à la carnaval): дебаты могут происходить на стадионе, а в политической гонке могут принимать участие персонажи из «Звездных войн», например, Дарт Вейдер или актеры «Квартала-95»².

Именно это имел в виду французский мыслитель Б. де Жувенель, когда писал: «Парламентские дебаты уже не академия для граждан, а цирк для безумцев» [2011. С. 368].

Политологи определяют такую технологию ведения избирательной кампании как политический спектакль, описывая его в терминах «действующее лицо (актор)», «политическая публика», «правила игры» [Жиро, 2006. С. 13]. Яркие личности, пришедшие в политику из профессиональных сфер, связанных с развлечением, – Бeppe Грillo, Д. Трамп, В. Зеленский, вносят свою лепту в распространение культуры политейнмента, но элементы политейнмента можно встретить и в дискурсе более «серьезных» политиков.

Не последнюю роль в создании политейнмента играют коммерческие отношения: деньги опосредуют новую медиареальность, делают ее возможной [Dörner, 2001. S. 240]. Клиенты дискурса платят за потребление политейнмента количеством времени, которое они проводят

¹ Термин О. С. Иссерс [2009. С. 58].

² Президентская гонка как политейнмент: как освещают выборы в Украине зарубежные СМИ. URL: <https://tsn.ua/ru/video/video-novini/prezidentskaya-gonka-kak-politeynment-kak-osveschayut-vybory-v-ukraine-zarubezhnye-smi.html> (дата обращения 31.01.2020).

перед телевизором, в социальных сетях и т. п., а также голосами на выборах, придающими новой власти искомую легитимность.

Преобладание политического или развлекательного компонента – главный критерий для определения границ политейнмента, возникающего, с точки зрения А. Дёрнера, лишь тогда, когда желание доставить и получить удовольствие становятся лейтмотивами деятельности человека [Dörner, 2001. S. 31]. Однако, определяя термин «политейнмент», политическая лингвистика не всегда руководствуется условием превалирования развлекательной составляющей над политической – для некоторых аналитиков важно лишь ее наличие [Еремина, 2014. С. 64; Федотова, 2015. С. 461].

Таким образом, политейнмент – это особый тип гибридного дискурса, актуализирующего, помимо прочих, людическую³ функцию языка и находящегося на пересечении политического, медийного и бытового дискурсов.

В нашем исследовании акцент ставится на бытовом дискурсе. Это оправдывается тем, что один из простых, доступных и очень популярных способов развеселить массовую аудиторию состоит в том, чтобы вводить в публичную речь оскорбительные слова и лексику сниженного регистра [Leech, 2014. P. 219]. Не случайно Б. де Жувенель пришел к выводу, что политики нередко соревнуются между собой «в брани, в грубости и лукавстве...» [2011. С. 370]. Политейнмент характеризуется и особой тематикой. Вместо актуальных политических новостей в политейнменте нередко обсуждаются тривиальные проблемы (например, меню политика [Федотова, 2015. С. 461]).

Отказ от логического, строго аргументированного построения речи, от следования некоторым нормам поведения, ранее обязательным в рамках институционального общения, использование эмоционально окрашенных языковых единиц, откровенность и прямота (*franc-parler*)⁴ – вот те черты, которые сближают политейнмент и бытовой дискурс.

Убеждение адресата в политейнменте достигается в первую очередь за счет целенаправленного применения лингвостилистических средств. А. Д. Еремина [2014] отмечает конституирующую роль в пространстве политейнмента метафоры, сравнения, оксюморона и игры слов.

Одним из существенных свойств политической коммуникации является театральность [Михалева, 2009. С. 44]. В политейнменте, по нашему мнению, театральность становится главной дискурсивной категорией, детерминирующей все речевое поведение политика. В этом ракурсе языковая личность политика может быть обозначена как «политик-актер».

Решающее значение для такого политика-актера имеет языковая игра (*der Sprachspiel*). По сути, многое из того, что он говорит и делает (заметим, что в философии Дж. Остина и Дж. Серля речевой акт приравнивается к поступку⁵), связано с языковой игрой, но в широком понимании этого явления. Языковая игра⁶ не может быть интерпретирована в данном

³ От лат. *ludo* – играю.

⁴ См.: *Pasquier, V. Election en Ukraine : un humoriste télé aux portes de la présidence (et ce n'est pas une fiction)*. URL: <https://www.telerama.fr/television/election-en-ukraine-un-humoriste-tele-aux-portes-de-la-presidence-%28et-ce-nest-pas-une-fiction%29,n6192187.php> (accessed 31.01.2020).

⁵ Отождествление слова с действием экстраполируется Робинсоном и на процесс перевода, что имеет определенное значение для политической коммуникации, хотя его и не следует преувеличивать. Критику Робинсона см. в [Фефелов, 2014. С. 43–45]. Перформативность в переводе нередко связывается также с *rewriting* и, следовательно, с манипулированием, включая политическое, межкультурное и международное (см. [Фефелов, 2015. С. 54–57]). Слово-характеристику *spy* в отношении нынешнего президента России можно перевести как шпион (что часто и делается в СМИ) и как бывший сотрудник КГБ или спецслужб (и это точнее). Но эти идентификаторы создают существенно отличающиеся образы в восприятии адресата.

⁶ Термин «языковая игра» на английский язык может переводиться двояко: ‘*language game*’ и ‘*language play*’. Первое понятие – философское, обозначающее игру с социальными практиками. Второе – лингвистическое, близкое по содержанию к термину «игра слов» (*word play*). Очевидно, что языковая личность политика-актера использует обе разновидности игры: *language play* позволяет вводить в политический дискурс развлекательные аспекты, смешить аудиторию, в то время как *language game* дает политику возможность «примерять» различные социолингвальные роли – например, как будет показано далее, «лингвиста», «прокурора», «спортсмена».

случае как наполнение речи каламбурами, оксюморонами и прочими риторическими приемами, но она должна уже трактоваться как склонность субъекта политической коммуникации носить различные речевые маски [Денисенко, Чеботарева, 2008, С. 48], исполнять множество ролей, в том числе и те, которые традиционно не были свойственны политикам. Общение в этом случае превращается в своеобразный театр, в котором адресат – зритель, а политик – знаменитость, «важная персона», «звезда» [Rountree, 2013. P. 349], гламурная личность, инсценирующая политику [Holly, 2011. S. 228], – актер.

Необходимо иметь в виду, что в хорошо организованном политейнменте аудитории, как правило, отводится не только пассивная роль зрителя, но она включена, пусть даже в иллюзорное, продуцирование смысловых аспектов дискурса. Адресат в политейнменте не просто наблюдает за языковой игрой, но может и принимать в ней непосредственное участие, – в этом проявляются интерактивность, диалогичность речи [Сидоров, 2008. С. 13].

Приемы политейнмента в политическом дискурсе Д. Трампа

Для подтверждения теоретических положений, изложенных здесь, и их развития обратимся далее к анализу американского политейнмента 2015–2016 гг., который возник в ходе избирательной кампании и репрезентирован, кроме Д. Трампа, выступающего ведущей фигурой, еще и некоторыми его оппонентами-республиканцами.

Политейнмент часто конструируется с помощью ложных форм самоидентификации, что можно рассматривать как попытку манипуляции. Так, пользуясь семантической размытостью лексем ‘politics’, ‘politician’ [Bell, 1975], Д. Трамп заявил в ходе дебатов с представителями республиканской партии, что он не политик, и тут же «опроверг» себя, проведя тонкую грань между смыслом выражений *быть в политике* (он в ней якобы всю жизнь) и *быть политиком* (им он стал три месяца назад)⁷.

TRUMP: I’ve actually been in politics all my life, although I’ve been on that side as opposed to this side. I’m now a politician for about three months (2nd Rep. Deb.).

Слова «политика», «политик», особенно употребленные в контексте внутренней политики, все чаще несут негативные коннотации [Терехова, 2011. С. 135]. Д. Трамп не только актуализировал в своем дискурсе эти смыслы, но и избрал манеру говорения, соответствующую им, отвергнув принципы политкорректности, превратив политическую коммуникацию в спектакль. Он открыто обзывал своих политических противников, проявляя особую креативность, подбирая «нужные» клички, вводя их в политическую коммуникацию таким образом, что они запоминались, веселили. Одним из приемов, благодаря которому Д. Трамп достигал необходимого лингвопрагматического эффекта, был гротеск – чрезмерное преувеличение, представление противника в комическом свете, изображение в карикатурном виде. Вот характерный пример:

...a very low-energy person, very-very low energy, so low energy that every time you watch him you fall asleep (Mobile, 21.08.2015).

Рациональная часть негативной семантики дескрипции противника создается с помощью переносного употребления нового технического термина *low-energy* (ср. энергосберегающая лампочка), внедренного в массовое сознание обывателей в последние годы. Став характеристикой политического оппонента, он превращается в оскорбительный для всякого политика ярлык ‘*low-energy*’ person, одновременно внушая слушателю идею о неготовности оппонента к активной работе в случае избрания на ответственную должность. Гротеск же создается с помощью риторического приема повтора наречия ‘very’ в восходящей градации: *very* → *very-very* → *so*.

⁷ Здесь Д. Трамп использует игру слов (word play).

Материал показывает, что Д. Трамп использовал эту характеристику-сравнение неоднократно в разном синтаксическом оформлении, но обязательно сохраняя в карикатурном образе политиков две негативные черты, которые по-русски можно передать не совсем симметрично, но зато адекватно отражая суть: 1) кое-как шевелится и 2) засыпает на ходу. Это видно в его высказывании о сопернике-республиканце, губернаторе штата Флорида, представителе авторитетнейшей в США «президентской» семьи Джебе Буше:

Jeb Bush, a very low-energy individual, signed a pledge – while he was signing it, he fell asleep (Spokane, 07.05.2016).

Очевидно, что образ карикатурный. Каким бы флегматичным ни был человек, он не может заснуть, подписывая документы. Отправитель сообщения и его адресат прекрасно понимают это. Поэтому в данном конкретном случае гиперболизация преследует даже не столько цель оскорбления политического соперника в ходе праймериз, сколько его осмеяния, необходимого опять же не для того, чтобы унижить подразумеваемого политика или чиновника (он не обязательно присутствует лично в этой ситуации), а прежде всего, чтобы вызвать смех и положительные эмоции у «своего» адресата, т. е. у потенциальных избирателей.

В избирательном дискурсе Трампа этот прием в отношении Буша был сквозным, но подвергался языковым вариациям – вместо *low-energy* иногда появлялась жаргонная (сленговая) единица с близким значением *low-key*. Это говорит о политтехнологической подготовленности приема и отсутствии экспромта:

Jeb Bush... who was a very low-key person, very low-key person, I wanna be low-key because it is nicer than saying low-energy (Spokane, 07.05.2016).

Данная вариация – свидетельство языковой игры (*word play*) – дает возможность с еще большей силой подчеркнуть недостаток соперника, подаваемый как фундаментальный. Формально дискутируя с самим собой и представляя себя в качестве «лингвиста»⁸, всего лишь сравнивающего выразительность композитов *low-key* и *low-energy*, отвлекая внимание адресата от своей основной цели, Д. Трамп тем самым вовлекает слушателя в некий примитивный стилистический анализ, что дает ему возможность закрепить в сознании негативные ассоциации, порождаемые прилагательным *low* (низкий). Если это и можно назвать манипулированием, то всего лишь в его безобидной форме.

Гротеск может возникнуть в результате карикатурного сравнения с конвенциональным образом, например, с ребенком (отсылка к архетипу «неразумын как малое дитя»).

TRUMP: He knows less about the military than my ten year-old son Baron. Baron plays with military soldiers. He knows more about the military (Eugene, 06.05.2016).

Речь идет о компетентности в военных вопросах сенатора Л. Грэма. Сравнивая его со своим 10-летним сыном, приобретшим весь свой опыт ведения войны, играя «в солдатики», Д. Трамп точно рассчитал, что он ударит по сопернику-республиканцу, а не по сыну и не по нему самому, как воспитателю. Для ребенка такая «военная академия» нормальна (до определенного возраста, конечно), а для взрослого человека гротескна. Взрослому в США надо пройти через школу Вест-Поинта. При этом, рассказывая о своей семье, о малолетнем сыне, Д. Трамп – человек уже пожилой – не без оснований рассчитывает на симпатии многих американских слушателей.

В ходе кампании Д. Трамп не скрывал того, что он видит свою задачу в поддержании особой, положительной атмосферы на митингах, рассчитывая именно на этом «набрать очки». Вот почему он отказывался говорить о неприятных вещах и о серьезных политических проблемах:

⁸ Роль «лингвиста» традиционно не свойственна политику. Разыгрывание этой роли может быть интерпретировано как языковая игра – в ее более широком, философском, витгенштейновском понимании (*language game*).

A massive double-digit premium hike. I know the number, I will not tell you... I do not say the number because it is so depressing. **Right now everybody is happy, we are having a great time** (Sioux City, 06.11.2016).

Психологическая мотивация, конечно же, верна. Большинство примет посыл с благодарностью: нам сейчас здесь хорошо, мы радуемся и веселимся, я не хочу огорчать вас и вгонять в депрессию разными серьезными проблемами, которые мы все равно быстро решить не сможем. Поэтому оратор эксплицитно подсказывает, что все люди, слушающие его, счастливы (happy), наслаждаются моментом и что выбор тем для обсуждения не должен испортить эту взаимную радость общения. Причем упоминание информации, которая якобы доступна Д. Трампу, служит цели подогреть интерес аудитории и одновременно передает идею политической осведомленности ведущего кандидата.

Языковой игре, пусть и не гротескной, как средству утверждения важных лозунгов программы кандидата может способствовать «металингвистический» комментарий к собственной речи. Фактически мы почти всегда видим в этом комментарии скрытое сопоставление старой «неполиткорректной» и новой «политкорректной» лексики, за которым скрывается оппозиция консервативных и либеральных ценностей. Проанализируем, однако, сначала пример с лозунгом 'Drain the swamp' (Осушить это болото!)⁹.

TRUMP: When we win on November the 8th, we are going to drain the swamp. I keep telling people I hated that expression. I said it's so hawky. And then one group heard it, they went crazy, another group heard it. Then we had a big-big rally in Florida. They went crazy about it. And now I love it. It's true. It's accurate (Hershey, 04.11.2016).

Риторическая стратегия Д. Трампа состоит в том, чтобы несколько раз подряд оживить эту идею в сознании слушателя. Для этого он сначала **дважды** указывает на свои «сомнения» в обоснованности этого призыва (I hated that expression, it's so hawky), но затем, ссылаясь на общественное мнение, якобы с восторгом поддерживавшее на митингах его желание осушить «вашингтонское болото», он заявляет, что избиратели правы, что они заставили его отбросить всякие сомнения и убедили взять лозунг на вооружение. Основное средство воздействия в данном случае – экспрессивная разговорная лексика (e.g. go crazy); с ее помощью политик не только доказывает уместность этого призыва, но и укрепляет его в сознании избирателей. Разумеется, в этом примере прослеживается желание манипулировать аудиторией, приписывая ей свое мнение, но совершенно такие же приемы (заметим, что этот нельзя назвать грязным) применяют и противники Трампа, поскольку политическая борьба, немыслима без них.

Языковая игра, привычное орудие политеймента, нередко создается в результате столкновения в дискурсе эвфемизмов и дисфемизмов.

TRUMP: We have a president who doesn't have a clue. I would say he's incompetent, but I don't want to do that because that's not nice (1st Rep. Deb.).

В пределах одной реплики Д. Трамп использует два синонимичных выражения – 'not have the clue' и 'to be incompetent'. Первое – эвфемизм, второе, не являясь собственно дисфемизмом, но приобретая в этом контексте аналогичную функцию, тем не менее характеризует ситуацию более резко.

Комический эффект создается и за счет того, что Д. Трамп, формально как бы отвергая неполиткорректное слово или выражение, всегда произносит его, причем часто повторяя еще несколько раз. Это также попытка манипуляции, ведь адресат не может не обратить внимание на ту лексическую единицу, которую оратор якобы не хочет применять.

TRUMP: She says she is a native American. I won't use word 'Indian' because they say it's not a nice word to use. So I will not say 'Indian' (Eugene, 06.05.2016).

⁹ Лозунг должен быть кратким, и потому указание на вашингтонскую правительственную бюрократию опускается. Но она все равно присутствует в нем почти для любого американца. В переводе на русский и другие языки приходится добавлять указание на место «расположения» этого болота. Иначе высказывание может принять и прямое значение – по тем или иным причинам болота часто требуют осушения.

Вся его демонстративная настойчивость в признании «правильности» употребления выражения «коренная американка» в условиях новой этики публичной межрасовой речи и порицании тех, кто использует старое слово для США (но не для России) «индейцы», лишь показывает его приверженность старой норме. Действительно, в слове *индеец* (Indian) нет и не может быть ничего оскорбительного для коренных жителей Америки, но оно не должно принимать небрежную разговорную форму, зафиксированную в орфографии *Injun*. Эта последняя считается индейцами оскорблением.

Конечно, политейменту свойственны и каламбуры. На этот раз иллюстрация начнется с Б. Карсона.

CARSON: I'm the only one to separate Siamese twins. The only one to operate on babies while they were still in mother's womb. The only one to take out half of a brain, although you would think, if you go to Washington, that someone had beaten me to it (1st Rep. Deb.).

Каламбур в данном случае возникает в результате актуализации двух значений выражения 'take out half of a brain': с одной стороны, оно может быть интерпретировано буквально («вынуть половину мозга»), но с другой, его смысл в том, что дискуссии профессиональных политиков навевают скуку, вгоняют в сон. В отличие от них Б. Карсон, врач по профессии, демонстрирует языковую изобретательность и находчивость.

Языковая личность политика-актера разыгрывает в дискурсе самые различные роли. Наиболее типичная для нее роль – знаменитости, «звезды»¹⁰. Так, Д. Трамп, сравнивая себя со звездами поп-музыки, хвастал, что он побил больше рекордов, чем Сэр Элтон Джон, – за время своей музыкальной карьеры Элтон Джон выпустил сотни песен, многие из которых стали мировыми хитами.

TRUMP: I have broken more Elton John records, he seems to have a lot of records. And I, by the way, I don't have a musical instrument. I don't have a guitar or an organ. No organ. Elton has an organ. And lots of other people helping. No we've broken a lot of records. We've broken virtually every record. Because you know, look I only need this space. They need much more room. For basketball, for hockey, and all of the sports, they need a lot of room. We don't need it. We have people in that space. So we break all of these records. Really we do it without like, the musical instruments. This is the only musical: the mouth. And hopefully the brain attached to the mouth. Right? The brain, more important than the mouth is the brain. The brain is much more important (<https://www.snopes.com/fact-check/trump-mouth-musical-instrument>).

Полный фрагмент текста дает довольно точную картину как коммуникативной, так и риторической стратегии политеймента, показывает в динамике функционирование совокупности его лексических средств. В его пространстве политики устанавливают рекорды, участвуют в соревнованиях, подобно спортивным (недаром говорящий упоминает «хоккей, баскетбол и другие виды спорта»). Да, политики пока еще не часто играют на музыкальных инструментах, гитаре (guitar), но они, как замечает Д. Трамп, веселят аудиторию удачным острым словом и находчивостью.

Вполне ожидаемо появление сопоставлений со спортсменами, ведущими рукопашные схватки друг с другом (борцами, боксерами)¹¹. Д. Трамп проводил, например, параллели между собой и боксером: как и боксер, он нокаутировал своих противников.

I have to say our system was rigged too except for one thing: if you win by massive landslides every week, it's no longer. It's like the boxers (San Diego, 27.05.2016).

¹⁰ Эта роль, связанная со становлением и эксплуатацией новой медиаккультуры, также не была свойственна политикам прошлых эпох, несмотря на то что они, несомненно, были знаменитыми личностями, лидерами наций, вождями и т. д.

¹¹ В данном случае мы снова можем наблюдать происходящие изменения социальных и коммуникативных практик: восприятие политики как азартного спорта, жесткого соревнования, где можно быть нокаутированным, не является конвенциональным. Д. Трамп в своем дискурсе часто отождествляет диаду «политика – спорт». Это находит также выражение в делении кандидатов на *winners* (победителей) и *losers* (проигравших).

Но в политейменте политик может взять на себя и другие роли, в частности, предстать в образе прокурора.

CHRISTIE: ...So **let's do something fun** tonight. Tonight as a former federal prosecutor I welcome the opportunity to hold Hillary Rodham Clinton accountable for her performance and her character (Chants: 'Lock her up').

Справедливости ради надо заметить, что в прошлом К. Кристи работал прокурором, но на этот раз он «обвиняет» Х. Клинтон в рамках политической игры. На то, что в процессуальном отношении это так, указывает лексическая единица 'fun'.

CHRISTIE: So I gonna ask you this – Hillary Clinton as a failure for running Libya and creating a nest for terrorist activity by ISIS, answer me now: is she guilty or not guilty? (Chants: 'Guilty!') (<https://www.youtube.com/watch?v=HluRpyDpMqI>).

Важно принять во внимание, что если К. Кристи позиционирует себя в качестве прокурора, то аудитории он предлагает стать на время присяжными, они могут выносить вердикт, что и происходит на самом деле. Таким образом у адресата создается иллюзия, что он сопричастен процессу смыслопорождения в дискурсе. Употребляя риторические вопросы, уже заведомо выносящие «обвинительный» приговор экс-госсекретарю, К. Кристи направляет возможные ответы людей, его слушающих. И, тем не менее, выкрикивая лозунги, они включены в игру, принимают непосредственное участие в ней. Риторические вопросы неоднократно повторяются политиком, что позволяет игре длиться во времени.

CHRISTIE: So now let's figure it out, let's decide, Hillary Clinton as an apologist for an Al-Qaeda affiliate in Nigeria resulting in the capture of innocent young women, is she guilty or not guilty? (<https://www.youtube.com/watch?v=HluRpyDpMqI>).

Ср.: So we must ask this question: Hillary Clinton as an awful judge of the character of a dictator and butcher in the Middle East, is she guilty or not guilty? (<https://www.youtube.com/watch?v=HluRpyDpMqI>).

Заключение

Отметим, что становление политеймента – это сложный процесс, являющийся следствием общего политико-коммуникативного тренда, ведущего к формированию особого пространства общения, интегрирующего в себя элементы разнообразных дискурсивных сред – политической, масс-медийной, бытовой.

Основная лингвопрагматическая установка политеймента связана с развлечением, актуализацией людической функции языка. При этом необходимо признать, что ее носителями являются не только политики, но и аудитория, ожидающая более интересного, оживленного и менее серьезного общения, чем это традиционно было свойственно политическим речам.

Чтобы соответствовать запросам адресата, языковая личность политика вынуждена трансформироваться, отказываться от классического политического стереотипа «сверхчеловека», вождя и превращаться под воздействием ряда факторов в языковую личность политика-актера.

Предлагаемый термин «языковая личность политика-актера» не указывает на предыдущую профессиональную деятельность политика, но соотносится с его новой манерой политического поведения и говорения. Для языковой личности политика-актера свойственно использование языковых и – в более широком смысле – политических игр. Такой политик может предстать перед аудиторией в роли «лингвиста», «звезды», спортсмена, прокурора и т. д.

Политики-актеры активно используют лингвостилистические средства, фигуры и тропы: гротеск, каламбур, сравнение, риторический вопрос.

Несомненно, необходимо дальнейшее изучение политеймента и языковой личности политика-актера, функционирующей в нем, на примере не только американского дискурса, но и украинского, российского и др. Конечно, это уже делается: в частности президентские вы-

боры на Украине вызвали небывалый интерес со стороны зарубежных аналитиков именно в связи с тем, что они явно отличались от традиционных президентских кампаний¹², но думается, что затронутая в настоящей статье тема найдет отклик и у отечественных лингвистов и политологов.

Список литературы

- Алексеев А. Б.** К вопросу выделения типов языковой личности политического деятеля // Материалы международной научно-практической конференции «Большое Евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты». М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 29–35.
- Денисенко В. Н., Чеботарева Е. Ю.** Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2008. 258 с.
- Еремينا Д. А.** Лексические средства выразительности в радиопрограммах формата «полит-эйнмент» (на материале немецких общественно-правовых радиостанций N-JOY и RA-DIOEINS) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38), ч. 2. С. 64–66.
- Жиро Т.** Политология: Пер. с пол. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2006. 428 с.
- Жувенель Б. де.** Власть: естественная история ее возрастания / Пер. с фр. В. П. Гайдамака. М.: ИРИСЕН, Мысль, 2011. 546 с.
- Иссерс О. С.** Речевое воздействие: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 244 с.
- Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
- Крышталева В. Е.** Милиарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 77–90.
- Лебедева С. Г.** Лингвостатистические и ассоциативно-вербальные параметры в исследовании идиолекта американского ученого-математика (на материале кинодиалога фильма «A Beautiful Mind») // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 27–45.
- Михалева О. Л.** Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.
- Сидоров Е. В.** Онтология дискурса. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 232 с.
- Сорокина Э. А.** Особенности термина «профессиональная языковая личность» // Материалы научно-практической конференции «Современные проблемы экологии языка». Астрахань, 2017. С. 269–277.
- Терехова Е. В.** Прагматика современного английского политического дискурса и рекуррентные конструкции // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. Т. 9, № 2. С. 131–137.
- Федотова Н. А.** Политейнмент как инструмент масс-медиа // Журналістыка-2015: стан, проблеми і перспективи: Матеріялы 17-й Міжнар. навук.-практ. канф. Мінск: БДУ, 2015. Вып. 17. С. 460–462.
- Фефелов А. Ф.** Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политкорректной правки // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 40–49.
- Фефелов А. Ф.** Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 1. С. 48–72.
- Baudrillard, J.** In the shadow of the silent majorities and other essays. Transl. from French by P. Foss et al. New York, Columbia University Press, 1983, 129 p.

¹² См.: Президентская гонка как политейнмент [Электронный ресурс]; *Pasquier, V.* Election en Ukraine...

- Bell, D.** Power, Influence and authority. An essay in political linguistics. New York, Oxford University Press, 1975, 131 p.
- Dörner, A.** Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 2001, 272 S.
- Holly, W.** Politische Inszenierungen. Gutenberg am Anfang vom Ende – ein audiovisueller Dementiversuch. In: Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes. Göttingen, Unipress GmbH, 2011, Heft 3, S. 227–237.
- Leech, G.** The pragmatics of politeness. Oxford, Oxford University Press, 2014, 343 p.
- Rountree, C.** Venomous speech. Santa Barbara, Praeger, 2013, 459 p.
- Pasquier, V.** Election en Ukraine : un humoriste télé aux portes de la présidence (et ce n'est pas une fiction). URL: <https://www.telerama.fr/television/election-en-ukraine-un-humoriste-tele-aux-portes-de-la-presidence-%28et-ce-nest-pas-une-fiction%29,n6192187.php> (accessed 31.01.2020)

References

- Alexeyev, A. B.** On the question of differentiating between the types of the language personality of the politician. In: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii "Bol'shoe Evrazijskoe partnerstvo: lingvisticheskie, politicheskie i pedagogicheskie aspekty". Moscow, 2018, p. 29–35. (in Russ.)
- Baudrillard, J.** In the shadow of the silent majorities and other essays. Transl. from French by P. Foss et al. New York, Columbia University Press, 1983, 129 p.
- Bell, D.** Power, Influence and authority. An essay in political linguistics. New York, Oxford University Press, 1975, 131 p.
- Denisenko, V. N., Chebotareva, E. Yu.** Contemporary psycholinguistic methods of the analysis of speech communication. Moscow, 2008, 258 p. (in Russ.)
- Dörner, A.** Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 2001, 272 S.
- Eremina, D. A.** Lexical expressive means in the sound programs of "politainment" format (by the material of the German social and legal radio stations N-JOY and RADIOEINS). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 8 (38), part 2, p. 64–66. (in Russ.)
- Fedotova, N. A.** Politainment as an instrument of mass media. In: Zhurnalistyka-2015: stan, problemy i perspektivy. Materialy 17-j Mizhnar. navuk.-prakt. kanf. Minsk, BSU Press, 2015, iss. 17, p. 460–462. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Dialectics of Race and Racism Markers in "The Adventures of Tom Sawyer" and "The Adventures of Huckleberry Finn". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, vol. 12, no. 2, p. 40–49. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Paradigmatic Trends in the Evolution of the Russian Translation Studies: pro and contra Roman Jakobson. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 1, p. 48–72. (in Russ.)
- Holly, W.** Politische Inszenierungen. Gutenberg am Anfang vom Ende – ein audiovisueller Dementiversuch. In: Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes. Göttingen, Unipress GmbH, 2011, Heft 3, S. 227–237.
- Issers, O. S.** Speech influence: tutorial. Moscow, Flinta: Nauka, 2009, 244 p. (in Russ.)
- Jouvenel, B. de.** Power: the natural history of its growth. Transl. from French by V. P. Gajdamak. Moscow, IRISN, Mysl' Publ., 2011, 546 p. (in Russ.)
- Karaulov, Yu. N.** The Russian language and the language personality. 7th ed. Moscow, LKI Publ., 2010, 264 p. (in Russ.)
- Kryshtaleva, V. E.** Military metaphors in the Discourse of the Presidents of Russia and France in the Beginning of 21st Century. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 77–90. (in Russ.)

- Lebedeva, S. G.** Linguostatistic and Associative Verbal Parameters of an American Mathematician's Idiolect (Based on the Dialogue of the Film *A Beautiful Mind*). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 27–45. (in Russ.)
- Leech, G.** The pragmatics of politeness. Oxford, Oxford University Press, 2014, 343 p.
- Mikhaleva, O. L.** Political discourse. Specifics of the manipulative influence. Moscow, Librocom Publ., 2009, 256 p. (in Russ.)
- Pasquier, V.** Election en Ukraine : un humoriste télé aux portes de la présidence (et ce n'est pas une fiction). URL: <https://www.telerama.fr/television/election-en-ukraine-un-humoriste-tele-aux-portes-de-la-presidence-%28et-ce-nest-pas-une-fiction%29,n6192187.php> (accessed 31.01.2020)
- Rountree, C.** Venomous speech. Santa Barbara, Praeger, 2013, 459 p.
- Sidorov, E. V.** The ontology of discourse. Moscow, LKI Publ., 2008, 232 p. (in Russ.)
- Sorokina, E. A.** The peculiarities of the term "professional linguistic personality". In: *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sovremennye problemy ekologii yazyka"*. Astrahan, 2017, p. 269–277. (in Russ.)
- Terekhova, E. V.** Pragmatics of Modern English political discourse and recurrent constructions. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2011, vol. 9, no. 2, p. 131–137. (in Russ.)
- Zhiro, T.** Politology. Transl. from Polish. Kharkov, Humanitarny Centre Press, 2006, 428 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
03.02.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Алексеев Александр Борисович, преподаватель Московского областного филиала РАН-ХиГС (ул. Речная, 6, Красногорск, Московская область, 143402, Россия)

Alexander B. Alexeyev, a teacher of the Moscow oblast subsidiary of the Russian Academy of Economy and Public Administration, the chair 'English Language' (6 Rechnaya Str., Krasnogorsk, 143402, Russian Federation)

neuausstatten@mail.ru

ORCID 0000-0003-2740-4649

Языковая / речевая биография пациента с афазией как фактор, определяющий специфику процесса его речевой реабилитации

А. В. Колмогорова, С. А. Лямзина, И. Л. Киселев

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

Аннотация

Рассматривается взаимосвязь между языковой / речевой биографией пациента с афазией и процессом его речевой реабилитации. Ставятся следующие исследовательские вопросы: существуют ли устойчивые корреляции между языковой / речевой биографией пациента и характеристиками системных связей слов в его ментальном лексиконе; можно ли повысить эффективность восстановления этих связей при реабилитации пациентов, если учитывать особенности их языковой / речевой биографии? Актуальность исследования связана с тем, что его результатом станет разработка восстановительных упражнений, адаптированных к специфике языковой / речевой биографии пациентов-афатиков. Материалом исследования послужили: 1) статистические данные о социологических характеристиках пациентов, прошедших реабилитацию в центре нейрореабилитации Сибирского клинического центра ФМБА России с 2014 по 2018 г.; 18 анкет, заполненных родственниками пациентов; 2) 10 часов аудиозаписей интервью со здоровыми носителями русского языка, имеющими сходные с одной из целевых групп пациентов социопрофессиональные характеристики; 3) корпус скриптов интервью объемом 10 203 слова, обработанный при помощи инструментария корпусной лингвистики; 4) данные речевого обследования 16 пациентов с диагнозом «комплексная моторная афазия», проведенного специалистами центра нейрореабилитации по шкале Вассерман, предназначенной для определения речевых дисфункций у больных с локальным нарушением мозгового кровообращения. В работе использовались методы структурированного интервью, анкетирования, корпусного анализа лексических единиц, описательный метод, элементы качественно-количественного анализа данных, а также метод выявления и оценки речевых нарушений Л. И. Вассерман. В ходе исследования были получены следующие результаты: 1) создан социолингвистический портрет одной из социопрофессиональных групп людей, находящихся в группе риска по афатическим расстройствам и объединенных схожестью языковой и речевой биографий; 2) сформированы списки частотных слов и коллокаций, характерных для данной группы лиц без речевых патологий; 3) выявлены характеристики речевой биографии, оказывающие влияние на объем и характер ментального лексикона неврологически здоровой целевой группы; 4) разработаны упражнения для речевой реабилитации пациентов-афатиков с аналогичными исследованной группе информантов без патологий социопрофессиональными и социолингвистическими характеристиками; 5) произведена апробация и первичная оценка эффективности разработанного подхода для речевой реабилитации пациентов с афазией.

Ключевые слова

языковая биография, речевая биография, афазия, ментальный лексикон, социолингвистический портрет, речевая реабилитация

Для цитирования

Колмогорова А. В., Лямзина С. А., Киселев И. Л. Языковая / речевая биография пациента с афазией как фактор, определяющий специфику процесса его речевой реабилитации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 103–116. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-103-116

The Language / Speech Biography of the Patient with Aphasia as a Factor Determining the Specific Process of Speech Rehabilitation

Anastasia V. Kolmogorova, Svetlana A. Lyamzina, Ilya L. Kiselev

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

The article considers the relationship between the language / speech biography of the patient with aphasia and the process of his speech rehabilitation. This research project focuses on correlation between the patient's language / speech biography and systemic connections of words in his mental lexicon. The relevance of the study consists in designing of recovery exercises adapted to the specific language / speech biography of patients with aphasic disorders. The research material includes: 1) statistical data on sociological characteristics of patients, gathered at the local Neurorehabilitation Center from 2014 to 2018; 2) 18 questionnaires filled in by the relatives of patients in question; 3) interviews with healthy Russian native speakers, whose socio-professional characteristics are similar to characteristics of one of the target groups of the patients; 4) a corpus of interview scripts processed with the program Sketch Engine; 5) 16 patients' speech assessment sheets completed in accordance with the Wasserman scale (it designed to determine speech disorders of patients with a local cerebrovascular accident). The main results of this project are: 1) completing a sociolinguistic portrait of people at risk of aphasia with the similar language and speech biographies; 2) lists of most frequent words, collocations and automated verbal series (phrases and sayings) specific to people without speech pathologies; 3) identification of the language / speech biography features that affect mental lexicon; 4) exercises to speed up speech rehabilitation 5) their validation and assessment of effectiveness in clinical practice.

Keywords

language biography, speech biography, aphasia, mental lexicon, sociolinguistic portrait, speech rehabilitation

For citation

Kolmogorova, Anastasia V., Lyamzina, Svetlana A., Kiselev, Ilya L. The Language / Speech Biography of the Patient with Aphasia as a Factor Determining the Specific Process of Speech Rehabilitation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 103–116. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-103-116

Введение

В научной литературе афазия обычно определяется как дезинтеграция разных звеньев речевой деятельности, обеспечивающих в норме функционирование сложившихся у зрелого носителя языка высокоавтоматизированных типовых моделей слушания – говорения и чтения – письма [Балонов и др., 2004; Визель, 2009]. Кроме того, афазия может трактоваться не как дефект, а как новое по отношению к речевой функциональной системе интегративное «патологическое целое, сформировавшееся на основе компенсаторных механизмов» [Цветкова, 2011. С. 150].

В афазиологии и когнитивной науке пока отсутствует иерархия факторов, определяющих специфику функционирования речевой функциональной системы, сложившейся после наступления дефекта.

Однако в ряде работ, выполненных в рамках функциональной концепции языка (usage-based approach), внимание исследователей фокусируется на зависимостях, которые косвенно отсылают исследователей речи афатиков к их речевому и коммуникативному опыту, сформировавшемуся до появления дефекта. Так, подчеркивается, что чем выше была частотность лексемы, коллокации, конструкции в речи, тем проще афатику ее использовать и понимать после наступления дефекта [Martínez-Ferreiro et al., 2019]. В контексте трудностей продуцирования и понимания речи пациентами с афазией обсуждается, в частности, роль такого фактора, как возраст усвоения слова [Brysbaert, Ellis, 2016], а в [Dąbrowska, 2015] указывается на то, что скорость когнитивной обработки редких конструкций зависит от уровня образования, исчисляемого в годах обучения. С использованием данных айттрекинга в экспериментальной работе [Arantzeta et al., 2019] доказано, что билингвизм является фактором, предопределяю-

щим бóльшую способность пациентов с семантической афазией к осуществлению процессов торможения и контроля.

Сходные наблюдения делаются и афазиологами-практиками. Т. Г. Визель отмечает, что в изученных ею случаях атипичных афазий речевая патология характеризовалась выраженными чертами индивидуального «языкового портрета больных» [2002. С. 8]. Д. Ш. Газизуллина, описывая особенности нарушений морфологического компонента речевой деятельности при разных формах афазии, делает вывод о зависимости степени устойчивости этого компонента от морфологической компетенции индивида в преморбиде [2011. С. 7].

Таким образом, в литературе представлены предпосылки к рассмотрению характеристик пациента, тесно связанных со спецификой его персональной истории как языковой и коммуникативной личности, в качестве факторов, оказывающих влияние, наряду с очагом поражения, степенью грубости дефекта и т. д., на специфику и динамику процесса восстановления его речевой способности.

В связи с изложенным мы полагаем, что понятия «языковая биография» и «речевая биография», которым посвящена обширная теоретическая литература [Александров, 2011; Дебрени, 2014; Иванов, 2004; Лабов, 1975; Седов, 2004; Khan, 2009; Lowson, 2011; Sharma, Sankaran, 2011], имеют полное основание быть рассмотренными в контексте проблемы выявления причин вариативности функционирования и динамики компенсации первичного и вторичных дефектов речевой системы афатика.

Уточним, что объектом нашего исследования является лишь один функциональный сегмент речевой системы при афазии – ментальный лексикон.

Постановка проблемы

На сегодняшний день речевая реабилитация пациентов с афазией осуществляется в практике специализированных клиник на основе сборников восстановительных упражнений, разработанных специалистами. Используемый речевой материал представляет собой некоторый «речевой слепок» среднестатистической речевой личности в том ее виде, в каком она видится каждому конкретному специалисту – автору упражнений. Как правило, такая идеальная личность – это человек, владеющий русским языком как родным, имеющий четкие представления о речевой / языковой норме и являющий собой образец носителя среднелитературного типа речевой культуры.

Однако логично предположить, что объектом речевой восстановительной работы является конкретная речевая личность [Nagels et al., 2019], имевшая в преморбиде собственную языковую и речевую биографии (далее ЯБ и РБ соответственно), оказавшие влияние на формирование устойчивых связей в ее ментальном лексиконе. Известно, что чем устойчивее связь, тем больше шансов, что она не будет нарушена или что эти нарушения будут носить частичный характер.

Иначе говоря, гипотеза исследования может быть сформулирована следующим образом: если до дефекта носитель языка владел одним или несколькими языками, был погружен в определенные речевые жанры и формы, использовал профессиональную лексику, имел изблуженный корпус текстов для чтения и сам был склонен к определенному типу устной или письменной речевой продукции, то после наступления дефекта в восстановительной работе подобную индивидуальную языковую и речевую историю следует принимать во внимание, поскольку она сформировала специфическую конфигурацию ментального лексикона пациента.

Таким образом, реализуемый исследовательский проект сфокусирован на поиске ответов на вопросы: существуют ли устойчивые корреляции между ЯБ и РБ пациента и характеристиками системных связей слов в его ментальном лексиконе; можно ли повысить эффективность восстановления этих связей при реабилитации пациентов, если учитывать особенности их ЯБ и РБ?

В рамках данной публикации особое внимание уделено описанию этапов проведенной исследовательской работы, анализу ее текущих результатов и их валидации.

Материал и методы

Материалом исследования послужили: 1) статистические данные о социологических характеристиках пациентов, прошедших реабилитацию в центре нейрореабилитации Сибирского клинического центра ФМБА России с 2014 по 2018 г.; 18 анкет, заполненных родственниками пациентов, проходящих восстановительное лечение; 2) 10 часов аудиозаписей интервью со здоровыми носителями русского языка, чьи ЯБ и РБ, а также гендерные и возрастные характеристики схожи с биографиями и характеристиками целевых групп пациентов; 3) корпус скриптов интервью объемом 10 203 слова, обработанный при помощи инструментария корпусного менеджера Sketch Engine; 4) данные речевого обследования 16 пациентов с диагнозом «комплексная моторная афазия», проведенного специалистами центра нейрореабилитации по шкале Вассерман, предназначенной для определения выявления речевых нарушений у больных с локальным нарушением мозгового кровообращения.

В работе использовались следующие методы: метод структурированного интервью, метод анкетирования, метод корпусного анализа лексических единиц, описательный метод, метод выявления и оценки речевых нарушений у больных с локальным нарушением мозгового кровообращения Л. И. Вассерман, элементы качественно-количественного анализа данных.

Этапы работы

Одним из первых этапов работы стало получение первичных данных для дальнейшей типизации групп пациентов на основе фактов их ЯБ и РБ. Поскольку большая часть из них не способна сообщить подобные сведения, было принято решение использовать в качестве основного инструмента получения данных анкетирование родственников.

Анкетирование проводилось в центре нейрореабилитации Сибирского клинического центра ФМБА России в период с 01.02.2019 по 30.03.2019. Всего в опросе приняли участие 18 родственников такого же числа пациентов, проходивших реабилитацию в указанный период. Пациенты: 7 женщин и 11 мужчин в основном с афферентной и эфферентной моторной афазией (согласно классификации афатических расстройств по А. Р. Лурии [1974]). Средний возраст мужчин, больных афазией, составил 51 год, женщин – 58 лет.

В качестве фактора ЯБ, оказывающего влияние на структуру и объем ментального лексикона представителей таргет-группы, в нашем исследовании рассматривается монолингвизм / билингвизм (учебный или естественный), а в качестве важных факторов РБ – специфика письменно-речевой продукции и рецепции, горизонт прецедентности (т. е. объем и границы текстового пространства, являющегося источником прецедентных феноменов), погруженность в профессиональную коммуникацию и ведущий коммуникативный регистр респондентов [Лямзина, Колмогорова, 2018. С. 226].

Анкета включала в себя 3 блока вопросов: блок 1 преследовал цель получить данные о половозрастных и социопрофессиональных характеристиках пациентов (место рождения, национальность, профессия, хобби); блок 2 – получить данные о ЯБ пациента (является ли русский язык родным; с какими еще языками приходилось сталкиваться в семье, в школе, в университете, в профессиональной жизни), блок 3 – получить данные о РБ пациента (какой коммуникативный регистр использовался чаще всего; тексты каких жанров чаще всего приходилось читать пациенту, самому продуцировать; типичные фразы, присказки, излюбленные слова).

В результате анкетирования мы смогли выделить 4 таргет-группы пациентов, различных по возрасту (50–65 и 28–50 лет), полу, профессиональному статусу (рабочая профессия, слу-

жащий, работа в сфере обслуживания), образованию (среднее профессиональное, высшее), хобби и некоторым чертам РБ и ЯБ.

Группа № 1: мужчины, русские, жители Красноярского края, от 50 до 65 лет, среднее специальное образование, рабочая профессия, увлекающиеся охотой, рыбалкой, ремонтом автомашин; монолингвы, изучавшие иные языки только в школе; объектом речевой рецепции являются советские песни, песни и поэзия В. Высоцкого, приключенческие романы и романы в жанре «фэнтези»; речевая продукция: деловая документация, накладные; ведущий регистр в течение последних лет – просторечие, профессиональное общение.

Группа № 2: мужчины, русские, жители Красноярского края, от 28 до 49 лет, высшее образование, служащие, хобби – компьютерные игры, просмотр фильмов, монолингвы, использующие иногда иностранные языки в работе или в личной жизни; объект речевой рецепции – интернет-тексты, электронные СМИ; речевая продукция – деловая документация; ведущий регистр – разговорная речь, профессиональное общение.

Группа № 3: женщины, русские, жительницы Красноярского края, от 50 до 65 лет, монолингвы, среднее специальное образование, работают в сфере обслуживания, увлекаются рукоделием, садоводством; монолингвы, изучавшие иные языки только в школе; объектом речевой рецепции являются советские песни, песни и поэзия В. Высоцкого, приключенческие романы и романы в жанре «фэнтези»; речевая продукция – деловая документация, накладные; ведущий регистр в течение последних лет – просторечие, профессиональное общение.

Группа № 4: женщины, русские, жительницы Красноярского края, от 28 до 55 лет, высшее образование, служащие, без выраженного хобби, монолингвы, использующие иногда иностранные языки в работе или в личной жизни, объект речевой рецепции – интернет-тексты, электронные СМИ; речевая продукция – деловая документация; ведущий регистр – разговорная речь, профессиональное общение.

Отметим, что анализ статистических данных о возрасте и поле пациентов, прошедших реабилитацию в центре нейрореабилитации Сибирского клинического центра ФМБА России в период с 2013 по 2018 г., подтвердил релевантность половозрастных характеристик, сформированных при анкетировании таргет-групп.

Анкетирование также показало, что в текущем виде опросник не позволяет получить исчерпывающие данные о пациентах-афатиках, которые можно было бы использовать в восстановительных упражнениях: в силу стрессовой ситуации, отсутствия тесных родственных связей, страха «потери лица» (отказ фиксировать обценную лексику) подавляющее большинство родственников не смогли указать речевые особенности пациентов в разные периоды жизни – конкретных примеров излюбленных фраз, реплик, поговорок и присказок.

Однако мы получили необходимые метаданные для формирования целевых групп здоровых людей и их дальнейшего интервьюирования с целью моделирования вокабуляров, отражающих в определенной степени реальный ментальный лексикон групп риска, который позволил бы нам разработать индивидуальный комплекс упражнений для пациентов-афатиков.

В настоящей публикации в фокусе находится одна из выявленных групп – группа № 1.

На втором этапе были взяты интервью у 19 мужчин, соответствующих по социoproфессиональным характеристикам данной таргет-группе: мужчины, русские, жители Красноярского края, от 50 до 65 лет, имеющие среднее специальное образование, рабочую профессию, увлекающиеся охотой, рыбалкой, ремонтом автомашин, монолингвы, изучавшие иные языки, как правило, в средней школе.

В опрошенной группе были представители следующих профессий: сварщик, слесарь, водитель, машинист котла, крановщик, плотник, строительный геодезист, электрик, мастер по изготовлению ключей и ремонту часов, охранник, сантехник и мерчендайзер.

Используя метод структурированного интервью, мы беседовали с респондентами в нерабочей обстановке, предварительно предупредив их о том, что беседа будет записана. Длительность интервью варьировала от 30 до 60 минут. Примеры вопросов, заданных в интервью: *На каких языках говорили в детстве дома? Какие языки вы учили в школе, в училище*

или техникуме? Используете ли их сейчас? Что любите читать? С кем чаще всего приходится общаться? Разговариваете ли дома, как на работе? Можете ли назвать любимые стихи, песни, книги, фильмы? Используете ли выражения, фразы из них в речи? и т. д. Кроме того, присутствовал блок вопросов «о жизни», для того чтобы информанты смогли реализовать модели своего типичного речевого поведения.

Согласно результатам интервью, все опрошенные разговаривают в семье и на работе на русском языке; 36 % из них учили английский язык в учебных заведениях, 46 % – немецкий, но после обучения их не использовали; 18 % респондентов учили языки РФ и ближнего зарубежья, так как проживали там (башкирский, украинский, казахский и киргизский), однако в настоящее время интервьюенты помнят только несколько слов из языков, преимущественно названия продуктов питания.

Одной из характеристик РБ представителей выбранной таргет-группы является отсутствие интереса к качественному чтению: в настоящее время интервьюенты в основном читают газеты (местные городские газеты, «Аргументы и факты», «Московский Комсомолец»), хотя в молодости предпочитали художественную литературу (например, «Три мушкетера», «Мастер и Маргарита», «Война и мир», «Даурия», «Забайкальцы», «Они сражались за Родину», «Битва за Берлин», произведения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова).

Что касается письменно-речевой продукции, то большинство респондентов в повседневной жизни практически не сталкиваются с необходимостью продуцировать развернутый письменный текст. Как правило, интервьюенты имеют дело только с образцами деловой документации: рапорты, заявления на отпуск, заявления о приеме на работу, объяснительные и заявления на отгул.

Также следует отметить, что речь респондентов богата тематической лексикой, имеющей отношение к их профессиональной деятельности (*сварка, агрегат, подшипники, кран, грузить вагон, менять трос, редуктор, майна, вира, изготовление ключей, станки, заточка инструмента, сдать пост, принять пост, анкерная вилка*), просторечными словами, присказками («Мал золотник, да дорог», «Не плачь, куплю калач, будешь плакать, куплю лапоть», «Смесь бульдога с носорогом», «Враг, анчутка», «шибко», «пырхаемся», «фиг его знает», «фигня») и фразами из фильмов («Вор должен сидеть в тюрьме!», «Тебя посодют, а ты не воруй!», «Кушать подано, садитесь жрать!», «Не задави рыбку!»). Это свидетельствует о том, что ведущим коммуникативным регистром у представителей выбранной таргет-группы является просторечие. Значительная часть присказок и просторечных выражений была усвоена респондентами в детском возрасте, в процессе коммуникации со старшими членами семьи и представляет собой продукт «речевого донорства» [Штейнердт, 2012].

Помимо клишированных просторечных выражений и речений, источником выявленных фраз и выражений являлись также советские прецедентные тексты, среди которых преобладают культовые кинофильмы («Джентльмены удачи», «Берегись автомобиля», «Невероятные приключения итальянцев в России», «Место встречи изменить нельзя» и др.). Большинство респондентов предпочитает «старые песни и фильмы», имея в виду песни и фильмы советского времени, а также песни В. Высоцкого.

Выяснилось, что все установленные черты коллективного речевого портрета интервьюентов совпали с теми характеристиками, которые были первоначально выявлены для данной таргет-группы по результатам анкетирования родственников пациентов.

Частотный список слов, коллокаций и конструкций в вокабуляре данной таргет-группы составлялся на электронной платформе корпусного менеджера Sketch Engine, обработавшего загруженные скрипты собранных интервью. В результате возник репрезентативный корпус текстов для их дальнейшего анализа. Объем этого корпуса составил 10 203 слова. Далее с помощью корпусного инструментария были выявлены самые частотные словосочетания (коллокации) и слова, классифицированные по частям речи, например: *человек* 55, *работа* 48, *год* 41, *день* 36, *быть* 321, *ночь* 66, *знать* 58, *говорить* 52, *работать* 35, *русский* 36, *анг-*

лийский 23, рабочий 14, хороший 14, очень 66, уже 50, еще 48, я 430, это 145, тот 100, так 98, мы 75, рабочий день 12 и др.

Упражнения на основе полученных данных для работы с пациентами-афатиками (мужчинами со средним специальным образованием и рабочей профессией)

На основе полученных данных о специфике речевой рецепции и продукции изучаемой целевой группы, ее горизонте прецедентности, ведущем коммуникативном регистре и хобби были разработаны упражнения разной степени сложности для реабилитации пациентов, относящихся по социофессиональным характеристикам к данной целевой группе и имеющих диагноз «комплексная моторная афазия средней степени». Заметим, что данный вид афазии встречается чаще всего в практике базового центра нейрореабилитации.

В качестве материала для упражнений, направленных на оживление чувства языка при помощи автоматизмов, использовались пословицы, фразы из песен, стихов, художественных произведений и фильмов, встретившиеся в речи информантов во время интервью и составившие так называемый «горизонт прецедентности» целевой группы – систему текстов культуры, регулярно служащих источниками прецедентных феноменов, использующихся в речи (пример – упражнение 1).

Упражнение № 1

Дополните пословицы, устойчивые выражения и фразы из фильмов подходящими словами.

1. Я, конечно, не трус, но я ...
2. Тебя посодют, а ты не ..!
3. Пить надо меньше, меньше надо ...
4. Без труда не ... и рыбку из пруда.
5. Не плачь, куплю калач, будешь ..., куплю лапоть.
6. Учиться, учиться и еще раз ...
7. Шило в мешке не ...

В заданиях (упражнения 2–5), целью которых является восстановление навыка произношения изолированных звуков и слогов, расширение запаса существительных, глаголов, прилагательных и наречий, использовались частотные лексемы, полученные на основе корпусного моделирования вокабуляра целевой группы.

Упражнение № 2

Составьте слова из слогов и букв.

1. бо-ра-та, ло-век-че, д-г-о, мя-вре, но-ярк-крас, та-зе-га, ство-дет, ня-пес, монт-ре, на-ма-ши, яв-ни-е-ле-за, церт-кон, раз-об, е-ч-ь-р, е-н-ь-д, я-ы-з-к.

Упражнение № 3

Дополнить начало / конец слова, опираясь на первую / последнюю его часть.

1. Инст____, проф____, шк____, рыба____, рем____, общ____, дел____, нед____, люб____, от____.

-ессия, -итут, -ессор, -ола, -ала, -онт, -ень, -лка, -ение, -аться, -итель, -дыхать, -еля, -ить, -дых, -ать

Упражнение № 4

Вставьте антоним, подходящий по смыслу к подчеркнутым словам.

1. Раньше мы часто ездили на дачу, а сейчас ...

2. Днём светит солнце, а ... луна.
3. Новый год приходит, а старый ...
4. Кто-то отдыхает, а кто-то ...

Упражнение № 5

Дополните фразы, используя одно из предложенных слов

1. (Работа / забота) Высокооплачиваемая... / Материнская...
2. (Год / род) Високосный... / Человеческий...
3. (День / лень) Ему... делать это / Сегодня солнечный...

В основе моделирования упражнений, которые позволяют стимулировать речь на слух при помощи картинок и помогают продуцировать высказывания по сюжетным картинкам (упражнения 6–7), также лежат частотный вокабуляр и коллокации, обусловленные ведущим регистром речи, профессиональной деятельностью и хобби представителей целевой группы.

Упражнение № 6

Ниже представлены картинки с людьми разных профессий и слова, описывающие их действия. Прочитайте данные слова и скажите, кто из людей выполняет то или иное действие.

Например, грузить вагон – Крановщик грузит вагон.

1. работать со сваркой,
2. исправить агрегат,
3. ремонтировать машину,
4. заправлять машину,
5. возить людей и товар,
6. грузить вагон,
7. кричать «майна» и «вира»,
8. строить дом,
9. изготовить ключ,
10. ремонтировать часы...

(Затем представлены картинки, каждая из которых сопровождается названием профессии)

Упражнение № 7

Рассмотрите картинки и расскажите, что делают изображенные на них люди.

Кроме того, для тренировки навыка чтения и пересказа были разработаны тексты, жанровая и информационная специфика которых соответствовала характеру привычной письменной-речевой рецепции пациентов до появления дефекта: рецепты, заметки о происшествиях, житейские истории («письмо в газету»).

В настоящий момент комплекс упражнений, фрагменты которого представлены в данной публикации, проходят апробацию в центре нейрореабилитации Сибирского клинического центра ФМБА России по Красноярскому краю.

Валидация результатов

Для проверки валидности сделанных наблюдений посредством оценки эффективности применения разработанных упражнений все пациенты-мужчины, с диагнозом «комплексная моторная афазия средней степени тяжести», проходившие реабилитацию в центре в период с января по февраль 2020 г., имеющие те же социофессиональные характеристики, что и представители таргет-группы 1 (мужчины, русские, от 50 до 65 лет, среднее специальное образование, рабочая профессия), были разделены на две группы: экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ), по 8 человек в каждой. В экспериментальной группе для речевой реабилитации использовались упражнения, составленные в рамках проводимого исследования, в контрольной – материалы, обычно применяемые логопедами центра нейрореабилитации Сибирского клинического центра ФМБА России по Красноярскому краю. При поступлении и выписке пациенты проходили обследование по шкале Вассерман, в которую входит 21 признак, что и позволяет получить объективное количественное подтверждение результативности курса речевой реабилитации. Шкала построена таким образом, что чем меньше в речи пациента патологических девиаций по сравнению со входным тестом (и чем явственнее видно улучшение речевого состояния), тем меньше баллов он получает.

Как видно из приведенных ниже данных (см. таблицу), в экспериментальной группе (ЭГ) в процессе реабилитации средний показатель эффективности, представляющий собой среднее арифметическое от разности баллов до и после реабилитации у каждого пациента, выше, чем в контрольной (КГ) на 1,9 балла. Таким образом, если за 100 % принять суммарное качественное улучшение по ЭГ и КГ, то в ЭГ она составит 60 %, а в КГ – 40 %, т. е. в ЭГ показатели качественного улучшения на 20 % выше, чем в КГ.

Результаты речевого обследования пациентов в ЭГ и КГ

до и после проведения речевой реабилитации

The results of speech examination before and after speech therapy
in the experimental and the control groups of patients with aphasia

Признак	Средний балл				Количественное улучшение	
	при поступлении		при выписке			
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
1	2	3	4	5	6	7
1. Спонтанная и диалогическая речь	2	2,2	1,8	2	0,2	0,2
2. Повествовательная (монологическая) речь	2,2	3,8	2,2	2	0	1,8
3. Составление рассказа по сюжетной картинке	2,2	2,4	2,2	2	0	0,4
4. Аграмматизм	2,2	2	2,2	1,6	0	0,4
5. Отраженная речь (повторение)	1,7	1,6	1,2	1,4	0,5	0,2
6. Повторение речевых рядов (серии слогов, слов, простых и сложных предложений)	2	1,8	1,7	1,4	0,3	0,4

Окончание таблицы

Признак	Средний балл				Количественное улучшение	
	при поступлении		при выписке			
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
1	2	3	4	5	6	7
7. Называние	1,4	1,4	1,4	1,2	0	0,2
8. Произношение речевых звуков	1,1	1	0,8	1	0,3	0
9. Усилия, напряжение в речи, запинания, дезавтоматизация речи	1,8	2	1,4	1,6	0,4	0,4
10. Темп речи	2	1,6	1,7	1,6	0,3	0
11. Просодия (интонация, ритм высказывания, ударение, мелодика речи)	2	1,8	1,7	1,4	0,3	0,4
12. Вербальные парафазии	1,7	1,8	1,7	1,2	0	0,6
13. Литеральные парафазии	2	1,8	1,5	1,4	0,5	0,4
14. Понимание ситуативной речи и словесных значений	0,7	1,2	0,7	0,6	0	0,6
15. Отношение к дефекту речи	1,4	1,2	1,1	1,2	0,3	0
16. Чтение (вслух)	1,8	1,8	1,5	1,6	0,3	0,2
17. Чтение (про себя)	1,2	1,2	1,2	0,8	0	0,4
18. Чтение букв	1,4	1,6	1,4	1	0	0,6
19. Списывание	1,7	1,6	1,4	1,2	0,3	0,4
20. Письмо букв под диктовку	2,1	2,4	2	1,6	0,1	0,8
21. Письмо (самостоятельное и под диктовку)	2,5	2,6	2,5	2,4	0	0,2

	Общий средний балл				Средний показатель общей результативности курса речевой реабилитации	
	при поступлении		при выписке			
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
	36.2	36	32.2	30.1	4	5.9

В частности, в ЭГ значительное количественное улучшение можно отметить по ряду признаков (см. таблицу, столбец 7): повествовательная (монологическая) речь (1,8 балла), вербальные парафазии (0,6 балла), понимание ситуативной речи и словесных значений (0,6 балла), чтение букв (0,6 балла) и письмо букв под диктовку (0,8 балла).

Заключение

В исследовании получены промежуточные данные, подтверждающие гипотезу о том, что на объем и характер связей слов, составляющих индивидуальный ментальный лексикон, влияют такие факторы речевой биографии, как характер привычной письменно-речевой рецепции и продукции, горизонт прецедентности, связанный с возрастом и кругом общения информантов, погруженность в профессиональную коммуникацию, а также ведущий коммуникативный регистр. Однако фактор ЯБ пока не принимался во внимание, поскольку в рассмотренной целевой группе не было ни учебных, ни естественных билингвов. В дальнейшем, при работе с другими группами, он будет учтен.

Основными итогами данной работы мы считаем:

- 1) создание социолингвистического портрета одной из категорий людей, находящихся в группе риска по афатическим расстройствам и объединенных схожестью ЯБ и РБ;
- 2) формирование списков наиболее частотных слов, коллокаций и автоматизированных словесных рядов (фраз и речений), характерных для такой же категории лиц, но без речевых патологий;
- 3) выявление характеристик преимущественно РБ, оказывающих влияние на объем и характер ментального лексикона носителей языка без патологии;
- 4) создание упражнений для речевой реабилитации пациентов-афатиков, социальные и социолингвистические характеристики которых аналогичны референтной группе информантов без патологий;
- 5) проведение апробации и первичной количественной оценки эффективности разработанного подхода для речевой реабилитации пациентов с афазией.

В перспективе планируется провести аналогичную работу с другими тремя целевыми группами, а также продолжить пополнение корпуса данных с целью повышения надежности статистической оценки эффективности тех или иных разрабатываемых упражнений и всего их комплекса.

Список литературы

- Александров О. А.** Языковая биография немецких диалектоносителей с. Кожевниково Томской области // Вестник Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2011. № 4 (18). С. 208–213.
- Балонов Л. Я., Деглин В. Л., Черниговская Т. В.** Функциональная асимметрия мозга в организации речевой деятельности // Хрестоматия по нейропсихологии. М., 2004. С. 527–541.
- Визель Т. Г.** К вопросу о природе афазии // Дефектология. 2009. № 6. С. 65–70.
- Визель Т. Г.** Нейролингвистический анализ атипичных форм афазии (системный интегрированный подход): Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002. 38 с.
- Газизуллина Д. Ш.** Особенности нарушений морфологического компонента речевой деятельности и методы их преодоления при разных формах афазии: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 23 с.
- Дебрени М.** Языковая автобиография // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2014. Т. 8, вып. 1. С. 55–64.
- Иванов В. В.** Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему (главы 11–21). М., 2004. 208 с.
- Лабов У.** Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. 1975. Вып. 7. С. 155–156.
- Лурия А. Р.** Травматическая афазия. М.: Медицина, 1947. 367 с.
- Лямзина С. А., Колмогорова А. В.** Личность в зеркале языковой / речевой биографии // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 220–228.

- Седов К. Ф.** Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004. 317 с.
- Цветкова Л. С.** Афазиология. Современные проблемы и пути их решения. М.: МПСИ, МО-ДЭК, 2011. 744 с.
- Штейнердт В. В.** Опыт применения метода речевого донорства при реабилитации речи у двух больных с афазией в постстационарном периоде // Сибирское медицинское обозрение. 2012. № 2. С. 15–26.
- Arantzeta, M., Howard, D., Webster, J., Laka, I., Martinez-Zabaleta, M., Bastiaanse, R.** Bilingual aphasia: Assessing cross-linguistic asymmetries and bilingual advantage in sentence comprehension deficits. *Cortex*, 2019, no. 119, p. 195–214.
- Brysbaert, M., Ellis, A.W.** Aphasia and age of acquisition: Are early-learned words more resilient? *Aphasiology*, 2016, vol. 30, p. 1240–1263.
- Dąbrowska, E.** What exactly is universal grammar, and has anyone seen it? *Frontiers in Psychology*, 2015, vol. 6: 852. DOI 10.3389/fpsyg.2015.00852
- Khan, A.** Language and ethnicity. In: CULPEPER, eds. English language: description, variation and context. Houndmills, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009, p. 243–256.
- Lawson, R.** Patterns of linguistic variation among Glaswegian adolescent males. *Journal of Sociolinguistics*, 2011, vol. 15, no. 2, p. 226–255.
- Martinez-Ferreiro, S., Bastiaanse, R., Boye, K.** Functional and usage-based approaches to aphasia: the grammatical-lexical distinction and the role of frequency. *Aphasiology*, 2019. DOI 10.1080/02687038.2019.1615335
- Nagels, L., Bastiaanse, R., Başkent, D., Wagner, A.** Individual Differences in lexical access among cochlear implant users. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 2020, vol. 63, no. 1, p. 286–304.
- Sharma, D. & Sankaran, L.** Cognitive and social forces in dialect shift: Gradual change in London Asian speech. *Language Variation and Change*, 2011, vol. 23, no. 3, p. 399–428.

References

- Aleksandrov, O. A.** Language biography of German dialect carriers of Kozhevnikovo village, Tomsk region. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*, 2011, no. 4 (18), p. 208–213. (in Russ.)
- Arantzeta, M., Howard, D., Webster, J., Laka, I., Martinez-Zabaleta, M., Bastiaanse, R.** Bilingual aphasia: Assessing cross-linguistic asymmetries and bilingual advantage in sentence comprehension deficits. *Cortex*, 2019, no. 119, p. 195–214.
- Balonov, L. Ya., Deglin V. L., Chernigovskaya T. V.** Functional asymmetry of the brain in the organization of speech activity. In: Handbook on neuropsychology. Moscow, 2004, p. 527–541. (in Russ.)
- Brysbaert, M., Ellis, A.W.** Aphasia and age of acquisition: Are early-learned words more resilient? *Aphasiology*, 2016, vol. 30, p. 1240–1263.
- Dąbrowska, E.** What exactly is universal grammar, and has anyone seen it? *Frontiers in Psychology*, 2015, vol. 6: 852. DOI 10.3389/fpsyg.2015.00852
- Debrenne, M.** Language autobiography. *Vestnik NSU. Series: Psychology*, 2014, vol. 8, no. 1, p. 55–64. (in Russ.)
- Gazizullina, D. Sh.** Disorder of the morphological component of speech activity and methods to overcome it in various forms of aphasia. PhD Dissertation Abstract. Moscow, 2011, 23 p. (in Russ.)
- Ivanov, V. V.** Linguistics of the Third Millennium: Questions for the Future (Chapters 11–21). Moscow, 2004, 208 p. (in Russ.)
- Khan, A.** Language and ethnicity. In: Culpeper, eds. English language: description, variation and context. Houndmills, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009, p. 243–256.

- Labov, U.** The study of language in its social context. *The New in Linguistics*, 1975, vol. 8, p. 155–156. (in Russ.)
- Lawson, R.** Patterns of linguistic variation among Glaswegian adolescent males. *Journal of Sociolinguistics*, 2011, vol. 15, no. 2, p. 226–255.
- Luriya, A. R.** Traumatic aphasia. Moscow, Meditsina Publ., 1947, 367 p. (in Russ.)
- Lyamzina, S. A., Kolmogorova A. V.** Personality in the mirror of a language / speech biography. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 2018, no. 4. p. 220–228. (in Russ.)
- Martinez-Ferreiro, S., Bastiaanse, R., Boye, K.** Functional and usage-based approaches to aphasia: the grammatical-lexical distinction and the role of frequency. *Aphasiology*, 2019. DOI 10.1080/02687038.2019.1615335
- Nagels, L., Bastiaanse, R., Başkent, D., Wagner, A.** Individual Differences in lexical access among cochlear implant users. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 2020, vol. 63, no. 1, p. 286–304.
- Sedov, K. F.** Discourse and personality: the evolution of communicative competence. Moscow, 2004, 317 p. (in Russ.)
- Sharma, D. & Sankaran, L.** Cognitive and social forces in dialect shift: Gradual change in London Asian speech. *Language Variation and Change*, 2011, vol. 23, no. 3, p. 399–428.
- Shteynerdt, V. V.** Experience of verbal donation method application for speech rehabilitation of two patients with aphasia in period after hospital. *The review of Siberian medicine*, 2012, no. 2, p. 15–26. (in Russ.)
- Tsvetkova, L. S.** Aphasiology. Current problems and solutions. Moscow, MPSI, MODEHK Publ., 2011, 744 p. (in Russ.)
- Vizel, T. G.** The question of aphasic nature. *Defektology*, 2009, no. 6, p. 65–70. (in Russ.)
- Vizel, T. G.** Neuro-linguistic analysis of atypical forms of aphasia (systemic integrated approach). Doctoral Dissertation Abstract. Moscow, 2002, 38 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
17.12.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия)

Anastasia V. Kolmogorova, Doctor of Philology, Head of Romance Languages and Applied Linguistics Department, Siberian Federal University (82A Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)

nastiakol@mail.ru

ORCID 0000-0002-6425-2050

Лямзина Светлана Алексеевна, аспирант кафедры романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия)

Sventlana A. Lyamzina, Post-Graduate Student of the Romance Languages and Applied Linguistics Department, Siberian Federal University (82A Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)
svetlana.lyamzin@mail.ru

Киселев Илья Леонидович, специалист Отдела социально-культурной адаптации, Управление международного рекрутинга, Департамент международного сотрудничества, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия)

Ilya L. Kiselev, Officer of International Student and Staff Support Office, International Recruitment Office, International Cooperation Department, Siberian Federal University (82A Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)
rrryyhhh555@mail.ru

Системное описание языкового сознания студента: образ самого студента

А. А. Яковлев

*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия*

Аннотация

Обсуждаются результаты серии экспериментов, нацеленных на изучение того, как в сознании студента изменяется образ его самого. Языковое сознание трактуется как понятие, фиксирующее определенную закономерную связь между внутренними (личностными) и внешними (социально-культурными) факторами, влияющими на изменение значений и личностных смыслов слов. Такое изменение говорит о закономерных изменениях образов, лежащих за этими словами в сознании исследуемой группы индивидов. Гипотеза исследования состояла в том, что образ самого студента за годы обучения в университете претерпевает существенные изменения, обусловленные не только разнообразной деятельностью в учебной среде, но и личностной оценкой этой собственной деятельности. Эта гипотеза проверялась серией экспериментов, проведенных методом свободных ассоциаций и методом незаконченных предложений, результаты которых дополняют друг друга. Гипотеза подтверждается частично. Образ студента в языковом сознании студента за годы учебы обогащается разнообразными языковыми средствами, в первую очередь экспрессивными. Однако нарастающее разнообразие языковых средств выражения образа студента не позволяет говорить о существенном качественном изменении образа (новых черт, новых аспектов образа не появляется), а только о количественном изменении. Различные языковые средства выражения говорят о целостности этого образа, несмотря на его внутреннюю противоречивость. Студент живет как бы в двух мирах или двумя жизнями: он получает новые знания, но страдает, он самосовершенствуется, но не понимает, зачем ему это надо, он прогуливает занятия, но в целом успешно сдает экзамены.

Ключевые слова

студент, образ студента, языковое сознание, личностный смысл

Для цитирования

Яковлев А. А. Системное описание языкового сознания студента: образ самого студента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 117–131. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-117-131

Systemic Description of the Student's Language Consciousness: Student's Self-Image

Andrey A. Yakovlev

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

The paper discusses the results of a series of experiments aimed at studying how the self-image of the undergraduate student changes from the first to the fourth year. The language consciousness is interpreted as a concept that fixes a certain regular relationship between internal (personal) and external (socio-cultural) factors which can drive changes in the meanings and personal senses of words. Such a semantic shift suggests regular changes in the images that lie behind these words in the consciousness of the studied group of people. The hypothesis about their reason was as fol-

lows: during the years of study the student's self-image undergoes significant changes due to various activities related to the academic environment as well as to personal evaluation of his/her own activities. This hypothesis was tested by a series of experiments based on the methods of free associations and spontaneous completing of unfinished sentences. The idea behind the simultaneous use of two methods is to increase the degree of their reliability, to see whether the results complement or contradict each other. The hypothesis was partially confirmed. During the years of university studies, the student's self-image in the student's language consciousness was enriched with a variety of language means, primarily expressive ones. However, the growing variety of linguistic means of expressing the self-image of the student does not allow us to speak about a significant qualitative change of this image because no new features, nor new aspects of the image appear. We may conclude that only a quantitative change was observed. The variety of linguistic means of expression should not be interpreted as a sign of low integrity of this image, despite their semantic inconsistency. The student only seems to live in two worlds or have two lives: he/she gains new knowledge, but at the same time suffers because it's not easy; students try to improve their selves, but do not understand why they need or have to do so; they skip classes, but manage to pass the exams successfully. The contradictory character of verbal means used to express a typical student's image in their language consciousness discovers the ambivalence of the student's personal attitude to him/herself as well as to the wide range of his/her activities. Ambivalence which seems even paradoxical.

Keywords

student, student's self-image, language consciousness, personal sense

For citation

Yakovlev, Andrey A. Systemic Description of the Student's Language Consciousness: Student's Self-Image. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 117–131. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-117-131

Введение и теоретико-методологический базис

Понятие «языковое сознание» приобрело в последние годы чрезвычайно широкое распространение в психолингвистических исследованиях разного типа. Многие исследователи используют его не просто как удобное обозначение некоторого круга явлений, а в качестве объяснения наблюдаемых явлений. Парадоксальны в этом отношении два факта. Во-первых, изучению подвергается не языковое сознание определенной социальной группы в целом, а лишь его фрагменты, образы, концепты и т. п. В результате исследования языкового сознания сводятся к перечислению «семантических экзотизмов», в некоторой степени (не вполне объяснимой) обусловленных культурой. Во-вторых, почти ни в одной публикации, посвященной этому вопросу, не уточняется общелингвистическая база исследования, многие из них опираются на традиционную методологию системно-структурного подхода к языку без существенного пересмотра ключевых понятий и их соответствия избранным методам.

Настоящая статья является первой из цикла статей, посвященных языковому сознанию (далее ЯС) студента с единых теоретико-методологических позиций. Этот теоретико-методологический базис подробно изложен нами в ряде публикаций [Яковлев, 2018а; 2018б; 2018в; 2019а], поэтому здесь мы сформулируем лишь основные его положения.

Язык как достояние человека, как форма существования индивидуального сознания входит одновременно в систему психических процессов и социально-культурных явлений. Он является лишь одним из аспектов языковых явлений – 1) языковой материал, 2) языковая система, 3) речевая деятельность, 4) языковая организация человека [Щерба, 2004. С. 24–30; Залевская, 2005. С. 32–34]. Язык в целом является, таким образом, гетерогенной системой, состоящей из нескольких компонентов, своего рода фазовых состояний, имеющих разные свойства: относительная стабильность / динамика, степень континуальности / дискретности их единиц, включенность в контекст социальных / психических явлений, пристрастность / «отстраненность» и т. д.

Имеют место постоянные переходы явлений одной фазы в явления другой, а граница между ними довольно условна, поэтому язык представляет собой **социально-личностный континуум**. Однако каждая форма существования языка (каждое его состояние, или аспект, по Л. В. Щербе) входит в собственную систему внешних связей. Языковая организация –

в систему психических явлений, сознание и образ мира. Языковая система – в систему научного, теоретического знания и через них в систему образования. Языковой материал – в систему культуры и искусства. Речевая деятельность – в систему психических явлений, а также социальных и межличностных связей общающихся людей.

Языковая организация, язык как достояние человека, может быть определен как открытая самоорганизующаяся функциональная система образов, ассоциированных с материальной формой знаков, служащая для организации своего и чужого поведения посредством выражения мыслей и чувств. Давая определение языку как достоянию человека, мы сознательно опираемся на основные идеи общелингвистических концепций Ф. Ф. Фортунатова [1956. С. 111–113] и Е. Д. Поливанова [1991. С. 344; 2006. С. 40–41], а также на концепцию знака Л. С. Выготского [1983. Т. 3. С. 78; 1984. Т. 6. С. 61–75].

В свете сказанного нам придется отойти от привычного определения ЯС как той части индивидуального сознания человека, которая может быть выражена в языковых знаках. При такой трактовке ЯС можно лишь констатировать, что такие-то представления и образы сознания находят выражение в речевой деятельности, но невозможно связать их закономерными связями с явлениями социально-культурного и эмоционально-личностного порядка. Критический анализ этой распространенной точки зрения на ЯС см. в: [Яковлев, 2018б; 2019а].

ЯС как теоретическое понятие в нашей его трактовке призвано зафиксировать определенную закономерную связь между внутренними (личностными) и внешними (социально-культурными) факторами, влияющими на язык как достояние человека. ЯС мы определяем как психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние условия функционирования языка как достояния человека влияют на изменение значений и личностных смыслов слов. О понятии «личностный смысл» см.: [Залевская, 2005. С. 239–240; Леонтьев А. А., 2003. С. 192–193; Леонтьев А. Н., 2001. С. 101–103; Леонтьев Д. А., 2007. С. 114]. ЯС фиксирует в обобщенном виде особенности изменения общих характеристик упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определенных (т. е. учитываемых теорией) внутренних и внешних факторов. Выражаясь через эмоцию, личностный смысл в отличие от значения отражает то, что некоторое явление (в том числе и слово) переживается самим человеком как важное для его жизни и ее существенной части. Он связывает события и явления не с конкретной ситуацией, а с личностью человека в целом. Теоретические и экспериментальные обоснования такой точки зрения на ЯС см. в указанных выше работах автора.

Общую цель описываемого исследования можно сформулировать следующим образом: выявление социальных и эмоционально-личностных факторов, влияющих на изменение ключевых образов в сознании студентов и получающих выражение через языковые формы. Общая для всех описываемых ниже экспериментов гипотеза формулируется так: образ ЯС студента, соответствующий некоторым представлениям конкретных студентов о самих себе, о преподавателях и об учебной среде, изменяется не только за счет накопления опыта учебной деятельности, но и в значительной степени за счет эмоционально-личностного переживания этого опыта.

Следовательно, гипотеза, лежащая в основе части исследования, описываемой в настоящей статье, является следующей: образ самого студента за годы обучения в университете претерпевает существенные изменения, обусловленные не только разнообразной деятельностью в учебной среде, но и личностной оценкой этой собственной деятельности.

Методология и материал исследования

Ввиду ограниченности объема статьи мы не можем подробно останавливаться на общеметодологических вопросах исследования ЯС (подробнее см.: [Яковлев, 2018б; 2018в; 2019а]).

Однако следует напомнить, что понятие ЯС в нашей трактовке обобщает связи между разными образами в индивидуальном сознании людей и соответствующие им языковые средства их выражения. А коль скоро сознание невозможно изучать напрямую, то для изучения ЯС подходят только экспериментальные методы.

Основные свойства человеческого сознания создают необходимость изучать ЯС путем обращения к группе людей, которые по заданию эксперимента осуществляют речевую деятельность. И уже по ее результатам и с учетом внешних условий делаются выводы о характеристиках их ЯС, а эти выводы носят вероятностный характер. Необходимость работать с группой людей и относительность делаемых выводов и обобщений – это две стороны единого методологического принципа изучения ЯС.

Эти методологические принципы изучения явлений, которые фиксируются в понятии ЯС, проявляются, например, в свободном ассоциативном эксперименте и позволяют сконцентрироваться на систематических наблюдениях, а не на случайных: специально подбирая словестимулы и задействованных людей, можно «вынуждать» их ментальные лексиконы проявлять интересующие исследователя свойства и признаки и изучать их характер.

Поставленная цель исследования и выраженные выше методологические принципы привели нас к проведению серии экспериментов, основанных на двух методах: свободных ассоциаций и незаконченных предложений.

В серии ассоциативных экспериментов в качестве стимулов использовались словосочетания: ВАШИ ПРЕПОДАВАТЕЛИ, ТИПИЧНЫЙ СТУДЕНТ, ВАША УЧЕБНАЯ СРЕДА, ИДЕАЛЬНЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ВАША БУДУЩАЯ ПРОФЕССИЯ, ИДЕАЛЬНЫЙ СТУДЕНТ, ИДЕАЛЬНАЯ УЧЕБНАЯ СРЕДА. Эта серия проводилась в 2016–2018 гг., в общей сложности в ней приняли участие 353 испытуемых – студенты Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск). В одной части серии принимали участие первокурсники (всего 236 человек), во второй – старшекурсники (всего 117 человек). Соответственно эксперименты проводились в два этапа: одни и те же стимулы предъявлялись первокурсникам в конце сентября или начале октября, старшекурсникам – в середине или конце апреля. Такие сроки проведения экспериментов неслучайны. Мы стремились отразить целиком учебный опыт старшекурсников, а опыт первокурсников – в самом начале его формирования (но тогда, когда он уже перестал быть опытом только абитуриентов).

В серии экспериментов методом незаконченных предложений испытуемыми (далее Ии.) были студенты 1 курса (всего 119 человек), 4 курса бакалавриата и 5 курса специалитета (всего 133 человека) того же института. Эксперименты с первокурсниками проводились в ноябре 2016 и 2017 г., а со старшекурсниками в марте 2015, в марте 2016, в апреле 2017 и в апреле 2018 г. По заданию, Ии. должны были анонимно в специальных бланках дописать указанные там предложения так, как они считают нужным. Каждый испытуемый мог написать несколько слов, одно слово или вообще ничего, если ничто не пришло ему на ум в качестве окончания данного предложения. Бланк содержал следующие начала предложений: *В университете студент...; Преподаватель для студента...; Идеальный преподаватель всегда...; Когда студент учится, он...; Типичный студент обычно...; В отношении студента преподаватель...; Студент и преподаватель вместе...; Идеальный студент всегда...*

В-третьих, привлекались данные другого нашего исследования (его результаты пока не публиковались), в рамках которого среди прочих использовались стимулы ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, СТУДЕНТ, УЧЕБА, УЧИТЬСЯ, УНИВЕРСИТЕТ, РАБОТА, ЭКЗАМЕН. В эксперименте были задействованы 104 студента различных институтов Сибирского федерального университета (Красноярск). В письменной форме им был предъявлен список из 55 стимулов, содержащий в хаотичном порядке интересующие нас слова.

Считаем целесообразным пояснить более подробно процедуру экспериментов. Как правило, в ассоциативном эксперименте используются отдельные слова, и может возникнуть вопрос о правомерности использования словосочетания. Специальное исследование этого

вопроса показало, что реакции на словосочетания проявляют все те же основные тенденции, что и реакции на отдельные слова [Яковлев, 2019б]. Более того, реакции на словосочетания, содержащие притяжательные местоимения (особенно *ваши, наши, мой*) в большой степени выражают личностное отношение человека к обозначаемому словосочетанием предмету. По условиям эксперимента Ии. могли дать до трех реакций на каждый стимул. Спрашивается: не вносит ли такая процедура нежелательное искажение в результаты ассоциативного эксперимента из-за того, что каждая следующая реакция дается не на стимул, а не предыдущую реакцию? Этот вопрос был подвергнут нами специальному рассмотрению в отдельном исследовании. Его результаты показывают, что возникающие при такой процедуре флуктуации получаемых ассоциаций носят случайный характер и не искажают имеющихся в ментальном лексиконе связей, поскольку остаются в пределах 1–2 % (см.: [Яковлев, 2018г]).

При анализе всех полученных в ассоциативном эксперименте реакций мы основывались на их распределении по типу их связи со стимулом [Залевская, 2011. С. 140–141]. Для более глубокого анализа полученных данных мы применяли метод, который может быть назван **методом семантико-тематической группировки реакций**. Этот метод состоит в одновременном учете связей между стимулом и реакцией, а также связей между разными реакциями. Ассоциативное поле каждого стимула разделяется на группы реакций на основе их потенциальной принадлежности к одной теме или высказыванию, сфере употребления, классу обозначаемых предметов и т. д. Кроме того, реакции группировались целенаправленно по признаку выражения в них личностного отношения Ии. к обозначаемым словами-стимулами явлениям. Этим достигалась цель выявить эмоционально-оценочный компонент образа, стоящего за словом-стимулом, поскольку наиболее ярко личностное отношение проявляется в эмоционально окрашенных ассоциациях. После группировки реакций полученные группы сравнивались для выявления общей тенденции. На данном этапе анализа важно выявление не просто количества, например, эмоционально окрашенных реакций, а их пропорции во всем ассоциативном поле. В таком случае мы получаем возможность сопоставлять наш эмпирический материал не только внутри одной группы Ии., но и между двумя группами (первокурсниками и старшекурсниками). Такое разностороннее сопоставление позволяет сделать выводы о личностном смысле изучаемых образов. Та же процедура количественной оценки применялась и для анализа реакций на незаконченные предложения.

Анализ результатов ассоциативного эксперимента

Логично предполагать, что центральным в ЯС студента является образ его самого как субъекта учебной деятельности – то, как студент видит самого себя в многообразии ситуаций и способов взаимодействия в рамках учебной среды.

На стимул СТУДЕНТ было получено 193 реакции, включая 3 нулевые. Они в явной степени проявляют тенденцию к выражению характеристик студента: *бедный* (4); *веселый* (4); *халевщик* (2); *молодой* (2); *не спит* (2); *выпускник* (2); *голод* (2); *голодный* (2); *усталый*; *усталость*; *прилежный*; *хороший*; *сонный*; *недосып*; *каторга*; *хитрый*; *бесперспективный*; *безответственный*; *стресс*; *бомж*; *идиот*; *лентяй*; *ОТЛИЧНИК!*; *самостоятельность* и др. Обратим внимание на малое количество реакций, означающих действия студента. Подавляющая часть реакций, означающих характеристики студента, имеет ярко выраженную коннотацию: явно отрицательных реакций 31, а явно положительных 10.

При этом обнаруживается немало реакций, выражающих пространство (или события), в котором осуществляется деятельность студента: *учеба* (8); *сессия* (5); *общага* (4); *универ* (3); *университет* (3); *институт* (3); *учить*; *учится*; *учиться*; *экзамен*; *экзамены*.

С образом самого себя в ЯС студента (т. е. его автостереотипом) связан и стимул ТИПИЧНЫЙ СТУДЕНТ, на который от первокурсников была получена 471 реакция (включая 8 нулевых), от старшекурсников – 248 реакций (нулевых реакций нет).

Все эти реакции были разделены на три тематические группы: «действия студента», «характеристики и атрибуты студента», «остальные». Количественно группы и подгруппы реакций представлены в табл. 1.

Реакции на стимул ТИПИЧНЫЙ СТУДЕНТ

Таблица 1

Table 1

Reactions to the stimulus TYPICAL STUDENT

Группа реакций Group of reactions		1 курс 1 year	4 курс 4 year
Действия студента Student's activities	Положительные Positive	6	6
	Отрицательные Negative	22	27
	Нейтральные Neutral	13	19
Характеристики и атрибуты Characteristics and attributes	Положительные Positive	31	20
	Отрицательные Negative	213	96
	Нейтральные Neutral	101	28
Остальные Others		93	47

Из таблицы видно, что образ студента осмысливается им самим в основном через характеристики, а не действия, – реакции с семантикой действия немногочисленны.

Обращает на себя внимание малое количество однозначно положительных реакций, особенно в группе «действия студента». Приведем их все: *учится* (3); *учит*; *веселится*; *стараться* (1 курс); *учится* (2); *учит*; *старается*; *прорвется*; *работает* (4 курс). При таком количестве и такой схожести реакций двух групп Ии. в них невозможно выявить никакой существенной тенденции.

Количество однозначно отрицательных реакций увеличивается от первокурсников к старшекурсникам. Реакции первокурсников таковы: *опаздывает* (3); *не высыпается* (2); *не спит* (2); *прогуливает*; *прогуливает пары*; *прогуливает 1 пару*; *ничего не успевает*; *пьет*; *не спал*; *хочет спать*; *хочет есть*; *мало спит*; *опаздывать*; *опоздал*; *учить*; *проспал*; *опоздал*; *сдал!* (последние три реакции приведены в одной анкете и могут быть охарактеризованы как переходный случай). Реакции старшекурсников более разнообразны: *бухает* (2); *не спит* (2); *мало спит* (2); *опаздывает*; *пинает балду*; *не учится*; *мало ест*; *страдает*; *разрывается между жизнью и работой*; *прогуливает*; *ноет*; *пропускает*; *опаздывает*; *иногда прогуливает*; *мотивируется только дедлайнами*; *не спит ночами*; *не хочет учиться*; *любит спать*, *прогуливать*; *прогулять*; *не видит смысла в учебе*; *не ходит*; *вечно ноет*; *проспал*. Видно, что реакции концентрируются вокруг семантики «прогулы» и «сон», к которой у старшекурсников добавляется еще «злоупотребление алкоголем». Забегая вперед, отметим, что дальнейший анализ материала усилит эти тенденции.

В подгруппу «нейтральные действия» вошли реакции, которые невозможно охарактеризовать как однозначно положительные или однозначно отрицательные. За их небольшим количеством их тоже можно привести все. Реакции первокурсников: *спать* (6); *учит ночью*; *спит*; *гуляет*; *пытается все успеть*; *хочет 3 дня учиться и 4 дня отдыхать*; *ест шаурму на*

остановке; постоянно отдыхает. Реакции старшекурсников: спит (6); ест (2); любит спать; жрет; спохватился; ищет халю; зубрит; быстро все делает; предпочтет поспать; все откладывает на потом и сдает все предметы чудесным образом; делает все в последний момент; 开夜车 (кит.) 'работать всю ночь'; умеет прогуливать.

В группе «характеристики и атрибуты» однозначно положительных реакций не много, поэтому тоже приведем их все. Реакции первокурсников: веселый (6); занятой (3); забавный; упорство; одарен; отличник; умный; старательный; ответственный; смекалистый; любопытный; общительный; общение; позитивный; всегда прав; активный; целеустремленный; стремление; упорство; инициативный; умный; воля; заинтересованный; ответственность. Реакции старшекурсников: веселый (4); умный (2); ответственный (2); занятой (2); умняшка; целеустремленный; живучий; крутой; находчивый; общительный, разносторонний, творческий; креативный; молодец.

Подгруппа отрицательных реакций в полной мере проявляет названную выше тенденцию: реакции концентрируются вокруг семантических центров «лень», «голод», «недосып», «алкоголь». Приведем здесь только наиболее показательные примеры. Реакции первокурсников: голодный (24); ленивый (19); сонный (15); уставший (13); голод (9); лентяй (8); лень (7); бедный (6); усталость (4); алкоголь (4); тупой (4); недосып (4); не выспавшийся (3); нищета (3); опоздание (3); недосып (3); бессонница (3); неуспевающий (2); нет денег (2); бедность (2); бомж (2); спящий; без сна; усталый; недовольный; боль; идиот; лох; расизм; пьяный; бухой; глупый; жмых; бухло; трудности; даун; задрот; бездельник; неимение денег; скучный; больной; без денег; серый и др. Реакции старшекурсников: ленивый (16); прогульщик (7); голодный (6); лентяй (5); сонный (4); раздолбай (4); халюшник (4); замученный (2); уставший (2); бедный (2); голод (2); без денег; нет денег; должник; ленив; лодырь; пьян; не готов; прожигатель; безумец; усталый; не выспавшийся; дезориентированный; неуверен; без работы; тупой; прокрастинатор; алкоголь и др. Отметим, что здесь регулярно появляются реакции, которые совпадают с частотными реакциями на стимул СТУДЕНТ (например, голодный (2); сонный; усталый).

В группе нейтральных реакций немало таких, которые близки обозначенным семантическим центрам. Например: сон (14); еда (7); шаурма (7); доширак (3); лапша; бич-пакет; дешевая еда; энергетик; недостаток сна (1 курс); доширак (2); дошик; еда; сон (4 курс). Здесь появляются обозначения не столько характеристик, сколько атрибутов студента: в очках и рубашке; рюкзак; много тетрадей; цейтнот; дедлайны и др. (1 курс); зачетка (4); стипендия (2); сумка и др. (4 курс).

Реакции группы «остальные» не проявляют какой-либо тенденции, за исключением схожести некоторых из них по семантике места или обстановки, где можно встретить студента. Например: сессия (5); семинары (2); уроки (2); курилка; буфет; занятия и др. (1 курс); общага (5); сессия (4); общежитие; тусовки и др. (4 курс).

Помимо самой очевидной тенденции интересно, что в образе типичного студента (в автостереотипе студента) отсутствует осмысление себя через успешность, творчество, потенциал, свободу действий и мыслей.

Анализ результатов эксперимента методом незаконченных предложений

Для более глубокого изучения образа студента в дополнительном эксперименте были использованы такие начала предложений, как *Типичный студент обычно...*; *В университете студент...*; *Когда студент учится, он...* Последнее предложение хорошо дополняет данные ассоциативного эксперимента, в которых почти не отражается аспект образа студента, связанный с учебой. Однако и реакции на другие предложения выражают в явной степени этот аспект образа ЯС.

Начнем с первого из названных предложений и отметим, что реакции на него распределялись только по семантическим критериям, поэтому в одну группу попадали реакции типа *Лентяй* и *Ленится*, *Уставший* и *Устает*. Всего было выделено три группы реакций. Количественный анализ результатов этой части эксперимента представлен в табл. 2.

Таблица 2

Реакции на предложение *Типичный студент обычно...*

Table 2

Responses to the sentence *A typical student usually...*

Группа реакций Group of responses	1 курс 1 year	4, 5 курсы 4, 5 years
Нулевые Zero responses	5	1
Еда и сон Food and sleep	36	31
Учеба Studies	47	60
Преодоление трудностей Coping with difficulties	19	16
Остальные Others	12	26

В первую группу (не считая, разумеется, нулевых реакций), как видно из названия, вошли реакции, так или иначе указывающие на место еды и сна в образе типичного студента, причем в реакциях старшекурсников оба этих аспекта нередко соседствуют. Приведем несколько примеров реакций первокурсников: *Хочет спать* (3); *Мало спит* (2); *Не высыпается* (2); *Не спит* (2); *Голоден и хочет спать*; *Всегда голоден и хочет спать*; *Голодный и уставший* и др. Реакции старшекурсников менее многочисленны и три из них апеллируют к алкоголю: *Спит* (4); *Хочет спать*; *Мало спит и много тусит*; *Бухает*; *Кушает, ест и спит, но все равно вечно устает*; *Хочет поесть, поспать и побыстрее закончить универ* и др.

Реакции второй группы связаны с учебной деятельностью, сюда же вошли все реакции типа *Ленится*. Реакции первокурсников: *Учится* (2); *Ленив* (2); *Опаздывает* (2); *Прогуливает пары* (2); *Прогуливает «неважные» пары*; *Откладывает все на потом, а в конце семестра очень об этом жалеет*; *Прокрастинирует*; *Ленивый, смекалистый*; *Все равно сдает экзамены*; *Несерьезно относится к получаемым знаниям и до последнего не использует возможности* и др. Реакции старшекурсников: *Делает все в последний момент* (3); *Делает все в последнюю ночь* (2); *Прогуливает* (2); *Не ходит на занятия, но все равно каким-то образом с грехом пополам заканчивает университет*; *Прогуливает пары и защищает диплом на 5*; *«Просыпается»¹ перед сессией*; *Опаздывает на занятия, иногда не делает д/з, иногда пропускает лекции*; *Готовится к экзамену* ~~нормально~~ парится, только когда петух в одно место клюнет; *Знает меру, когда «халявить», а когда учиться* и др.

С этой группой реакций по содержанию связаны реакции группы «преодоление трудностей», в которую вошли следующие: *Уставший* (2); *Пытается выжить*; *Загружен, но невзирая на это, хочет верить, что у него есть, возможность отдохнуть*; *прокрастинирует*; *Делает все возможное* и др. (1 курс); *Не спит, не ест, но остается при этом жив*; *Честно*

¹ Кавычки и зачеркивания, обозначенные в приведенных примерах реакций, принадлежат респондентам.

старается изо всех сил, но быстро устает; Живет надеждой на волю случая и не осознает, как много он упускает из вида; Тяжело встает с кровати по утрам и выполняет домашние задания в самый последний момент; Не знает, «зачем ему все это», не чувствует, как это пригодится ему в будущем, выбирает дела вне университета в качестве приоритетных; Стремится достичь желаемого при минимальных усилиях и др. (4, 5 курсы).

Судя по проанализированным реакциям, основной чертой образа типичного студента является определенного рода парадоксальность: несмотря на лень, безответственность и т. п., ему удается более или менее нормально учиться.

В группе «остальные» привлекают внимание две реакции, апеллирующие к стереотипам: *Голодный, бедный и ленивый, но это всего лишь стереотип* (1 курс); *Идет на экзамен, надеясь, получить 3, в итоге получает 4 и удивляется, почему не 5* (5 курс). По-видимому, сам студент понимает, что типичный студент – это стереотип, но возникший не на пустом месте, поэтому кое-какие черты этого стереотипа в реальности присутствуют.

При сравнении этих реакций с приведенными выше данными ассоциативного эксперимента нетрудно заметить малое количество реакций, выражающих такую черту типичного студента, как бедность. Таковых только три: *Нищ, голоден и вечно в депрессии; Бедняк, троечник, любит подзагулять* (1 курс); *Сидит без денег и никогда ничего не успевает* (4 курс). По-видимому, эта черта воспроизводится как часть бытующего в обществе стереотипа, но далеко не всегда конкретными студентами приписывается самим себе.

Перейдем теперь к анализу реакций на второе предложение – *В университете студент...* Подавляющее большинство из них основано на семантике главного предиката, что весьма полезно для целей нашего исследования: ассоциативный эксперимент выявляет характеристики типичного студента, а наличие в эксперименте с незаконченными предложениями его действий позволит говорить о степени целостности этого образа ЯС. Распределение реакций по группам представлено в табл. 3.

Таблица 3

Реакции на предложение *В университете студент...*

Table 3

Responses to the sentence *At the university a student...*

Группа реакций Group of responses	1 курс 1 year	4, 5 курсы 4, 5 years
Нулевые Zero responses	3	0
Действия Activities	79	87
Модальность Modality	20	34
Страдания и усталость Stress and fatigue	8	8
Остальные Others	8	6

Большинство реакций группы «действия» связаны с учебой, хотя имеются и переходные случаи. Реакции первокурсников: *Учится* (20); *Получает знания* (6); *Получает новые знания; Получает необходимые знания для жизни; Получает знания, знакомится с новыми интересными людьми; Изучает необходимые ему предметы и получает образование; Раскрывает себя; Саморазвивается; Проводит свои лучшие годы; Часто прогуливает пары; Постоянно опаздывает, не успевает сдать работы; старается изо всех сил; Спит, ест, живет, иногда*

учится; *Учится, кушает, сдает экзамены* и др. Реакции старшекурсников: *Учится* (10); *Получает знания* (2); *Получает образование* (2); *Учится и ест* (2); *Учится или пытается учиться*; *Получает высококвалифицированные знания*; *Учится, получает знания, взрослеет, а также седеет и треплет все нервы*; *Ходит на лекции, ночами делает домашнюю и постоянно хочет спать. Становится умнее! :)*; *Развивается и растет интеллектуально*; *Получает образование и проводит лучшие годы своей жизни*; *Сталкивается с неизвестным, так как в школе его никто к этому не готовил. Сюда входит критическое мышление, самодисциплина и представление о своем будущем*; *Получает знания по разным областям жизни, развивается как личность, приобретает новые знания и «учится быть человеком»* и др. Уже приведенных примеров достаточно, чтобы увидеть обогащение этого образа в ЯС старшекурсника не новыми чертами, а более разнообразными средствами выражения. Кроме того, образ лишается стереотипности, а значит, личностный смысл приобретает в нем большую важность.

В реакциях этой группы, данных старшекурсниками, более рельефно проявляется та парадоксальность, амбивалентность образа типичного студента, о которой говорилось выше. Например: *Занимается всем, чем угодно, кроме обретения знаний: учится хитрости, [неразборчиво] планов и шаблонному мышлению*; *Учится и мучается*; *Спит на семинаре, который делал всю ночь* и др. Таковых очень мало среди реакций первокурсников, например: *Ждет, когда же закончатся пары, пытаясь в это же время освоить новый материал*; *Пытается учиться*; *Устает, но пытается выжить, должен чувствовать себя комфортно и получать полезные знания* и некоторые др.

Отметим, что среди реакций первокурсников нет ни одной с явно негативной семантикой, в то время как реакции старшекурсников подобного рода составляют очевидную тенденцию – таковых не менее 15, например: *«Получает» знания*; *Проебывает*; *Нужен только сам себе*; *Понимает, что выбрал не ту профессию*; *Пытается найти себя, определить свое будущее, но успешно это проваливает*; *Тратит 5 лет для того, чтобы получить профессию, а потом оказывается, что все было бесполезно, и он никому не нужен со своим высшим*; *Не имеет никаких прав*; *Всегда грустит*; *Ходит и боится* и др.

Многие реакции на это предложение содержат маркеры модальности (в лингвистическом смысле), и такие случаи преобладают в реакциях старшекурсников. Причем реакции первокурсников во многом однотипны, можно сказать, даже стереотипны, и выражают только модальность долженствования и возможности (за единственным исключением): *Должен учиться* (10); *Должен учиться и постигать основы своей будущей профессии*; *Должен чувствовать себя комфортно и свободно, ходить туда по своему желанию, с отличным настроением*; *Обязан прилежно учиться*; *Может получить высшее образование*; *Может хорошо поесть в буфете*; *Имеет возможность проявить свои знания, творческие способности, участвовать в организации мероприятий и получать необходимые знания*; *Хочет спать* и др.

Реакции старшекурсников куда более разнообразны и выражают разные типы модальности: *Должен учиться* (4); *Должен стремиться получить знания, а не хорошие оценки*; *Должен выполнять все требования учебного договора и сдавать все экзамены и зачеты в нужное время*; *Должен учиться и набираться профессионального опыта, а на деле страдает от загруженности*; *Должен учиться, развиваться и расширять кругозор, а не биться в отчаянных попытках сломать систему, именно это нам и говорят отчисленные*; *Должен всем*; *Обязан делать то, что прописано в так называемом уставе университета*; *Не всегда должен появляться, т.к. это не показатель его успеваемости*; *Может получить знания, если будет ответственно подходить к делу*; *Обычно просто хочет поехать домой и выспаться*; *Вынужден выполнять все и посещать все занятия, иначе ему не удастся продержаться до конца учебы*; *Не может получить достойное образование, если в этом университете не выполняются первостепенные нужды человека*; *Ничего не может сделать*; *Любит ходить в столовую* и др.

Особая группа реакций была условно обозначена как «страдания и усталость». Их немного в каждой группе Ии., приведем их все. Реакции первокурсников: *Учится и веселится! И немного страдает; Утомляется; Не высыпается; Ученик, игрок на выживание (отчисление); Грустит и хочет кушать; Жертва; Страдает большую часть времени, а в перерывах пытается найти покусать; Мучается из-за прорех в системе образования и вынужден страдать от нищеты.* Реакции старшекурсников: *Страдает (5); Страдает из-за очередей в буфет; Страдает от недосыпа, ожидает окончания учебного дня; Мучается впустую.*

Как и на предыдущее, многие реакции на предложение *Когда студент учится, он...* выражают действия студента. По этой причине мы выделили группы тематически (табл. 4).

Таблица 4

Реакции на предложение *Когда студент учится, он...*

Table 4

Responses to the sentence *When a student studies, he/she...*

Группа реакций Group of responses	1 курс 1 year	4, 5 курсы 4, 5 years
Нулевые Zero responses	2	3
Учеба Studies	79	59
Страдания и усталость Stress and fatigue	22	27
Характеристика Characteristics	8	0
Остальные Others	8	46

Видно, что подавляющее большинство реакций в той или иной степени связано с учебой, в частности, с получением знаний и саморазвитием. Реакции первокурсников: *Развивается (10); Устает (3); Умнеет; Работает над собой; Развивается, преодолевает встающие на его пути трудности, становясь не только умнее, но и сильнее; Становится лучше; Получает знания, тратит много времени; Изучает много интересного; Получает необходимые знания для будущей работы; Мучается, но саморазвивается; Старается (или не очень); Умнеет и глупеет одновременно и др.* Реакции старшекурсников: *Развивается (5); Получает знания (2); Тренирует мозг; Совершенствует себя, улучшает работу мозга, тренирует самодисциплину, проходит «демо-версию» своего будущего, в идеале; Становится образованнее; Посещает занятия, делает д/з, интересуется предметами за стенами университета; Познает жизнь, а не те шаблоны, которым мы должны следовать в процессе обучения; Много времени посвящает изучению того, что ему действительно интересно; Получает знания, которые, вероятно, пригодятся ему в будущем; Получает знания, которые вряд ли пригодятся ему в дальнейшем, но внесут некий вклад в расширение кругозора и др.* Обращает на себя внимание большое число реакций с упоминанием общего личностного развития, а не просто накопления информации в процессе учебы, чего почти не наблюдается в реакциях первокурсников.

В эту же группу вошли все реакции с различными маркерами модальности. Таких реакций первокурсниками дано 7, и все они выражают долженствование, например: *Должен своевременно и прилежно выполнять задания; Должен быть сосредоточен; Обязан ответственно выполнять задания для достижения максимально возможного результата* и др. У старшекурсников подобных реакций в этой группе нет, однако они встречаются в других группах

реакций (всего их 10), причем выражают не только долженствование. Приведем несколько из них сразу: *Должен быть полностью погружен в процесс; Также обязан менять сферу деятельности во избежание перегруза, а еще он должен СПАТЬ; Не должен страдать, чтобы был толк; Может завалить сессию; Хочет поскорее отдохнуть; Тратит свои нервные клетки, а потом хочет сдохнуть* и др.

Многие реакции группы «страдания и усталость» однотипны и связаны с семантикой голода. Реакции первокурсников: *Не спит* (4); *Страдает* (2); *Мало спит; Уставший; Грустный; Всегда занят; Забывает о личной жизни...; Не спит, переживает, недоедает; Страдает, но не всегда...* и др. Реакции старшекурсников: *Устает* (3); *Страдает* (2); *Мучится; Испытывает стресс; Плачет; Не живет; Отделен от всего мира, у него нет друзей, зато есть проблемы со здоровьем из-за большой нагрузки; Лишается личной жизни и отдает все силы учебе; Часто чувствует нехватку свободного времени и нередко испытывает стресс, чувствует усталость* и др. Создается впечатление, что самим студентом время, проведенное в стенах университета, осмысливается не как личное, не как «его» время, а, наоборот, как время, которое он «кому-то» отдает или на «кого-то» тратит. Парадоксальность ситуации усиливается из-за большого числа реакций с упоминанием саморазвития и личностного роста.

Реакции группы «характеристика» были даны только первокурсниками, и все они явно позитивны: *Сосредоточен* (4); *Молодец; Сконцентрирован; Сосредоточен, активен, (желательно) заинтересован; Сосредоточен на самосовершенствовании.*

Таблица 4 явственно демонстрирует большое число реакций группы «остальные», данных старшекурсниками. В них можно выделить две основные тенденции. Первая состоит в наличии реакций с общей семантикой голода и сна, например: *Не спит* (3); *Хочет спать; Мало спит; Много ест; Ест много сладкого* и др. Вторая состоит в наличии реакций с отрицательной оценкой: *Не живет; Забывает о реальной жизни; Тратит время; Теряет время на жизнь; Забывается, потому что либо учеба, либо личная жизнь и нормальный сон; Выпадает из жизни, потому что не остается времени ни на что кроме учебы и подработки; Не понимает, зачем это все надо.* Видно, что эти реакции в еще большей степени говорят об оторванности личной жизни от учебы как о стойком аспекте образа студента.

Некоторые выводы

Общий взгляд на результаты двух экспериментов оставляет противоречивое впечатление. Судя по реакциям наших Ии., типичный студент живет как бы в двух мирах или двумя жизнями: он получает новые знания, но страдает (пусть иногда это слово нужно брать в кавычки), самосовершенствуется, но не понимает, зачем ему «это надо», прогуливает занятия, но, потратив лишь ночь на то, чтобы «выучить все», в целом успешно сдает экзамен. При этом время, проведенное в университете, оценивается как потраченное зря, как отделенное от личной жизни студента, как будто это не часть его же собственной жизни.

Однако все наблюдения и первые выводы, представленные выше, намечают лишь определенные тенденции, скрытые в полученном эмпирическом материале. Необходимо понять, какой психолингвистический смысл они имеют, чтобы с этих позиций говорить о месте данного образа в ЯС студента. Противоречивость семантики средств выражения образа типичного студента, а следовательно, и самого образа накладывает определенные трудности на уяснение психолингвистического смысла, вытекающего из приведенных экспериментальных данных. Как представляется, этот смысл может быть выражен в двух выводах.

Первый вывод – социопсихолингвистический. Глядя на приведенный материал, можно подумать, что наши Ии. просто воспроизводят стереотипные представления о студенте. На наш взгляд, этот вопрос должен ставиться и решаться в обратном направлении: «Не потому ли эти черты студента являются стереотипными, что они с постоянством воспроизво-

дятся в различных видах деятельности студентов и в их осмыслении самих себя?». Мы склонны отвечать на этот вопрос утвердительно: стереотипные представления о студенте так устойчивы именно потому, что, даже сам того не желая, студент воспроизводит их в актах осмысления себя как личности и как студента, т. е. носителя определенных социальных функций в учебной среде.

Второй вывод – личностный. Противоречивость семантики языковых средств выражения образа типичного студента (аутостереотипа, по другой терминологии) в ЯС студента говорит об амбивалентности, можно сказать, парадоксальности личностного отношения студента к самому себе и комплексу своих учебных и досуговых действий. Комплекс взаимодействий с другими людьми включает много неприятных, даже мучительных для студента актов и действий, однако переживаются они в целом положительно. Действительно, если выйти за рамки эксперимента и обратиться к социальному опыту, то мы признаем, что большинство людей вспоминает о годах своего студенчества как о наиболее ярких и насыщенных, с чем контрастирует множество реакций и реакций наших Ии. Мы склонны объяснять эту ситуацию тем, что комплексная деятельность в университете осмысливается выпускниками с позиций заверщенного, а студентами – незавершенного опыта обучения в вузе. Стандартные ситуации и обязанности студенческой жизни в масштабе самих этих ситуаций и явлений (университетской жизни и внутренних критериев ее оценки) переживаются как тяготы и потому эмоционально оцениваются негативно, но ретроспективно, т. е. в масштабе жизни в целом или значительной ее части, – позитивно. Как представляется, эта амбивалентность переживания самого себя закладывается еще в сознании абитуриента, т. е. еще до того момента, когда человек становится собственно студентом. Она же лежит в основе распространенных стереотипов.

Следовательно, напрашивается вывод, что образ типичного студента не лишен стереотипности, притом не лишен и личностного смысла. Именно личностные смыслы, общие и одновременно наиболее значимые для множества студентов, лежат в основе возобновляемых и устойчивых стереотипов. Исследование их культурно-этнических различий является многообещающей перспективой.

Что касается комплекса языковых средств выражения образа типичного студента в ЯС, то за годы учебы он обогащается связями с самыми разнообразными языковыми формами, в первую очередь экспрессивными. Однако возрастающее от первокурсников к старшекурсникам разнообразие языковых средств выражения не позволяет еще говорить о существенном качественном изменении образа (новых черт, новых аспектов образа анализ материала не выявил), можно говорить лишь о количественном изменении. Различные языковые средства выражения (обозначающие как действия, так и характеристики студента) говорят о внутренней противоречивости этого фрагмента ЯС студента, причем его амбивалентность (*Учится и мучается; Умнеет и глупеет одновременно*) усиливается от первокурсников к старшекурсникам. Мы полагаем, что это происходит за счет влияния личностных смыслов, поскольку у студента накапливается опыт неравнозначного переживания и оценивания разных ситуаций и явлений учебной среды. Об этом же говорит и дифференциация маркеров модальности в реакциях старшекурсников: студент начинает осознавать, что он не просто что-то может или не может сделать, но также хочет, обязан или вынужден что-то делать.

Список литературы

- Выготский Л. С.** Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3: Проблемы развития психики. 368 с.; 1984. Т. 6: Научное наследство. 400 с.
- Залевская А. А.** Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Леонтьев А. А.** Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.

- Леонтьев А. А.** Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.
- Леонтьев А. Н.** Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
- Леонтьев Д. А.** Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 511 с.
- Поливанов Е. Д.** Введение в языкознание (для востоковедных вузов). 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006. 232 с.
- Поливанов Е. Д.** Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. 623 с.
- Фортунатов Ф. Ф.** Избр. тр.: В 2 т. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1956. Т. 1. 450 с.
- Щерба Л. В.** Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
- Яковлев А. А.** «Языковое сознание» и «языковая картина мира»: совместимость понятий // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018б. Т. 16, № 2. С. 57–69.
- Яковлев А. А.** Взаимодействие между разными аспектами языковых явлений // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия «Филология». 2018а. Т. 16, № 4. С. 108–117.
- Яковлев А. А.** Две тенденции в ассоциациях на словосочетания // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия «Филология». 2019б. № 2. С. 133–141.
- Яковлев А. А.** Лингвистическая основа общей теории языкового сознания // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018в. Т. 16, № 3. С. 57–69.
- Яковлев А. А.** Об одном методологическом изъяне при проведении свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018г. Т. 16, № 4. С. 16–25.
- Яковлев А. А.** Языковое сознание – часть индивидуального сознания или часть теории? // Вопросы психолингвистики. 2019а. № 2 (40). С. 157–171.

References

- Fortunatov, F. F.** Izbrannye trudy [Selected works]. In 2 vols. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1956, vol. 1, 450 p. (in Russ.)
- Leontiev, A. A.** Active mind (Activity, Sign, Personality). Moscow: Smysl, 2001. 392 p. (In Russ.)
- Leontiev, A. A.** Iazyk i rechevaia deiatel'nost' v obshchei i pedagogicheskoi psikhologii: Izbrannye psikhologicheskie trudy [Language and Speech Behaviour in General and Pedagogical Psychology. Selected works]. Voronezh, MODEK Publ., 2003, 536 p. (in Russ.)
- Leontiev, A. N.** Lectures on general psychology. Moscow, Smysl, 2001, 511 p. (in Russ.)
- Leontiev, D. N.** Psychology of Sense: Nature, Structure, and Dynamics of the Sense Reality, 12007. 511 p. (in Russ.)
- Polivanov, E. D.** Izbrannye raboty: Trudy po vostochnomu yazykoznaniyu [Selected works: Studies in Eastern Linguistics]. Moscow, Nauka, 1991, 624 p.
- Polivanov, E. D.** Introduction to Linguistics (for students of oriental languages). Moscow, KomKniga, 2006, 232 p. (in Russ.)
- Shcherba L. V.** Language System and Speech Performance. Moscow, Editorial URSS, 2004, 432 p. (in Russ.)
- Vygotsky, L. S.** The collected works: In 6 vols. Moscow, Pedagogika, 1983, vol. 3: Problems of psyche development, 368 p.; 1984, vol. 6: Scientific legacy, 400 p. (in Russ.)
- Yakovlev, A. A.** Compatibility of the terms “linguistic consciousness” and “language worldview”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 57–69. (in Russ.)

- Yakovlev, A. A.** Interaction between different language aspects. *Journal of Tver State University. Series: Philology*, 2018, no. 4, p. 108–117. (in Russ.)
- Yakovlev, A. A.** Language consciousness: is it part of consciousness or of a system. *Journal of Psycholinguistics*, 2019, no. 2, p. 157–171. (in Russ.)
- Yakovlev, A. A.** Linguistic Basis for the General Theory of the Linguistic Consciousness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 45–55. (in Russ.)
- Yakovlev, A. A.** On a procedure error in the free association experiment. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 4, p. 16–25. (in Russ.)
- Yakovlev, A. A.** Two trends in associations to words combinations. *Journal of Tver State University. Series: Philology*, 2019, no. 2, p. 133–141. (in Russ.)
- Zalevskaya, A. A.** Psycholinguistic studies. Word. Text. Selected works. Moscow, Gnozis, 2005, 543 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
30.07.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

- Яковлев Андрей Александрович**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (ул. Ады Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия)
- Andrey A. Yakovlev**, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev (Ada Lebedeva st., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation)
- mr.koloboque@rambler.ru
ORCID 0000-0003-1491-0577

УДК 81'23

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153

Bring Us Deliverance, Spy! (прочтения *Марша шпионов* Кипплинга в условиях информационной войны и пандемии)

А. Ф. Боголюбов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена вопросам декодирования предметного (когнитивного) содержания *Марша шпионов* (*The Spies' March*) Р. Кипплинга, примечательного, в основном, своим названием. Проблема состоит в том, что текст создан в технике двойного кодирования; он принципиально неоднозначен и может читаться двояко, допуская различные когнитивные и смысловые толкования в современном историко-культурном контексте. Шпионская атрибуция *Марша* – это искусный обман, созданный усилиями автора сначала в расчете на то, что читатель его разоблачит. «Шпионами» он называет врачей-эпидемиологов, боровшихся со вспышкой чумы в Маньчжурии в 1911 г. Для Кипплинга это была языковая игра, смысл которой состоит в том, чтобы описать в сугубо военной терминологии борьбу против эпидемии, которая, стремясь к глобализации, грозила перерасти в пандемию. Однако легковверный читатель часто доверяется гордому названию и предпочитает вычитывать в марше прославление шпионов. Для этого достаточно «превратить» Желтый флаг оригинала (символ пандемического бедствия) в гордый. В России к этому процессу присоединились и переводчики. Но Кипплинг, как ранее и Сусанин, заводил читательский контингент не в Москву, а в болото (*waterside*), где притаилось невидимое глазу полчище врагов. Детали такой ложноотрицательной расшифровки представлены в разделе «Лексические, символические и дискурсивные ключи декодирования *Марша*». Техника создания и декодирования амбивалентного текста является, конечно, основным объектом анализа, но в прикладном плане не меньшее значение имеет и потенциальное использование ключевых идеологических «формул» *Марша* в глобальной информационной среде и международном политейменте. Их две: «There are not leaders to lead us to honour» и «Bring us deliverance, spy!». Задачи такого политеймента состоят в том, чтобы сформировать причинно-следственную связь между ними, персонализировать «шпиона» и возложить на него исполнение предписания Кипплинга. Современный медийный тренд показывает, что наибольшие шансы стать таким шпионом имеет ВВП, получивший недавно неформальный титул Аравийский по аналогии с Лоуренсом Аравийским.

Ключевые слова

Кипплинг, Марш шпионов, двойное кодирование, смысловая неоднозначность, политеймент, языковая игра, политический дискурс, межкультурная коммуникация, перевод

Для цитирования

Боголюбов А. Ф. Bring Us Deliverance, Spy! (прочтения *Марша шпионов* Кипплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153

© А. Ф. Боголюбов, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 2

Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of *The Spies' March* in Time of the Media War and Pandemic)

Anatoli F. Bogolubov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The essay is concerned with decoding the subject (cognitive) content of R. Kipling's *The Spies' March*, notable mainly for its proud name. The problem is that the text is created using the double coding technique; it is fundamentally ambiguous and can be read in two ways, allowing in both cases various cognitive and semantic interpretations in the modern historical and cultural context. The spy attribution of the *March* is a clever deception, created first by the author in the hope that the readership will be able to uncover his language game following the old adage "a good [poetic] witch covers her tracks, but a better [semiotic] one can uncover them". That's what they call now research, investigation or enquiry, depending on purpose and circumstances. He refers to "spies" as epidemiologists who fought the outbreak of plague in Manchuria in 1911. For Kipling, it was a language game, the poetic purpose of which was to describe in purely military terms and partly in Bible language of the Apocalypse the fight against the epidemic, which, in its intrinsic "quest" for globalization, threatened to outgrow into a pandemic. Unfortunately, the readers proved to be too gullible, neglecting to analyze biblical references of *The March* and its dramatized composition in which two choruses are opposed to each other and which is preceded by a distant Voice; they often trusted the title's literal meaning, and preferred to read *The March* as glorification of spies. To do this, it is just enough to "turn" the Yellow Flag of the original (a symbol of a pandemic disaster) into a proud one, a flag of dignity and fame. In Russia, translators have also joined this process. Details of such a false-negative decryption are presented in the section entitled "Lexical, symbolic and discursive keys for decoding *The March*". The technique of creating and decoding an ambivalent text is, of course, the main object of theoretical analysis. Nevertheless, in terms of application, the potential use of the key ideological "messages" of *The March* in the global information and political environment, giving now a lot of place to politainment as well as infotainment, is even more important to explore. We consider two major "messages": "There are not leaders to lead us to honour" и "Bring us deliverance, spy!". The tasks of such a politainment enterprise might be to form a causal relationship between these two Kipling's brainchilds, namely, to personalize the "spy" in the international media discourse and entrust him with the implementation of Kipling's order regarding deliverance from current "calamities". The mainstream media trend shows that the greatest chances to become such a "spy" has Vladimir Putin, which recently also received from Roland Lombardi, by analogy with the devout Lawrence of Arabia, the informal title of Arabian (Poutine d'Arabie). To do it, it's enough for western media to add inverted commas when mentioning his nickname.

Keywords

Kipling, Spies' March, double coding, semantic ambiguity, politainment, infotainment, language games, political discourse, translation

For citation

Bogolubov, Anatoli F. Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of *The Spies' March* in Time of the Media War and Pandemic). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153

There are not leaders to lead us to honour...

Kipling R. *The Spies' March*

Введение

Всякий, кто увидит название одного малоизвестного стихотворения Р. Кипплинга, носящего название *The Spies' March*, обоснованно рассудит, что оно не только посвящено шпионам, но и воспекает их.

Первый вывод вполне согласуется с их реальной ролью в ходе проникновения Британии, включая военное, в различные страны мира. Так, Лоуренс Аравийский остается одним из самых знаменитых английских шпионов в *точном* значении этого слова; он до сих пор заслу-

женно пользуется репутацией несравненного и неподражаемого мастера своего дела, являющегося с необходимостью благородным для «своих» и столь же очевидно гнусным для «чужих», т. е. своих прямых противников¹. Это и нормально, поскольку оценки одного и того же явления, относящиеся к некоторым областям бытия, в основном тем, которые имеют прямое отношение к самоидентификации, получают контрарные маркёры. У чужих, если они претендуют на первенство и выступают в качестве соперников, не может быть ничего хорошего, примерно так написал некогда Ноам Хомский, критикуя межкультурную политику США (см. подробнее [Фефелов, 2017. С. 121; Гришаева, 2015б]). А английская киноиндустрия активнейшим образом эксплуатирует образ Джеймса Бонда, превратив его в культовую фигуру, пользующуюся уважением во всех странах мира, в том числе и в тех, против которых он неумолимо сражается. Для киногероев делается исключение, и то лишь тогда, когда они живут в воображаемом, по-настоящему виртуальном пространстве, никак не соприкасающемся с реальной историей стран и народов. В противном случае «бой начинается вновь», пусть и в форме махания кулаками после драки или жажды реванша.

Второе (мотив «воспевает») подсказывается самой жанровой формой, обозначенной в названии. В момент написания произведения (1913 г.) марш указывал, хотя и имплицитно, на полковую музыку и почти однозначно ассоциировался с торжественными парадами, армией и сухопутными силами. Этот признак жанра сохранен в тексте Киплинга: в конце каждой строфы, начиная с четвертой, под бой барабанов провозглашается очередная просьба власти предрежащих, обращенная к «шпионам» (sic!). Характер звучания в тексте не указан, но важно другое – читатель должен понять, что имеет дело не с привычным стихотворением, а с драматизированным повествованием, разложенным на голоса; у *Марша* есть даже два «вступления»: предисловие в прозе (пролог 1) и стихотворный пролог 2.

Пафосный дух «Марша шпионов» выражен и эксплицитно, что тоже легко подтвердить, если «прогуглить тему» и обнаружить следующие строки в анонимном переводе стихотворения на русский язык: *«Как должен работать шпион? [...] Наш гордый флаг вознесен, / Каждый на пост свой встал, / И на месте своем шпион»*. В них нет ни малейшей неопределенности или неоднозначности, строки и название прекрасно соотносятся друг с другом. Чтобы подчеркнуть тональность и идею стихотворения анонимный автор, специально переместил свой шпионский героический мессидж в самый конец. Он, правда, не попал в точку, т. е. невольно исказил кое-что при переводческой передаче буквы оригинала, к чему мы еще вернемся, но его нельзя обвинить в искажении духа стихотворения и, главное, смысла жизни, духа деятельности и предназначения творчества Киплинга. К тому же, он далеко не одинок в своем спонтанном *стремлении* совершить ошибку в прочтении оригинала; такую же допускают и многие соотечественники Киплинга по обе стороны океана при своем квазисовершенном знании языка оригинала.

Вся посмертная заграничная репутация лауреата Нобелевской премии по литературе (1907 г.) также оправдывает вышеприведенные переводческие решения. Во «взрослом» литературоведении, т. е. обращающем внимание не только на детские произведения писателя, ему заслуженно отводится почетное место певца английского империализма. Такое литературоведение (его для краткости можно назвать «лансоновским» по имени знакового французского историка культуры Гюстава Лансона или литературно-биографическим) убеждено, что Киплинг совершал столь далекие путешествия в азиатские страны вовсе не затем, чтобы собрать материал для своих детских произведений. Они справедливо полагают, что те, кто утверждает обратное, занимаются тихим переписыванием литературной истории во имя межкультурной политкорректности и манипуляциями с литературной славой в угоду нынешним межкультурным интересам Британии. Киплинг похоронен в Вестминстерском аббатстве², и это место

¹ Но представители «третьих стран» будут относиться к нему по-разному в зависимости от своих геокультурных координат и геополитических установок, влияющих на степень вовлеченности в чужие дела [Фефелов, 2015; 2016б].

² Перед нами пример фоновой информации. Это значит – заслужил высшей посмертной почести.

упокоения говорит поэтому больше о смысле литературного творчества Кипплинга и его месте в литературной истории Великобритании.

Увы, шпионская тема – это иллюзия, созданная совместными усилиями автора оригинального текста и переводчика, его интерпретатора. Автор не учел, что вне полного контекста стихотворения его название при восприятии обязательно подвергнется семантической рефракции – все конвенциональные культурные ассоциации подталкивают читателя (или переводчика) к буквальному декодированию его семантики. А переводчик поверил ему и не увидел или не захотел увидеть, что название иносказательное, что стихотворение в целом тоже представляет собой развернутое иносказание, в котором все искусно замаскировано автором под военные действия, не являясь таковыми по своему реальному поэтическому и тем более предметному содержанию.

Декодирование неоднозначных высказываний в контексте политеймента

Цель статьи состоит как раз в том, чтобы показать в деталях причины и механизмы подобной рефракции информации при ее восприятии. Внимание будет сосредоточено исключительно на факторах, препятствующих или помогающих декодированию действительного и бесспорного *предметного* содержания иноязычного поэтического текста, выявлению всего комплекса средств его выражения. Автор не будет заниматься анализом поэтической техники, размером, эквилинеарностью и прочими специальными характеристиками переводов.

К таким факторам относится, прежде всего, иносказательная форма передача предметной мысли, далеко не всегда очевидная и делающая его герметичным для понимания, даже если автор не стремится писать, как французские символисты (яркий тому пример – Артюр Рембо), и не объявляет себя герметичным поэтом как, например, Дж. Унгаретти, кодировавший тексты под влиянием французских символистов³ и, как утверждают, из-за притеснений фашистской цензуры. Семантическая (значения слов) и риторическая (формулирование авторской концептуальной информации по [Гальперин, 1981]) структуры фигурального вербального высказывания подчиняются принципу двойного кодирования. Наилучшим примером такового, раскрывающим визуально то, что творческий, т. е. художественно одаренный автор, и тем более креативный литератор делают с вербальным текстом, является рисунок, компоненты которого преднамеренно комбинируются так, что скрывают сразу два изображения. Единственной подсказкой для их обнаружения служит предписание воспринимающему субъекту увидеть два изображения. Именно такая установка настраивает мозг наблюдателя на поиск второй фигуры в дополнение к той, что он увидит сначала. Пример с названием как раз об этой проблеме: если слова прочесть буквально, то декодирование пойдет по одному пути, а если фигурально, то по другому. Но простейшим примером двойного кодирования являются задания к кроссворду: в них кодируется дефиниция означаемого (денотата), который, как правило, прекрасно известен разгадывающему, но в его памяти с этим денотатом связана другая вербальная дефиниция.

Вернемся, однако, к принципу двойного вербального кодирования. Поэтическое сообщение может быть и, действительно, является в данном случае чрезвычайно расплывчатым. В ходе декодирования его можно поэтому использовать в различных целях, причем далеко не духовно-эстетических. Так, строка, вынесенная в эпиграф, идеально «ложится» на современную геополитическую и межкультурную ситуацию, поскольку ее можно и должно с эффектом актуализировать в языковых играх (по Витгенштейну), которые соотносятся

³ Ср.: Фридрих Гуго. Темнота, «герметизм», Унгаретти (из гл. V. Европейская лирика в XX столетии) // Структура современной лирики (пер. Е. Головина). URL: <http://golovinfond.ru/content/gfridrih-struktura-sovremennoy-liriki-perev-egolovina>

с «мягкой силой» и ведутся тоже «во всех средах», как и псевдвоенные действия в абсолютно не детском стихотворении Киплингa.

Поясним этот прогноз. Международная интеллектуальная и нравственно-этическая жизнь – прежде всего западная – переживает кризис. Борьба между консерваторами (традиционалистами) и либералами (в настоящий исторический момент это, за редчайшим исключением, маргиналы всех мастей) крайне обострилась. Вместе с тем правящий класс измельчал, крупные фигуры, способные быть кризисными управляющими на политическом Западе, почти перевелись, между элитами идет словесная «драчка», и потому половина первой строки из иносказания Киплингa (*There are not leaders to lead us to honour*)⁴ прекрасно подходит для объективного (т. е. достоверного) описания нынешней ситуации во многих европейских странах. Для примера можно взять хотя бы фигуру Бóриса Джонсона, ставшего формально не вождем, конечно, но лидером страны (перевод точнее, чем английское слово!) при всем своем чудачестве очень сложного генеза (ср. [Карасик, Ярмахова, 2006]): его поведение плохо соотносится с образом классического английского государственного деятеля. Хорошо, что королева еще умеет держать себя в руках. В этой, надо думать, связи один наблюдатель даже рискнул заключить, что, в отличие от многих своих современников, Киплинг сумел предугадать беды и опасности, поджидающие Англию в будущем [Townsend, 2013].

Впрочем, это касается и ее «заклятого друга» Франции, если принять во внимание, что Олланда (Hollande) отдельные ее граждане, опираясь на строгие правила игры слов, переименовали в *Hollandouille*'я (с произношением *оландуй*). Тем самым он получил крайне неприятную кличку, в которой корневая основа фамилии вызывающе комбинируется с грубоватым оценочным словом *andouille* (кретин), и это со всеми его синонимами, конечно, включая наш аналог *обалдуй*, хотя в прямом значении за словом прячется безобидная сосиска. А из результатов другого исследования, посвященного сопоставлению образов двух российских и трех французских президентов новейшей истории выясняется, что французские президенты в своем речевом поведении воинственнее российских [Крышталева, 2019]. Эта вербальная задиристость, вероятно, не случайна, она прекрасно подкрепляется традиционным пиктографическим символом Франции – поющим петухом.

Нельзя забывать и о лингвокультурной специфичности австралийской общественно-политической жизни. В ней одно из первых мест занимает феномен *larrikinism*, т. е. «хулиганство», которое нужно декодировать, – чтобы не перепутать с настоящим хулиганством, – через семантику слова «простота» (поведения и нравов). Тем самым они не только оспаривают английские представления о правилах поведения в обществе, утверждая право *воспитанного* австралийца на более свободные манеры самовыражения, но и модифицируют образ и власти в целом, и ее отдельных представителей. Австрализм *larrikin* приобрел в национальной культуре положительные коннотации, указывая на большую ценность такого «хулиганства» по сравнению с чопорностью и излишней утонченностью, отдаваемыми жителям бывшей метрополии [Слесарева и др., 2020. С. 115].

Нет никаких доказательств того, что Борис Джонсон решил последовать их примеру, но при этом жители Страны Удачи гордятся тем, что австралийский *dag* (т. е. 'чудак') – это лучший австралийский «товар» на экспорт [Там же. С. 111]. Чудачество и чудачества тесно связаны с политейнментом, и они имеют право тешить себя мыслью, что нынешний премьер-министр Соединенного Королевства *мог* приобрести его, чтобы закрепить свои природные задатки, сформировавшиеся под воздействием трех культурно-генетических источников.

⁴ Она перекликается в несколько фрейдистском духе с заключением одного из современных комментаторов литературной славы автора. Переведем его так: «Киплингa было суждено стать непризнанным пророком ('a prophet without honour') в своем отечестве». It was Kipling's fate to be a prophet without honour in his own country [Townsend, 2013]. Слово *honour* здесь ясно раскрывает, как его нужно декодировать в цитате из *Марша*. Достижение чести, не важно индивидуумом или нацией, имело большое значение для его мироощущения и целеполагания.

В контексте данной статьи важно и то, что «внутренний чудак»⁵ австралийца дает богатые возможности для проведения стратегий политейнмента во внутри- и внешнеполитических кампаниях (ср. [Riegert, Collins, 2016; Красовская, 2016]). Что же касается теоретических перспектив межкультурной трансляции и локализации различных практик манипулирования адресатом, то его восприимчивость к «хулиганскому» воздействию⁶ и аксиологические сдвиги разного рода, неизбежно возникающие при пересечении культурно-политических границ формулами типа *There are not leaders to lead us to honour*, хорошо описываются с помощью понятия *этносемантической рефракции*⁷. Где-то приведенная «формула» будет ассоциироваться с политическим хулиганством, распушенностью языка или неуважением к истории, а где-то со смелостью и бескомпромиссностью в оценке текущей ситуации.

Вернемся к *Маршу*.

Его начало действительно звучит как сокрушенное признание этого печального факта в устах анонимного летописца: пристойность англосаксонского мира отражают Трамп, Джонсон и пытающийся примкнуть к ним, по выражению «первого», двуличный Трюдо. И это чистая правда, хотя и сугубо лингвистическая: он и Джастин, и Жюстен в то же самое время, при полной идентичности латинской орфографии!⁸

Вместе с тем, фраза-мольба-воззвание, завершающая *Марш шпионов* (*Bring us deliverance, spy!*), представляла бы собой логичное и при этом оптимистическое завершение мрачной апокалиптической картины, нарисованной Кипплингом, если бы она не озвучивала призыв к некоему «шпиону», который якобы один способен спасти погибающий мир. Ее и передать можно, передразнивая строго в духе политейнмента одну русскую арию, словами «Шпион, о дай нам избавленье!».

Однако если поискать локацию спасителя в нынешних геополитических и медийных координатах, то оптимизма поубавится. В условиях международного твиттерного и газетного политейнмента, активно заменяющего серьезную политическую коммуникацию играми языковых дискурсов и риторик [Riegert, Collins, 2016], данный призыв конкретизируется достаточно предсказуемо. Газетный дискурс сделал ставку на политейнмент как важный инструмент ведения информационной и идеологической войн средствами «мягкой силы» (ранее она называлась обычно пропагандой [Chomsky, 1989; Фефелов, 2017]), выдвигающих на первый план американскую веру в перформативную силу слова, с одной стороны, и упование на манипулируемого международного адресата, погруженного в разглядывание картинок и пересылаемых друг другу селфи, с другой. Надеяться, как Хомский, на спасительную силу *картезианского* здравого смысла, который еще предстоит сформировать, можно вечно (ср. [Фефелов, 2017. С. 117–118]), пока же этот адресат реагирует на информационные стимулы в основном пальцами, а не головой. Западная медийная пропаганда, опираясь на факт работы некоего В.В.П. в структурах КГБ (Службе внешней разведки), сама уже давно назвала его главным шпионом наших дней. Разумеется, для того, чтобы пригвоздить его к позорному столбу в общественном мнении широкой западной общественности либерального толка. Она сама упорно продвигает его в прессе именно как шпиона, для нее идентификация «шпион» стала оружием. Эта настойчиво продвигаемая идея откликнулась, как будет раскрыто в заключении, самым неожиданным образом, но снова в логике политейнмента (но не твиттерного, а книжного).

⁵ На английский можно перевести и как “English crank” (см. список литературы), и как “queer chap” (см. *Марш* Кипплинга, Пролог 1). Правильный выбор может сделать только сам мир anglo и только средствами политейнмента.

⁶ См. по существу: [Goode, Ben-Yehuda, 1994; Сычев, 2014; Гришаева, 2015а; Ефанов, 2106; Алексеев, 2017].

⁷ Ее содержание и функционирование показаны, в частности, на материале переводных трансформаций в [Фефелов, 2016а; 2016б].

⁸ Его смог «перешеголять» только принц Чарльз, который получил от «снова великого» трагикомичный, тоже орфографический титул *Prince of Whales*. Принцу остается только надеяться на талант политологов, чтобы реабилитировать и его, например, в «парадигме» Греты Тунберг.

Время показало, что данная пропагандистская лингвополитическая стратегия является ошибочной (ср. [Chomsky, 2014]). Она не сработала тогда, когда у президента России не было еще утвердившейся репутации в мире. Теперь же, как подсказывает нам очень-очень кстати «певец британского империализма», прочитанный на фоне «бушующей» коронавирусной пандемии, в мире найдется немало людей, которые, иронично подхватывая риторику либерального хора с виртуальной агоры, пытающейся жить вне времени и пространства, свяжут призыв эпического героя Киплинга именно с этим конкретным человеком – В. В. Путиным. Они не будут фокусироваться на герменевтических и композиционных тонкостях в декодировании истинного смысла исходного текста, и никогда не поймут, что такая персонификация эпического героя потенциально возможна только в случае его буквального прочтения в фантазийном культурно-историческом контексте при игнорировании концептуальной киплинговской семантики слова *sru*. Интеллектуалам-буквоедам, мыслящим в области публичной политики строго формально, буквой текста закона, тоже будет трудно возразить что-то против *такого* декодирования «сокровенного» смысла стихотворения. Ибо черным по белому написано Поэтом, что Спаситель погибающих и истребляемых генералом Мором (в оригинале *general Death*) должен прийти из среды шпионов.

Действительно, языковые игры, они же социо- или лингвокультурные⁹, не подчиняются требованию предварительной проверки на достоверность информации, содержащейся в поэтическом сообщении. Адресант обращается через них к эмоциональному интеллекту адресата, а не к его познаниям в истории, поэзии, литературоведении и прочих высоких или серьезных материях, интересных ученым (ср. [Dijk, van, 2006; Тенева, 2014]). Обычный потребитель информации, включая такой ее экзотический вид, как поэтический текст, в отличие от ученых, во-первых, ищет правду, а не истину, и, во-вторых, всегда, в отличие от ученого люда, находит ее, пусть и не в рационально-логической форме, а в ее мифологическом переизображении. Миф является для него сублимированным знанием, *общим знаменателем* всех разысканий и прозрений профессиональных историков, литературоведов и лингвистов. Современный носитель мифов чтит науку, а вся его мифология уже не суеверного, мистического или религиозного свойства, а сциентистского.

Почитатель Киплинга тоже склонен к игре, он не задается вопросом, какое значение слова *sru* реализуется в *Марше шпионов*, а просто доверяется первому, основному – шпион. Выше это было констатировано в парадигмах лансоновского и гордоновского литературоведения. Посмотрим теперь, что позволяет извлечь из текста обычная лингвистика вместе с лингвистикой текста.

Лексические, символические и дискурсивные ключи декодирования *Марша*

Итак, англоязычные читатели, даже опытные, редко задумывались о смысловом содержании *Марша шпионов*, автоматически выбирая в качестве семантического ключа для его декодирования название стихотворения.

Киплинг, похоже, догадывался об этом сбое в прочтении и потому, стремясь предотвратить примитивное толкование текста, при второй публикации данного стихотворения, имевшей место в 1919 г., т. е. уже после окончания Первой мировой войны, он специально добавил сразу после названия пояснительное предупреждение (BEFORE THE WAR) (см. [Hamer, 2014]). Он справедливо полагал, что *после* войны риск сведения непривычной авторской

⁹ Будем, однако, различать, хотя бы теоретически, *language games* и *language plays*. Вторые более известны нам под названием *игра слов* (word plays), каламбуры (puns). Понятие же языковой игры по Витгенштейну достаточно полно раскрывается через понятия полифонии и диалогичности речи по Бахтину; они особенно заметны в любом развитом обществе, поскольку оно уже стратифицировано в социокультурном отношении. В текстах такого социума почти всегда видны следы различных социолектов, формирующих общее текстовое пространство (как правило, письменное). Попытки выстроить модель горизонтального мира взамен стратифицированному напоминают идею превратить яичницу в яйцо.

концептуальной идеи к банальному прославлению дела шпионов возрос многократно. У него были основания предполагать, что после нее мало кто будет обращать внимание на сложную технику его литературной игры, по правилам которой описанная «война» вовсе не является войной, а фигурирующий в ней «шпион» – это не шпион в прямом смысле, а представитель сообщества врачей-инфекционистов, воюющих с эпидемией. Увы, капитализация не помогла, эта формальная подсказка была либо проигнорирована, либо не понята.

Достаточно беглого лексико-семантического анализа употреблений слова *spy*, в *Марше* чтобы увидеть как его сугубо военную специфику, так и символическую, производную от первой. *Spy* в этом стихотворении Кипплинга вовсе не сотрудник внешней разведки, который мирно, хотя и нелегально, живет в чужой стране в статусе резидента. Кипплинговский помещен в ситуацию *фронтовых* военных действий, он находится где-то на линии и часто за линией фронта. Он не шпионит, а ходит в разведку, берет языка, совершает или готовит вылазки диверсантов в тыл врага. В нашей лингвокультуре такого называли никак не шпионом, а разведчиком, диверсантом, а еще ранее – лазутчиком или пластуном. Синонимами же настоящего шпиона выступают такие обозначения как *тайный агент* или жаргонное *крот*.

Другими словами, стихотворение действительно можно декодировать как сугубо военное повествование о сугубо военном противостоянии. Для этого достаточно списать некоторую лексико-семантическую небрежность автора в раскрытии образа условного шпиона на широкосмысленность английской лексики, т. е. объяснить ее научно-лингвистически. Но если вчитаться, то в нем обнаружатся аж три образа смерти, каждый со своим риторическим языком.

Однако тут же отметим в пандан, что широкий английский читатель – современник Кипплинга и нынешний – тоже ошибался насчет мессиджа автора *Марша* и его символического смысла. Об этом свидетельствуют некоторые отзывы стихийных «литературоведов» лансоновского типа, т. е. литературных критиков, издателей и просвещенных читателей произведений Кипплинга. Они, обычно ссылаясь друг на друга¹⁰, на воспоминания людей, знавших Кипплинга, не работая при этом с архивами прозаика и поэта, прямо отмечают, что *The Spies' March* стал восприниматься как единственное английское стихотворение того времени о «роли шпиона на войне» (about the role of the spy in war)¹¹.

Простота некоторых объяснений не может не вызывать замешательства, поскольку такое литературоведение из достаточно серьезного – лансоновского – превращается в откровенно гордоновское. Джон Рэдклифф, в частности, связал художественную интенцию Кипплинга с осознанием им угрозы надвигающейся на Европу войны и необходимостью готовиться к ней; он как бы предупреждал об опасности нелегального проникновения шпионов на территорию Англии (цит. по: [Britton, 2007]). Но такое раскрытие идеи совершенно не соответствует тексту стихотворения. Для показа этого достаточно вдуматься в содержание его последней строки, возлагающей на шпиона миссию избавителя (почти спасителя) от какой-то страшной беды. По Рэдклиффу получается, что «Державы, Князья и Троны» могли спастись перед немецкими (и прочими) шпионами, как если бы они сами были заведомо бесспорными властителями мира, а не действовали по инициативе настоящих властителей. Такую абсурдную интерпретацию невозможно отстаивать даже в перспективе нынешнего политейнмента. В своем раскрытии замысла Рэдклифф (и цитирующий его популяризатор *Марша* Britton) упускают также из вида вполне очевидное из буквы самого текста: у Кипплинга цари, троны, нации и короли воюют уже не между собой, а все вместе пытаются противостоять какому-то общему смертельному врагу, описанному фигурально. Они имеют дело уже не с той смертью, которую сами и порождают, а с другой, уничтожающей человека как биологический вид.

¹⁰ Ср. в этой связи типичный для критиков прием «подтверждения» истинности информации: “John Derbyshire observed that biographer Andrew Lycett ‘repeats the story, which I have heard elsewhere’” [Britton, 2007].

¹¹ Из цитаты: “Two years earlier, Kipling published the much more serious ‘The Spies’ March’, a unique poem often interpreted to be about the role of the spy in war”. Выделено мной. – А. Б.

В качестве другого, более серьезного и несколько фрейдистского объяснения выдвигается некая тайная привязанность Кипплинга к шпионской теме, которая проявилась гораздо ранее в его творческой биографии в не совсем открытой, но все-таки эксплицитной форме в романе «Ким». Главным героем «Кима» стал вымышленный мальчик-абориген, который попал в руки англичан-колонизаторов, и они сделали из него отличного полевого шпиона.

Книгу нельзя назвать произведением шпионского жанра в его классическом воплощении, но читательская мифология приписывает ему статус культовой книги в американской и британской шпионской среде (“*Kim is a cult book among spies*”). В полном соответствии с законами мифологического мировидения утверждается, что эту книгу якобы держал у «изголовья своей кровати» **сам** Аллен Даллес¹² (“*Allen Dulles, it is said, used to keep a copy beside his bed*”). Звучит очень красиво, патриотично, и потому это свидетельство сразу признается коллегой-«литературоведом» истинным (I hope this is true), причем мифопоэтический критерий истинности им самим и объявляется: «[может, это и неправда], но зато как приятно думать, что представители нашего оперативного разведсообщества обладают таким хорошим литературным вкусом» (Derbyshire, цит. по: [Britton, 2007])¹³. Дербишир, кажется, потерял бдительность и таким образом приоткрыл гуманитариям самый распространенный способ построения образа *своей* культуры – через отбор приятной информации из текстов художественной литературы и поэзии. Вывод, при всей своей иррациональности, напрашивается сам собой: раз приятно, то, значит, так и нужно думать. Культурная жизнь – это вообще платформа для показа чувств и эмоций, а не епархия картезианского рационализма.

Упомянутый выше роман дает нам существенную информацию, чтобы понять, какую черту Кипплинг мог потенциально ценить в шпионской работе. По некоторым контекстам, описывающим психологическую подготовку Кима, видно, что на первый план у автора выходит образ большой «игры» (the Great Game), хорошо сыгранной партии, соперником в которой выступает, разумеется, Зло, которое нужно пресечь еще до того, как оно разрастется махровым цветом¹⁴. В *Киме* оно еще не рейгановское, привязанное к одной уже распавшейся империи, а зло войны.

В *Марше* есть еще две очень немногочисленные группы лексических и ономастических сигналов, которые тоже ставят под вопрос отнесение его предметного поля к категории военных.

У внимательного читателя должна вызывать интерес, прежде всего, риторическая структура текста, его дискурсивная схема, в которой роли шпиона, т. е. его предназначение, представляются по-разному, в развитии. Логика автора вызывает недоумение: привычное предназначение отрицается, а другое, не совсем понятно представляемое, утверждается. При этом обе роли представляются самими шпионами – повествование начинается от их лица, повествователь коллективный, «хоровой». А хору «шпионов», заметим, противостоит хор властей предержащих.

После второй «повествовательной» строфы, начинающейся со слов *Not where the squadrons mass*¹⁵ и описывающей типичные для «шпиона» и для обыденного сознания боевые ситуации с помощью стандартной военной лексики, заключительные строки рефреном проводят загадочную мысль автора. Передадим ее так: «Но место шпиона не здесь» (в оригинале два варианта выражения этой мысли *That is no place for a spy!* и *Here is no place for a spy!*). В принципе, в этой же строфе есть ответ на вопрос «Где это не здесь?», если он возникнет.

¹² Намеренно не стану разьяснять, кто это и почему слово **сам**, выделенное жирным шрифтом, абсолютно уместно. Его шпионская «профессия» возвеличивает, а вот на прочих якобы ставит знак позора. Он автор термина «информационная война» (см. [Колмогорова и др., 2016, с. 194] со ссылкой на Панарина). Набор определений понятия «информационная война» см. в [Красовская, 2016. С. 53].

¹³ В оригинале: “I mean, it would be nice to think that our *intelligence operatives* have such good literary taste”.

¹⁴ “The game is well played. That war is done now and the evil we hope nipped before the flower, thanks to me and thee.” “Here begins the Great Game” (цит. по: [Britton, 2007]).

¹⁵ Вся строфа строится на отрицательных предложениях; их восемь с общей мыслью «Не там, где...».

Не здесь значит не в ситуации честной, открытой войны ([not] “in the cleanly game of war”). Такая война объявляется делом (или уделом) принцев, тронов и держав, в сопоставлении с которым «наше (шпионское!) дело», является более важным. И далее, в третьей строфе, мысль сразу же уточняется, что лишь добавляет когнитивного тумана и парадоксальности: они «[are] Trained to another use».

Зачем они нужны, чему их учили на самом деле и, следовательно, что они за шпионы, любитель поэзии должен был бы понять по третьей строфе, в которой предварительным условием вступления шпионов в дело выдвигается наличие угрозы массовой гибели людей на фронте охватом в полпланеты. Эта угроза для своего предметного декодирования получает два связанных ономастических ключа-олицетворения: **Death** и **General Death**, причем первый из них можно и нужно рассматривать через призму Откровения Иоанна Богослова (т. е., говоря несколько по-английски, через Апокалипсис 6:1–8), а второй легко декодируется как производный от первого: когда смерть метафорически приравнивается к силе, то у нее должен быть и командующий.

Третий ключ из этой же строфы – **Yellow Flag** – указывает, но уже имплицитно, во-первых, на существовавшую некогда обязанность капитана поднимать на корабле желтый флаг, в том случае когда на его борту возникала вспышка какой-нибудь инфекции¹⁶, во-вторых, на то, что в стихотворении описывается вспышка инфекции, и, в-третьих, уже совершенно косвенным образом, на то, что упоминаемые шпионы являются не обычными, а «желтыми» шпионами. Эта символика со временем забылась, информация стала фоновой, оставшейся, быть может, в памяти морских держав и портовых городов, тогда как желтый или черно-желтый флаг используется сейчас для других целей (в гонках болидов). Актуализация символической и прочей информации для современного читателя превращается в отдельную задачу; так, автор лексического комментария к *Маршу* о ней помнит и недвусмысленно объясняет функцию.

Кроме того, знаки *Death* и *Yellow Flag* (они же – когнитивные ключи) в стихотворении дублированы. Синонимом смерти выступает чума (**Plague**), и это не случайно – в различных переводах *Откровения* на английский язык слово, обозначающее в оригинале смерть, переводится и как *Death* (см. авторизованный перевод Короля Иакова, KJV), и как *Plague* (см. Новый евангелический перевод, NET). В последней строфе семантика смерти и генерала Мора получает дальнейшее развитие, базирующееся также на образах и лексике Апокалипсиса, глава 6:1–8. Киплинг вводит обобщающий образ всадника на бледном коне: the **Pale Horse**¹⁷. Для обычного читателя, тем более современного, отошедшего от религии, эта информация тоже может оказаться в определенной степени имплицитной, но повторы вместе с капитализацией указывают на то, что эти единицы отсылают к какому-то другому – общеизвестному – источнику.

В этой строфе хорошо видна разница между двумя видами имплицитной информации – фоновой и аллюзивной. Принадлежа к области подтекста, они по-разному декодируются при прочтении и требуют различного объема экстралингвистических знаний со стороны реципиента. Единицы *Death*, *Plague*, *Pale Horse* (или *Pale Rider*) осознавались христианином (особенно тем, который жил в начале XX в.) как библейские, и потому они всегда отсылали к определенным стихам библейских текстов, где и можно было получить дополнительную информацию, к тому же многократно комментированную Церковью. Они поддерживают

¹⁶ По информации комментатора Мэри Хеймер (Hamer), это означало, что корабль находится на карантине (длительностью от 30 до 40 суток), и потому флаг можно называть карантинным (yellow quarantine flag) [Hamer, 2014]. Такие корабли в порты не впускались.

¹⁷ «Конь бледный, и на нём – всадник, имя коему Смерть...» War, disease, hunger and death are the four horsemen of the Apocalypse. Война (брань), чума (мор), голод (глад) и смерть являются четырьмя всадниками Апокалипсиса. При этом *Death* и the *Pale Horse* в английском раскрываются и как *pestilence* (чума, мор). В Синодальном переводе все эти слова-символы пишутся со строчной буквы. В английских же переводах чаще всего с прописной. В них вариантов передачи обсуждаемых понятий гораздо больше, потому что число «новых» протестантских версий Библии, в отличие от католических, продолжает множиться [Яковенко, 2005]. Однако это тема для другой статьи.

и направляют диалог между читателем и Библией, помогая ему точнее декодировать авторскую мысль, если она отступает от канонического толкования. Такое специфическое толкование может возникнуть потому, что автор, формируя аллюзию в тексте, держит в голове какой-то *нужный ему* прецедентный текст или ситуацию. У фоновой информации, содержащейся в слове, такого текста практически не бывает, она рассеяна в культуре, связана с определенными ассоциативными реакциями на слово или presupпозициями, определяющими его семантический объем [Виноградов, 2001. С. 34-45; Фефелов, 2015].

Так, если вернуться к обозначениям всадников Апокалипсиса, то английский цветовой ряд, описывающий масть каждой из четырех лошадей, зафиксирован прилагательными *white, red, black* и *pale*. В русских переводах Библии появляется обозначение масти (окраса) коня, а не просто цвета: *белый, рыжий, вороной, бледный*. Переходы *рыжий* вместо *красный* и *вороной* вместо *черный* определяются знанием стандартной «этнолоики» цветообозначения лошадей в русской культуре. Сочетания же вроде *красного коня* (из названия картины Петрова-Водкина) или *зеленой кобылы* (название романа Марселя Эме) являются сугубо авторским продуктом. В языковом сознании в этом случае сталкиваются и должны дифференцироваться два дискурса, два риторических языка – библейский и обыденный.

Когнитивная информация из третьей строфы, имеющая большое значение для идентификации предметной области поэтического текста, должна быть также соотнесена с содержанием своеобразного прозаического пролога № 1, размещенного Кипплингом сразу после названия, но заключенного в круглые скобки, что подчеркивает его фоновый статус. В терминах И. Р. Гальперина, такое соотнесение называется интеграцией информации по мере ее поступления в сознание воспринимающего субъекта в ходе чтения [Гальперин, 1981]. Для ее адекватного декодирования читателю часто требуется прибегать к ретроспекции, т. е. возвращаться, чтобы правильно истолковать текущий контекст. В прологе № 1, стилизованном под письмо или запись какого-то официального лица в дневнике, отрывочно и намеками, но все-таки понятно, рассказывается о вспышке в 1911 г. легочной чумы в Маньчжурии, о страшном числе жертв среди населения (“our death-rate would sicken Napoleon”) и гибели многих врачей-эпидемиологов. Пролог № 1 вводит, таким образом, тему массовой смерти как результата эпидемии легочной чумы, и читателю дается намек, что тема будет развиваться и далее.

Пролог № 2 имеет поэтическую форму, но она отличается от размера всех последующих строф: в нем всего четыре строки, в каждой есть «внутренняя» рифма, и каждая примерно в два раза длиннее, чем строки строф 3–8. Этот пролог представляет собой нечто вроде профессионального и морально-этического кредо группы людей, обозначенных местоимением *мы*. Именно в нем появляется первое упоминание о символике желтого цвета, передаваемой словосочетанием *the Standard of Yellow* (Желтый Штандарт, или Знамя). Долг упомянутой группы людей состоит в том, чтобы следовать за ним, как только в этом возникнет необходимость, т. е. когда он будет поднят необозначенным в тексте лицом.

Подведем промежуточный итог.

Кипплинг, во-первых, достаточно ясно прописал в своем стихотворении, что его концептуальный шпион (закодируем его как *желтого* шпиона или зашифруем с помощью игровой метатезы как «пшиона», т. е. как бы шпиона) декодируется через семантику желтого штандарта / знамени¹⁸ в том толковании их символики, какое существовало на момент создания текста.

Во-вторых, он отделил нормального шпиона от желтого еще и с помощью дискурсивной схемы текста. С четвертной строфы происходит смена отправителя речи; слово передается «шпионами» народам, королям и странам (*Peoples, Kings and Lands*), и в этом комплексе дей-

¹⁸ В русской военной традиции существует важное для «посвященных» различие между понятиями *флаг* и *знамя* (что может иметь значение для перевода), но для «всяких штатских» – это фоновая тонкость, которая будет оставлена за бортом статьи.

ствующих субъектов тоже содержится имплицитная отсылка к Библии¹⁹. Речь этих последних заковычена, т. е. оформлена как прямая. В ней общество формулирует безотлагательные и первостепенные задачи *желтым* шпионам по их собственной же просьбе («We are waiting your commands»).

Проблема осталась, однако, в том, что двойное кодирование образа шпиона строится на одной и той же военной лексике и мелкой лексической образности. Силы генерала Мора, т. е. армия Чумы, и противодействующие ему силы врачей-эпидемиологов отображаются в нем одними и теми же словами и милитарными метафорами. Это, должно быть, и осложняет показ различий между двумя категориями шпионов, даже когда они осознаются и обычными читателями, и переводчиками.

Что показывают переводы

Наряду с упомянутым выше анонимным переводом²⁰ по мотивам оригинального текста *Марша* Кипплинга в интернет-пространстве обнаруживается еще две версии, одна из которых, выполненная А.Ш. в 2010 г., включает прозаическое вступление, обозначенное нами как пролог № 1, а вторая, принадлежащая А.О.Я., опускает его. Судя по всему, авторы переводов понимали свои задачи в соответствии с идеей Кипплинга. Но они вряд ли могли видеть лексический комментарий, подготовленный для английских любителей поэзии М. Хеймер (Mary Hamer) и выложенный на сайте поэта в 2014 г. В наши задачи не входит, как было сказано в начале, анализ поэтической техники, поэтому далее мы покажем лишь то, как прошло предметное декодирование метафорической игры. Выбранный для этого метод предельно прост: фиксация и показ «встык» смысловых расхождений между версиями А.О.Я. и А.Ш., различий между их культурными ассоциациями. Вывод же о степени глубины разночтений (семантической, а не поэтической!!) читателю предстоит сделать самостоятельно.

А.О.Я.	А.Ш.
Пролог 2	
Нет вождей, чтоб вести нас... мы без них на врага наступаем, ... не слыша чужого шага, ...без трубы мы ряды смыкаем, ... во имя Желтого флага! – Становись! Становись! Становись! –	Начальник не кличет нас... нет начальства в наших рядах; ... у других не прося совета. ... ползём в тиши и впотьмах, За Жёлтым Флагом ползём ... Строиться! Строиться! Строиться!
Строфа 1	
Не там, где снарядов стон Пролетает над цепью стрелков... Не там, где раны страшны. Где нации смерти ждут... В честной игре войны... – Державы, Князья и Троны! Важнее труд шпиона –	Ни там, где пушки лают иступленно На вражеских стрелков... Ни там, где наций крушенье И обескровленных стон... – Нет, в чистой игре, каково сраженье ... Троны, Князья, Державы, ваши дела – заба- вы...
Строфа 2	
Смерть – наш Генерал. Желтый флаг вознесен , Каждый на пост свой стал, И на месте своем шпион.	Для этого Генерала Мы не свернем знамен , И лишь под его начало Встать согласен шпион.

¹⁹ М. Хеймер видит здесь прямую отсылку, в частности, к Colossians (Колоссянам) 1:16, где все эти слова указывают на войны между народами.

²⁰ В некоторых (и даже многих) его строках заметно большое сходство с версией А.О.Я., но их мессидж разный!

Строфа 3	
Редких выстрелов звук, Похороны вдали , Наши огонь открыли вдруг, И трупы в траву легли. В панике города, Воздух сёл заражен, Народы, Страны, Цари, приказы свои говори, (Барабан) – Мы ходим под страхом, шпион!	И тут, и там хоронят, Стреляют там и тут, – В крови трава утонет, Когда стрелки придут . Деревни оскудели Или поверглись в сон... Царям, Народам, Землям – лишь их командам внемлем . Бом! Бом! Где плохо, туда , шпион!
Строфа 4	
“Пикет обойди кругом , Чей облик он принял, открой, Стал ли он комаром Иль на реке мошкаррой? Сором, что всюду лежит, Крысой, бегущей вон, Плевком среди уличных плит – ” (Барабан) – Мы ходим под смертью, шпион!	Узнай, в каком подобье Смерть посетит наш дом: Слепнем в густой чащобе ? Болотным комаром? Грязь домов многолюдных , В паху у твари бубон, Плевки в пристанищах блудных – Бом! Бом! Где гибель – туда , шпион!
Строфа 5	
“Что он готовит и где? Как обойти его тыл? Если сжечь запасы еды... Проникни в его ряды – ” (Барабан) – Берись за работу, шпион!	Провидь, прознай, прослушай,... Повалит враг на нас? ... повозки спалить с фуражом , Змеей проползти по линиям вражьи?” (Бом, бом!) – вот твоя плата , шпион!
Строфа 6	
“ Он не хочет ли нас обмануть? Не в засаде ли он сидит? Что ему преградило путь? Выжидает он иль разбит? Не слышно его почему? Не отступает ли он? Узнай, проберись к нему!” (Барабан) – Добудь нам ответ, шпион!	Засада иль осада? Маневры или бой? Стрелять или не надо? Кто там еще живой? Затишью долго ли длиться? Насколько недруг силён? В тыл заползи к нему, чтоб убедиться, – (Бом, бом!) Ответ принеси, шпион!
Строфа 7	
“ Подпруга с подпругой скачи, Где Конь Блед летит без дорог, Расскажи, что знает песок. Дым нашей мўки бел, Где сожженный лег легион”. Конец.	Скачи всё время рядом – Куда б ни шёл Конь Блед, ... а взглядом Не упускай примет. Там, где мы надрываемся и страдаем, Тысяч жертв раздавался стон. Повтор пролога 1

Красным шрифтом выделены те единицы и фрагменты, которые, без всяких сомнений, искажают содержание сказанного в оригинале либо в силу буквальной передачи слова или коллокации, делающей перевод непонятным («Подпруга с подпругой скачи»), либо по причине произведенной переводчиком трансформации (в терминах франко-канадской школы Вине и Дарбельне это почти всегда модуляция) в поисках поэтической выразительности. Такие попытки рискуют привести к некорректной замене семантического материала, что выразится в появлении некоторой предметной бессмыслицы. Строки «В панике города, / Воздух

сёл заражен...» и «*Деревни оскудели / Или поверглись в сон...*» передают содержание одних и тех же строк оригинала, но вне контекста это установить невозможно. При этом с художественно-эстетической точки зрения каждый из авторов может «highly likely» оправдать необходимость своих переводческих решений. Мы же, со своей стороны, должны указать на то, что сам свод расхождений независимо от причин их появления указывает на явные трудности в прочтении *Марша*. В процессе переводческого декодирования и перевыражения содержания появились противоречивые образы (ползти за знаменем, сожженный легион, в пристающих блудных и др.), не всегда ясно, кто к кому обращается, о ком или о чем идет речь.

Дискуссия в форме перевода в прозе

Ввиду ограниченности объема статьи наилучшим выходом вместо детального сопоставительного анализа представляется перевод в прозе «от начала до конца», в котором легче дать фактическое предметное содержание всех составных частей, отразить предельно точно композиционную структуру стихотворения. Он также может стать опорой для оценки поэтических трансформаций и понимания собственно поэтических задач. Важно, в частности, обратить внимание на строгость воспроизведения референции местоимений, поскольку они обеспечивают вторичную номинацию. В приведенных примерах из А.Ш. и А.О.Я. связка местоимений *он, она, они* с деятелями кое-где теряется. Понятность предмета означает, что перевод должен четко ответить на стандартные вопросы к семантико-синтаксической структуре каждого предложения и композиционно-риторической структуре всего текста: Кто? Что? Кого? Когда? Где? Зачем? Почему?

The Spies' March (1913)

[«Пролог 1»]

(“The outbreak is in full swing and our death-rate would sicken Napoleon. ... Dr. M – died last week, and C – on Monday, but some more medicines are coming. ... We don’t seem to be able to check it at all. ... Villages panicking badly. ... In some places not a living soul. ... But at any rate the experience gained may come in useful, so I am keeping my notes written up to date in case of accidents. ... Death is queer chap to live with for steady company.” – *Extract from a private letter from Manchuria.*)

(«Вспышка стала повальной; люди мрут так быстро, что самому Наполеону стало бы не по себе... На прошлой неделе умер доктор М., а в понедельник – доктор К. ... Утешает, что обещанные лекарства уже в пути. ... Меня гложут сомнения, сможем ли мы справиться ... В деревнях поднялась дикая паника. ... Кое-где не осталось ни одной живой души. ...

Но как бы ни повернулось дело, полученный нами опыт сможет пригодиться в будущем, и потому я каждый день заново в дневник свои наблюдения. ... Когда постоянно живешь бок о бок со смертью, то она начинает восприниматься, как сумасбродная дамочка»²¹. – Отрывок из частного письма, отправленного из Маньчжурии)

Комментарий

Единственный момент, вызывающий затруднение в переводе «письма» (М. Намег называет его «фейковым», а стилистика – стилизованным), связан с родом слова *смерть*. В английском языке грамматического рода нет, и потому при вторичной номинации она связывается у Кипплинга с мужским родом через лексику *chap* (≈ парень). В русском это совершенно невозможно. Все остальное описывает вспышку эпидемии и работу врачей-инфекционистов. Никаких шпионов, даже намек на них здесь еще нет. Важнее всего, однако, то, что у Кипплинга мимоходом (т. е. имплицитно) проскальзывает *еще и* авторский, «концептуальный», образ смерти, возникающий в несколько циничном сознании врача – *queer chap*. Далее он автором не развивается! Но в современной борьбе дискурсов это авторское видение обязательно привлечет внимание представителей субкультур из-за слова *queer*. Оно проходит сейчас процесс социальной реабилитации, т. е. передвигается в зону положительной стилисти-

²¹ Из русского затекста возникает также расширение: вся внезапная и неожиданная.

ческой окраски, и потому пропоненты политкорректности будут недовольны связью между понятиями *queer* и *смерть*. Эта новая речевая этика регулируется законами ведения языковых игр; с высокой степенью вероятности она найдет свое отражение в политейнменте и баттлах.

[Пролог 2]

There are not leaders to lead us to honour, and yet without leaders we sally,
У нас не бывает лидеров, чтоб повести нас за собой к чести, но мы способны выступить и без них.
Each man reporting for duty alone, out of sight, out of reach, of his fellow.
Каждый из нас сам откликается на призыв долга, работает один, не видя и не слыша коллег.
There are no bugles to call the battalions, and yet without bugle we rally
У нас нет горнов, чтобы дать сигнал батальонам на сбор, но мы соберемся отовсюду
From the ends of the earth to the ends of the earth, to follow the Standard of Yellow!
и без горнов, из самых дальних уголков земли и встанем под полотнище Желтого штандарта!
Fall in! O fall in! O fall in!
Час настал! Час настал! Час настал!

[Строфа 1]

Not where the squadrons mass,
Не там, где эскадроны встали,
Not where the bayonets shine,
Не там, где сияют штыки
Not where the big shell shout as they pass
Не там, где слышен рев снарядов крупного калибра, пролетающих
Over the firing-line;
Над [окопами] передовой.
Not where the wounded are,
Не там, где [стонут] раненые,
Not where the nations die,
Не там, где народы убивают друг друга,
Killed in the cleanly game of war –
Не на полях ваших честных войн.
That is no place for a spy!
Место «шпиона» не там!
O Princes, Thrones and Powers, your work is less than ours –
О, владыки тронов и правители держав, вам далеко до высот нашего дела.
That is no place for a spy!
Место «шпиона» не там!

[Строфа 2]

Trained to another use,
Мы воюем на другой войне,
We march with colours furled,
Знамя не вьется над нами, когда мы на марше.
Only concerned when Death breaks loose
Мы выступим только тогда, когда Мор вырвется
On a front of half a world.
на оперативный простор, охватив полмира.
Only for General Death
[Да, стоит] только генералу Морю начать,
The Yellow Flag may fly,
И наш желтый флаг взвьется ввысь,
While we take post beneath –
И мы, «шпионы», будем готовы к бою.
That is the place for a spy.
[Да,] наше [настоящее] место там,
Where Plague has spread his pinions
Где Чума запустила свой шестеренчатый механизм передачи

Over Nations and Dominions –
 [Истребляя] народы и нации.
 Then will be work for a spy!
 Вот там и тогда будет работа для «шпиона»!

[Строфа 3]

The dropping shots begin,
 Вначале слышны лишь отдельные залпы,
 The single funerals pass,
 На улицах появляются редкие похоронные процессии,
 Our skirmishers run in,
 Когда наши стрелки дают отпор,
 The corpses dot the grass!
 Трава уже усеяна тысячами трупов!
 The howling towns stampede,
 В городах поднимается вой, начинается паника,
 The tainted hamlets die.
 [Зараза] выкашивает подчистую деревни.
 Now it is war indeed –
 Вот она, наша война –
 Now there is room for a spy!
 Вот где работа для шпиона-[следопыта]!
 O Peoples, Kings and Lands,
 Спешите, народы, короли и страны!
 We are waiting your commands –
 Быстрее дайте нам команду!
 What is the work for a spy?
 Что вы хотите от [желтых] шпионов?
 (Drums) – *Fear is upon us, spy!*
 Отвечают под бой барабанов: *Избавь нас от страха, шпион!*

[Строфа 4] [появляются кавычки!]

“Go where his pickets hide –
 «Пойди туда, где смерть выставила свои скрытые пикеты,
 Unmask the shape they take,
 Сорви с нее маску, узнай, под каким обличем она пришла,
 Whether a gnat from the waterside,
 Прячется в болотном комарье?
 Or a stinging fly in the brake,
 Разносится [слепнями, паутами и] мошкой в подлеске?
 Or filth of the crowded street,
 Скрывается в грязи многолюдных улиц?
 Or a sick rat limping by,
 Передается теми больными ковыляющими крысами?
 Or a smear of spittle dried in the heat –
 Вылезает из иссушенных солнцем плевков?
 That is the work of a spy!”
 Вот в чем твоя работа, желтый шпион»!
 (Drums) – *Death is upon us, spy!*
 Под бой барабанов: *Нас повсюду подстерегает смерть, шпион!*

[Строфа 5] [he = смерть или генерал Мор в зависимости от контекста]

“What does he next prepare?
 «Что она приготовила нам на завтра?
 Whence will he move to attack? –
 Откуда ждать ее атаку?
 By water, earth or air? –
 С суши, с неба или из воды?

How can we head him back?
 Как мы можем отразить ее угрозы?
 Shall we starve him out if we burn
 Сможем мы истощить врага, если сожжем
 Or bury his food-supply?
 Или уничтожим его запасы еды?
 Slip through his lines and learn –
 Проскользни сквозь его заслоны и разведай –
 That is work for a spy!”
 Вот в чем задача шпиона!»
 (Drums) – *Get to your business, spy!*
 Под бой барабанов: *Иди и делай свое дело, желтый шпион!*

[**Строфа 6**] [Пентагона в тексте нет, но можно заменить на Кэмп Дэвид. – А. Б.]

“Does he feint or strike in force?
 «Только делает вид или все же ударит мощным кулаком?
 Will he charge or ambuscade?
 Пойдет на нас с шашками наголо или будет подстерегать в засаде?
 What is it checks his course?
 Какова сейчас обстановка на фронте?
 Is he beaten or only delayed?
 Генерал Мор разбит или только отброшен?
 How long will the lull endure?
 Сколько это затишье продлится?
 Is he retreating? Why?
 Ах, Мор отступает? Почему бы это?
 Crawl to his camp and make sure –
 Проползи в его Пентагон и разведай.
 That is the work for a spy!”
 Вот в чем задача желтого шпиона!»
 (Drums) – *Fetch us our answer, spy!*
 Под бой барабанов: *Добудь нам ответ, шпион!*

[**Строфа 7**] [girth, конечно, не стремя, но метонимически это одно и то же]

“Ride with him girth to girth
 «Скачи стремя в стремя с этим всадником на Бледном коне
 Wherever the Pale Horse wheels
 Куда бы он ни направил свой путь.
 Wait on his councils, ear to earth,
 Прислони ухо к земле и подслушай его советников,
 And say what the dust reveals.
 Скажи, что прах земли тебе откроет.
 For the smoke of our torment rolls
 Видишь, как дым наших страданий клубами вьется
 Where the burning thousands lie;
 Там, где трупы тысяч и тысяч горят.
 What do we care for men's bodies or souls?
 Что мы можем сделать для их ²² тел и душ?
 Bring us deliverance, spy!”
 Мы ждем от тебя избавленья, шпион!»

Заключение

Статью о *Марше* можно было бы завершить дежурными словами литературоведа «гордоновского» типа: “Rudyard Kipling’s verse has given – and continues to give – great pleasure to

²² В комментарии М. Хеймер текстоформа *men’s* связывается с инфекционистами и эпидемиологами, но семантически такая узкая референция в тексте не видна. Местоимение *их* отсылает ко всем кремируемым жертвам эпидемии.

millions of people, many of them not otherwise lovers of poetry” [Townsend, 2013]. Но к ним хочется добавить еще несколько выводов, суть которых, возможно, будет несколько терпкой для любителей.

Кипплинг сам намеренно создал двусмысленное произведение, усугубив семантическую неопределенность текста провокационным для благопристойного общества названием, прославляющим шпионов. Очевидно, он рассчитывал, что удовольствие «любителям поэзии» доставит в большей степени процесс разгадывания метафорического ребуса, чем идейно-художественной сути текста, равно как и прочих *пророческих оговорок*, которые высвечиваются теперь в пространственно-временном континууме.

К идейной сути текста относится следующее.

Дело врачей-инфекционистов и эпидемиологов (в тексте – «желтых» шпионов, «шпионов» под желтым стягом) важнее для существования рода человеческого и мира, чем наследственные полномочия властей предержащих. Когда наступает угроза полного вымирания всех без различия сословий, достатка, образования, цвета кожи, пола, национальности, спасителем (у Кипплинга) может стать только врач-эпидемиолог. И потому – мольба со стороны Властей в форме команды: *Bring us deliverance!*

Обращение к настоящим шпионам, т. е. использование полной формулы Кипплинга *Bring us deliverance, spy!* может актуализироваться только в условиях полномасштабной микробиологической войны, для предотвращения которой шпионаж действительно показан. Или в юридическом пространстве политеймента и КВНа в виде пира и пиара во время чумы.

Вступительные слова Кипплинга (*There are not leaders to lead us to honour*) в определенных социально-политических условиях могут быть прочитаны как приговор ленинского типа: верхи (элиты) не могут, да и не хотят. Для профессиональной среды, т. е. для борьбы с эпидемиями, они не верны, поскольку у инфекционистов и эпидемиологов на самом деле есть и лидеры-исследователи, и начальники-управленцы, которые и выкидывают желтый флаг. Достоинство этой формулы в том, что она чрезвычайно легко отрывается от *Марша* Кипплинга и может использоваться любой протестной силой. Если акцент в ней поставить на чести, то она понравится всем, кто претендует на интеллектуальное лидерство и гипертрофирует значимость темы прав человека и личности. Она хороша также для левых движений коммунистического толка. Ее можно, например, прикрепить в качестве эпиграфа к *Левому маршу* Маяковского.

В художественном плане важно отметить игру в *Марше* трех дискурсов (риторик) смерти: библейского, военно-медицинского (лексика и образность желтого флага, которые противостоят смерти раненых на полях обычной войны с ее военно-полевой медициной) и личного авторского (*queer chap*). Доминирует, конечно же, библейский. В принципе, можно сказать, что в марше противопоставляются два библейских образа: всадников на белом и бледном конях. Белый конь – символ войны и связанной с ней гибели. Бледный – символ смерти, как таковой, вбирающий в себя и болезнь, и голод. Кроме того, надежда на избавление (или спасение) введена с помощью слова *deliverance*, имеющего очень тесные имплицативные связи с религиозной тематикой и ментальностью.

В нашей ситуации информационного противостояния в условиях относительного благополучия на фоне казуса с коронавирусной пандемией крайне вероятно людическое прочтение обеих приведенных формул *Марша*, поскольку, за парой исключений, все остальное его содержание представляет интерес только для лингвистов, решателей ребусов и переводчиков, хотя, в принципе, его можно было бы перенести и на сцену в виде драматического хорового действия. Для политеймента существенно то, что западная пресса часто ассоциирует слово *spy* с ВВП (и наоборот), поэтому недвусмысленная, пусть и игровая, персонализация шпиона в мольбе-приказе *Bring us deliverance, spy!* превращает ее в серьезный инструмент межкультурного взаимодействия. Игра уже практически началась. Путин уже включен в компанию благочестивого Лоуренса Аравийского, упомянутого в самом начале этой статьи. Это произошло совсем недавно, с выходом в свет во Франции книги Ролана Ломбарди

(Roland Lombardi) под названием *Poutine d'Arabie* («Путин Аравийский»), в которой «автор объясняет, как и почему это все случилось».

В этой связи нельзя не процитировать слова еще одного Ролана, Дюма, бывшего министра иностранных дел Франции, «подслушанные» на youtube: “J’ai une certaine admiration pour Poutine”.

В общем, либо газеты снова что-то перепутали, либо информационная операция в виде «пшионского» скандала продолжается.

*There are not leaders to lead us to honour,
Bring us deliverance, spy!*

Список литературы

- Алексеев А. Б.** Конструирование моральной паники в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 50–64
- Виноградов В. С.** Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Ин-та общего и среднего образования РАО, 2001. 224 с.
- Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
- Гришаева Л. И.** Манипулятивные техники и способы поддержания власти в медиадискурсе // Дискурсы власти: Коллект. монография / Под ред. Н. А. Меркурьевой, А. В. Овсянникова. Орел, 2015б. С. 208–238.
- Гришаева Л. И.** Парадоксы медиалингвистики. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2015а. 295 с.
- Ефанов А. А.** Моральные паники как фактор социальных изменений: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2016. 22 с.
- Карасик В. И., Ярмахова Е. А.** Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006. 240 с.
- Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А.** Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 194–199.
- Красовская О. В.** Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 53–59.
- Крышталева В. Е.** Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 77–90. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-77-90
- Слесарева Е. Р., Рыжкина О. А., Фефелов А. Ф.** Трактовка темы австралийской идентичности в национальной прессе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 105–119. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-105-119
- Сычев А. А.** Моральная паника как форма существования скандала в современном мире // Скандал: социофилософские очерки / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. С. 185–204.
- Тенева Е. В.** Политические стереотипы в британском политико-публицистическом дискурсе // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2014. Вып. 2. С. 131–140.
- Фефелов А. Ф.** Геокультурные координаты российской переводческой интерпретанты (Западно-Восточный переводоведческий диван) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 55–78.
- Фефелов А. Ф.** Медиафеномен Н. Хомского и его рецепция в русскоязычном информационном пространстве (риторика, семиотика, перевод) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 6: Журналистика. С. 112–122.

- Фефелов А. Ф.** Семантика и прагматика взаимодействия британской и китайской культур в поликодовом тексте документального фильма // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016б. Т. 14, вып. 4. С. 60–80.
- Фефелов А. Ф.** Этносемантические свойства культурной среды: рефракция и адаптация // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016а. Т. 14, вып. 3. С. 15–33.
- Фридрих Гуго.** Темнота, «герметизм», Унгаретти (из гл. V. Европейская лирика в XX столетии) // Структура современной лирики (пер. Е. Головина). URL: <http://golovinfond.ru/content/gfridrih-struktura-sovremennoy-liriki-perev-egolovina>
- Яковенко Е. Б.** История и типология переводов библии на германские языки // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. Т. 3, № 1. С. 11–20.
- Britton, Wesley.** Rudyard Kipling's "Great Game": Kim, Spy Stories, and "The Spies March". 2007. URL: <http://spywise.blogspot.com/2007/07/rudyard-kiplings-great-game-kim-spy.html>
- Chomsky, Noam.** The political economy of the mass media: an interview with Edward S. Herman; coauthor of Manufacturing Consent by Robert W. McChesney. *Monthly Review*, January 1989. URL: <http://chomsky.narod.ru/ed.htm> (accessed 10.01.2017).
- Chomsky, Noam.** The Politics of Red Lines: Putin's take over of Crimea scares U.S. leaders because it challenges America's global dominance. 2014. URL: http://chomsky.info/articles/2014_0501.htm
- Dijk, T. A. van.** Discourse and manipulation. *Discourse and Society*, 2006, no. 17 (2), p. 359–383.
- Goode, E., Ben-Yehuda, N.** Moral Panics: The Social Construction of Deviance. Wiley-Blackwell, 1994, 280 p.
- Hamer, Mary.** "The Spies' March" (lexical comments). 2014. URL: http://www.kiplingsociety.co.uk/rg_spies1.htm
- Riegert, K., Collins, S.** Politainment. 2016. DOI 10.1002/9781118541555.wbiepc157
- Townsend, Juliet.** The Cambridge Edition of the Poems of Rudyard Kipling', by Thomas Pinney (ed.). *The Spectator*, 20 April 2013.

Список источников

- Оношкович-Яцына Ада.** Марш шпионов. URL: <http://www.lander.odessa.ua/Forum/index.php?t=100;> http://www.hiperinfo.ru/publ/gumanitarnye_nauki/dzhozef_redjard_kipling_90/4-1-0-20517
- Откровение Иоанна Богослова. Образы апокалипсиса. URL: <http://hram-troicy.prihod.ru/articles/view/id/1151450>
- Шарапова Алла.** Шпионский марш. URL: <https://stihi.ru/2010/01/19/8479/>. Св-во о публикации № 110011908479. Copyright: Алла Шарапова, 2010.
- Kipling, R.** The Spies' March. URL: http://www.kiplingsociety.co.uk/rg_spies1.htm
- John writes Revelation. Откровение Святого Иоанна Богослова / Holy Bible. New Evangelical Translation / New Testament. Новый Завет. Cleveland, NET Publishing, 1993, p. 1111–1207.
- The Revelation of St. John The Divine. The First Scofield Reference Bible, 1986, p. 1330–1353.

References

- Alekseev, A. B.** Constructing moral panic in political media discourse. *Political Linguistics*, 2017, no. 2 (62), p. 50–64. (in Russ.)
- Britton, Wesley.** Rudyard Kipling's "Great Game": Kim, Spy Stories, and "The Spies March". 2007. URL: <http://spywise.blogspot.com/2007/07/rudyard-kiplings-great-game-kim-spy.html>
- Chomsky, Noam.** The political economy of the mass media: an interview with Edward S. Herman; coauthor of Manufacturing Consent by Robert W. McChesney. *Monthly Review*, January 1989. URL: <http://chomsky.narod.ru/ed.htm> (accessed 10.01.2017).

- Chomsky, Noam.** The Politics of Red Lines: Putin's take over of Crimea scares U.S. leaders because it challenges America's global dominance. 2014. URL: http://chomsky.info/articles/2014_0501.htm
- Dijk, T. A. van.** Discourse and manipulation. *Discourse and Society*, 2006, no. 17 (2), p. 359–383.
- Efanov, A. A.** Moral panics as a factor of social changes. PhD Thesis. Saransk, 2016, 179 p. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Ethnosemantic properties of cultural media: refraction and adaptation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016a, vol. 14, no. 3, p. 15–33. (in Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnosemanticheskie-svoystva-kulturnoy-sredyrefraktsiya-i-adaptatsiya>
- Fefelov, A. F.** Geocultural Coordinates of the Russian Translation Thought and its Interpretative Background (East-West Translational Divan). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 55–78. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Semantics and Pragmatics of British and Chinese Cultural Interactions in Multimodal Text of a Documentary. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 60–80. (in Russ.) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28092707>
- Fefelov, A. F.** Chomsky's media phenomenon and its reception in Russia: rhetoric, semiotics, translation. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2017, vol. 16, no. 6, p. 112–122. (in Russ.)
- Friedrich, Hugo.** Opacity, «hermetism», Ungaretti (из гл. V. European lyrical poetry of the XX century). In: Structure of the Modern Opacity, «hermetism», Ungaretti (ch. V. European lyrical poetry). Trans. from German by E. Golovin. (in Russ.) URL: <http://golovinfond.ru/content/gfriedrih-struktura-sovremennoy-liriki-perev-egolovina>
- Galperin, I. R.** Text as an Object of Linguistic Study. Moscow, Nauka, 1981, 138 p. (in Russ.)
- Goode, E., Ben-Yehuda, N.** Moral Panics: The Social Construction of Deviance. Wiley-Blackwell, 1994, 280 p.
- Grishaeva, L. I.** Paradoxes of Medialinguistics. Voronezh, Nauka-Unipress, 2015, 295 p.
- Grishaeva, L. I.** Techniques and Means of Building a Manipulative Mediadiscourse. In: Discourses of Power. Monograph. Eds. N. A. Merkurieva, A. V. Jvsyannikov. Orel, 2015, p. 208–238. (in Russ.)
- Hamer, Mary.** “The Spies’ March” (lexical comments). 2014. URL: http://www.kiplingsociety.co.uk/rg_spies1.htm
- Karasik, V. I., Yarmahova, E. A.** Linguocultural archetype “An English Crank”. Moscow, Gnosis, 2006, 240 p. (in Russ.)
- Kolmogorova, A. V., Kalinin, A. A., Taldykina, Yu. A.** Parametrisation of Linguistic Signs of Manipulation in a Polarized Political Discourse. *Political Linguistics*, 2016, no. 4, p. 194–199. (in Russ.)
- Krasovskaya, O. V.** Information War as a Communicative Phenomenon. *Political Linguistics*, 2016, no. 4, p. 53–59. (in Russ.)
- Kryshtaleva, V. E.** Military Metaphors in the Discourse of the Presidents of Russia and France in the Beginning of 21st Century. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 77–90. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-77-90
- Riegert, K., Collins, S.** Politainment. 2016. DOI 10.1002/9781118541555.wbiepc157
- Slesareva, E. R., Ryzhkina, O. A., Fefelov, A. F.** Faces and Visions of the Australian Identity in the Aussie National Press. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 105–119. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-105-119
- Sychev, A. A.** Moral Panic as a Modern Form of Public Scandal. In: Dmitriev A. V., Sychev A. A. Scandal: socio-philosophical essays. Moscow, CSPM, 2014, p. 185–204. (in Russ.)
- Teneva, E. V.** Political Stereotypes in British Mass Media Discourse. *Vestnik St. Petersburg State Uni. Series 9*, 2014, no. 2, p. 131–140. (in Russ.)
- Townsend, Juliet.** The Cambridge Edition of the Poems of Rudyard Kipling', by Thomas Pinney (ed.). *The Spectator*, 20 April 2013.

- Vinogradov, V. S.** Introduction into Translation Studies (general and lexical issues). Moscow, Publications of the Institute of Education, 2001, 224 p. (in Russ.)
- Yakovenko, E. B.** History and Typology of the Bible translations into Germanic Languages. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2005, vol. 3, no. 1, p. 11–20. (in Russ.)

List of Sources

- Onoshkovich-Yatsina, Ada.** Marsh shpionov. URL: <http://www.lander.odessa.ua/Forum/index.php?t=100>; http://www.hiperinfo.ru/publ/gumanitarnye_nauki/dzhozef_redjard_kipling_90/4-1-0-20517
- The Revelation of St. John The Divine. Images of the Apocalypse. URL: <http://hram-troicy.prihod.ru/articles/view/id/1151450>
- Sharapova, Alla.** Shpionsky Marsh. URL: <https://stihi.ru/2010/01/19/8479/>. Certificate of publication № 110011908479. Copyright: Алла Шарапова, 2010.
- Kipling, R.** The Spies' March. URL: http://www.kiplingsociety.co.uk/rg_spies1.htm
- John writes Revelation. Откровение Святого Иоанна Богослова / Holy Bible. New Evangelical Translation / New Testament. Новый Завет. Cleveland, NET Publishing, 1993, p. 1111–1207.
- The Revelation of St. John The Divine. The First Scofield Reference Bible, 1986, p. 1330–1353.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
03.03.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

- Боголюбов (Фефелов) Анатолий Федорович**, кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
- Anatoli F. Bogolubov (Fefelov)**, Cand. of Sci. (Linguistics), Associate Professor, Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
- bobyrgan@mail.ru
SPIN 6759-3782

УДК 81

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-154-166

Неповторимый стиль Льва Владимировича Щербы

А. Д. Палкин

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена юбилею Льва Владимировича Щербы, известного лингвиста, чей вклад в развитие российского языкознания трудно переоценить. В 2020 г. исполняется 140 лет со дня его рождения. В статье предпринята попытка продемонстрировать прикладную сторону работы ученого. В то время как о теоретических положениях, разработанных Л. В. Щербой, написано большое количество работ, особенностям работы творческой мысли ученого уделяется меньше внимания. Показана практическая значимость работ Л. В. Щербы в области стилистики, фонетики, лексикографии и грамматики. Отдельное внимание уделяется изданию серии сборников под названием «Русская речь». Эта серия появилась в первую очередь благодаря усилиям Л. В. Щербы. Он был ее бессменным редактором. Там же он опубликовал ряд важных для своего научного творчества работ. Кроме того, рассматриваются взгляды Л. В. Щербы на особенности преподавания иностранных языков в Советском Союзе. Показано, что Л. В. Щерба стремился разработать максимально эффективные рекомендации с учетом тех сложностей, которые существовали в СССР в связи с изучением иностранных языков. Трудно переоценить вклад ученого в развитие российской лингвистики в качестве организатора, педагога и научного руководителя, сумевшего объединить вокруг себя талантливых учеников, которые достойно развивали идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ, одним из ярчайших последователей которого являлся Л. В. Щерба. Научное и педагогическое наследие Л. В. Щербы неотделимо от традиций российского языкознания.

Ключевые слова

Лев Владимирович Щерба, русский язык, стилистика, фонологическая школа, иностранные языки

Для цитирования

Палкин А. Д. Неповторимый стиль Льва Владимировича Щербы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 154–166. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-154-166

On Distinctive Style of Lev Shcherba

Alexei D. Palkin

*Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article is dedicated to the anniversary of Lev Shcherba, a famous linguist whose contribution to the development of Russian linguistics cannot be overemphasized. The year 2020 marks 140 years since his birth. This article attempts to demonstrate the applied aspects of the scholar's work. While a lot of works have been written on various theoretical ideas suggested and/or elaborated by L. Shcherba, less attention has been paid to the specific character of his scientific creativity. Practical importance of L. Shcherba's works for stylistics, phonetics, lexicography and grammar is underpinned. Special focus is made on the publication of a symposia series named "Russian Speech". This series came about largely owing to L. Shcherba's efforts. He became its perpetual editor. That was where he published a number of his crucial works. Also, Shcherba's views on teaching foreign languages in the Soviet Union are analysed. It is noted that L. Shcherba strived to put forward effective recommendations taking into account all the obstacles in learning a foreign language that existed in the USSR. It is hard to overestimate Shcherba's contribution to Russian linguistics.

© А. Д. Палкин, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 2

as an organizer, a teacher, and a scientific advisor who managed to unify talented disciples that did their best to keep on elaborating the ideas of I. A. Baudouin de Courtenay whose most outstanding follower L. Shcherba was. His scientific and pedagogical heritage is inseparable from the traditions of Russian linguistics.

Keywords

Lev Shcherba, Russian language, French phonetics, bilingual lexicography, Leningrad phonological school, Russian stylistics, verse analysis, foreign and French language teaching

For citation

Palkin, Alexei D. On Distinctive Style of Lev Shcherba. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 154–166. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-154-166

Введение

В 2020 г. исполняется 140 лет со дня рождения выдающегося русского лингвиста Льва Владимировича Щербы, который на протяжении многих лет трудился в Петербургском (позднее Петроградском, позднее Ленинградском) университете. Для справки укажем, что датой рождения ученого является 20 февраля 1880 г. по старому стилю, в связи с чем во всех справочниках обычно приводятся две даты: собственно 20 февраля и – уже по новому стилю – 3 марта.

О Льве Владимировиче написано огромное количество статей, в связи с этим сложно написать об ученом что-то новое. Влияние Л. В. Щербы на отечественное языкознание столь огромно, что его творчество уже разобрано по крупицам и проанализировано досконально (см., например, [Зиндер, Матусевич, 1974]). Тем не менее о Щербе нельзя не писать. В данной статье мы предпримем попытку показать, как работал гений ученого в ходе исследований различных аспектов языка. При этом мы не будем сосредотачиваться на всем корпусе работ Л. В. Щербы, а покажем некоторые особенности творческого мышления ученого на примере ряда его работ. При этом мы сознательно обходим стороной известнейшую статью «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», поскольку она является наиболее подробно изученной и проанализированной.

Здесь же оговоримся, что вынесенное в заглавие слово «стиль» понимается в данной статье во всей его многозначности. Мы предпримем попытку осветить особенности научной работы академика, его организаторские способности и педагогический талант, в связи с чем уместно говорить о научном стиле, организаторском стиле и преподавательском стиле Щербы.

Как правило, статьи о Л. В. Щербе начинаются рассказом о жизненном пути ученого. Мы не будем повторяться и сразу перейдем к рассуждениям о том, каким образом ученый подошел к интерпретации языковых явлений. При этом следует оговориться, что трудно переоценить вклад Щербы в развитие общего языкознания, стилистики, грамматики, фонетики и фонологии, в теорию ряда иностранных языков, теорию письма и лексикологию, равно как и в развитие педагогической мысли и пропаганду образования и науки.

Л. В. Щерба как ученый

Л. В. Щерба уверенно вписал свое имя в анналы истории русского языка одной своей фразой, которая многократно цитируется и является ярким примером разветвленной системы флексий русского языка: «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка». В этой фразе удачно подобрано каждое слово. Дело не только в том, что словосочетание «глокая куздра» указывает на некое лицо женского пола. Звуки, образующие эти слова, вызывают негативные ассоциации, потому становится понятно, что от этого существа не приходится ожидать ничего хорошего. Слово «штеко» со всей очевидностью является наречием, причем фонетически подобрано таким образом, что ассоциируется с неким резким движением. Далее следует глагол «будланула», который воспринимается как некоторое агрессивное

действие наряду со следующим глаголом – «кудрячит», причем, тогда как первый глагол передает однократное действие, второй выражает некоторый процесс. Наконец, из фразы совершенно очевидно, что действия совершались над неким «бокром» – существом мужского пола и «бокренком», т. е. детенышем бокра. Всю эту фразу в состоянии по достоинству оценить только носитель русского языка. Она совершенно не поддается переводу на другие языки. При этом нельзя сказать, что фраза лишена смысла. Смысл в ней обнаруживается за счет того, что во всех квазисловах использованы реальные флексии русского языка, хотя все корни вымышлены. Удачный подбор грамматических категорий и звуков, составляющих каждое отдельно взятое слово, демонстрирует талант Щербы и как грамматиста, и как фонетиста.

Здесь же необходимо отметить стремление Льва Владимировича популяризировать русский язык, русское языкознание и русскую литературу, подтверждением чего является серия сборников «Русская речь», редактором и вдохновителем которой он являлся. Данная серия не имеет никакого отношения к журналу «Русская речь», издаваемому Институтом русского языка им. В. В. Виноградова, если не считать того, что сам В. В. Виноградов не раз публиковался в «журнале Щербы». Основными задачами, которые ставил Щерба, приступая к публикации сборников, являлись исследование живой речи и литературного языка.

Идея популяризации языковедения на примере анализа различных аспектов русского языка долгое время занимала мысли Щербы. Реализация идеи произошла в 1923 г., когда в Петрограде вышел первый выпуск сборника, авторами которого стали ведущие лингвисты того времени, включая самого Щербу. Время тогда было непростое и беспокойное, в связи с чем этот первый выпуск серии оказался последним. Однако Щерба не отказался от своей идеи и добился того, чтобы проект публикации сборников был продолжен. В 1927–1928 гг. уже в Ленинграде увидели свет три выпуска сборника «Русская речь» под шапкой «Новая серия». Щерба планировал продолжать серию, но, скорее всего, снова возникли проблемы с финансированием, в связи с чем публикацию сборника пришлось прервать. Лев Владимирович не оставлял попыток продолжить издание сборников. Ближе всего к возобновлению публикации серии он был в начале 1940-х гг., однако на этот раз реализации проекта помешала продолжительная болезнь и последовавшая за ней смерть ученого в 1944 г. Без него работа над данной серией полностью остановилась. Получается, что серия сборников «Русская речь» составила только четыре выпуска: один – в 1923 г. и три – в 1927–1928 гг. Сборники «Русская речь» под редакцией Л. В. Щербы быстро нашли отклик у научной общественности страны. В том же 1923 г. в журнале «ЛЕФ» вышла рецензия Г. О. Винокура [1923], в которой он оставил отзыв о каждой статье сборника, высказав критические замечания почти обо всех работах, вошедших в первый выпуск «Русской речи», в том числе о статье самого Щербы. Похвалы удостоился лишь В. В. Виноградов за статью «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем жития протопопа Аввакума» [Виноградов, 1923; Винокур, 1923].

Статью Л. В. Щербы «Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. “Воспоминание” Пушкина» действительно сложно отнести к выдающимся научным трудам. Сам Щерба в начале статьи признавал: «Не без колебаний решаюсь я напечатать этот маленький этюд, в котором выступаю в значительной мере в качестве дилетанта» [Щерба, 1923. С. 13]. Однако в статье Виноградова, которая понравилась Винокуру, не раз встречаются ссылки на статью Щербы «О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов» [Щерба, 1915].

Л. В. Щерба внес немалый вклад в отечественную стилистику, неоднократно обращаясь к проблемам стилистики в различных своих работах. Так, в статье «Современный русский литературный язык» Щерба, вероятно, вслед за Ш. Балли, предлагает выделять четыре «слоя слов» (в XXI в., скорее всего, предпочли бы термин «стиль»): торжественный, нейтральный, фамильярный и вульгарный. В качестве иллюстрации ученый приводит цепочку слов «лик – лицо – морда – рожа», соответствующие четырем вышеупомянутым категориям. Далее отдельно выделяются «стихотворный язык» и «язык драмы». Щерба заключает, что «русский

литературный язык должен быть представлен в виде концентрических кругов – основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключить в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок» [Щерба, 1957в. С. 121]. Здесь Щерба подчеркивает уникальную особенность языка художественной литературы включать в себя элементы всех возможных языковых стилей. Если, например, в техническом стиле сложно ожидать появление вульгаризмов, а в научном стиле вряд ли появятся развернутые метафоры, в литературном языке возможен любой стилистический поворот либо в речи героев, либо как отсылка к некоторому документу.

Между тем ученый находился в постоянном поиске. В другой статье он предложил уже несколько иной перечень «слоев слов» – слова возвышенные, обыденные, фамильярные и официальные. При этом Л. В. Щерба исходил из положения о том, что «самым деликатным, самым уязвимым и вместе с тем очень важным элементом языка является его стилистическая структура. Большинство эффектов литературной речи основано на тонкой игре стилями» [Щерба, 1957а. С. 138]. Из этих идей Щербы развились многие современные стилистические теории, в частности направление коммуникативной стилистики (см., например, [Мкртычян, 2012]).

О постоянном росте Л. В. Щербы как ученого можно судить по эволюции качества двух его работ, посвященных стилистическому анализу стихотворений. Мы уже говорили о том, что опыт анализа стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминание», опубликованный в 1923 г., оказался не самым удачным. Тринадцать лет спустя увидел свет анализ другого стихотворения – лермонтовской «Сосны». Сравнение этих двух опытов (или лексико-стилистического анализа, как принято говорить в лингвистике XXI в.) свидетельствует о выигрышности второго по сравнению с первым. В анализе немецкого оригинала Л. В. Щерба, в частности, аргументированно доказывает, что перевод названия с помощью эквивалента «сосна», предложенный М. Ю. Лермонтовым, является неудачным, так как искажает изначальную, как теперь сказали бы, «гетеросексуальную» идею Г. Гейне – автора стихотворения-первоисточника на немецком языке – о неразделенной любви. Дело в том, что в немецком оригинале любовь символически представлена через образы двух деревьев, северной пихты (в немецком мужской род) и южной пальмы (женский род). У Лермонтова же и сосна, и пальма, выбранные в качестве эквивалентов, являются существами женского рода, в связи с чем идея любви оказалась полностью выхолощена: в версии Лермонтова страданиям предаются два одиночества, волею судеб оказавшиеся в разных частях земного шара.

Щерба, по всей видимости, стремился к сериальности своих работ. Именно по этой причине статья 1923 г. носила цифру I, а в заглавии значилось слово «стихотворений», т. е. изначально предполагалось, что анализу будут подвергнуты и другие стихотворения. В 1936 г. вышел второй стилистический разбор, озаглавленный цифрой II. Из этого следует, что ученый почти 15 лет вынашивал идею публикации второго разбора, в итоге решившись претворить задуманное в жизнь. Приводим ссылку по классическому собранию сочинений Л. В. Щербы [Щерба, 1957б].

Вклад Щербы в стилистику русского языка очевиден, но никакая статья о Щербе не будет полноценной, если не отметить вклад этого выдающегося ученого в развитие фонетики и фонологии. Хорошо известно, что Л. В. Щерба является основателем Петербургской фонологической школы (которая долгое время называлась Ленинградской фонологической школой). Ученый просто планомерно претворял в жизнь свои идеи, обретал сторонников, в результате чего количество человек, придерживавшихся единого взгляда в данном случае на фонологическую проблематику, достигло той критической массы, когда стало возможно говорить о существовании фонологической школы как объединения единомышленников. В частности, следует упомянуть о том, что осуществленное еще до событий 1917 г. исследование русских гласных [Щерба, 1912] положило начало той славе, которую Л. В. Щерба сни-

скал как фонетист. Речь о его магистерской диссертации. С этой работы можно вести отсчет становления фонологической теории Щербы [Пищальникова, Потапов, 2003].

О чем же писал Л. В. Щерба в сделавших его знаменитым «Русских гласных...»? Помимо фундаментального теоретического задела, который послужил основой дальнейших изысканий как для самого Щербы, так и для большого количества ученых, занимавшихся теоретической фонетикой, Лев Владимирович оставил нам ряд наблюдений – подчас очевидных, подчас неявных – об отличительных особенностях гласных в русском языке. Так, любопытным представляется наблюдение о том, что гласные «а», «и», «у», «э», «о» могут выступать в качестве самостоятельных слов. Единственная гласная, которая не выполняет такой функции, – «ы». Это весьма меткое замечание, которое, впрочем, утратило свою актуальность после того, как братья Стругацкие ввели в повесть «Трудно быть богом» такого персонажа, как «вепрь Ы», а режиссер Л. Гайдай представил массовой публике комедию «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». Между тем, тогда как первые пять гласных характерны для всех западно-европейских языков, гласная «ы» не встречается ни в одном из них. Другим заслуживающим внимания выводом является констатация того факта, что длительность гласных в русском языке не находится в зависимости от длительности соседних гласных в слове. Сама идея обсуждения длительности гласных в русском языке является достаточно смелой (для начала XX в. она, несомненно, именно такой и была), поскольку, как известно, долгота гласных в русском языке не выполняет смысловоразличительной функции. Тем не менее Щерба не прошел мимо данного вопроса. Уже в первых его работах прослеживалась основная черта Л. В. Щербы – доскональный разбор языковых явлений.

Апогеем фонетических изысканий Щербы стал его труд «Фонетика французского языка» [1963]. В этой работе Щерба развивает и уточняет идеи, выдвинутые в «Русских гласных...». Он окончательно формулирует понятие фонемы как единицы, отвечающей как за словоразличение, так и за морфеморазличение, и противопоставляет фонему оттенку фонемы, который не обладает дистинктивной функцией.

Отличительной чертой научного стиля Л. В. Щербы является стремление максимально упорядочить излагаемый материал. Это четко прослеживается хотя бы в том, что «Фонетика французского языка» разбита на 283 коротких параграфа, каждый из которых содержит некоторый смысловой фрагмент. Также следует обратить внимание на то, что Щерба изъясняется максимально простым языком, избегая громоздких наукообразных конструкций, например: «Но оказывается, что коверкание произношения не только комично, но иногда ведет и к непониманию или по крайней мере к замедлению понимания речи» [Там же. С. 13]. Такой стиль заметно упрощает восприятие текста и позволяет освоить предлагаемые рекомендации по овладению французским произношением даже начинающим лингвистам. Однако в не меньшей мере ценна эта работа для маститых ученых. В частности, предложенным Щербой разделением произносительных ошибок на фонетические и фонологические активно пользуются до сих пор.

В цитированной работе Л. В. Щерба проявил себя как тонкий знаток французского языка. Вместе с тем следует понимать, что русский язык и русская речь служили ученому отправной точкой в его разноплановых исследованиях. Так, в статье «О частях речи в русском языке» были заложены многие ключевые определения из области грамматики, которые впоследствии получили всестороннее применение – и не только для описания русского языка. Данная статья вышла в уже упомянутом сборнике «Русская речь», но не в первом его выпуске, а в новой серии [Щерба, 1928]. Л. В. Щерба одним из первых сформулировал то, что проходят в обязательном порядке современные школьники по части грамматики: а именно предложил систематическое описание частей речи, пусть оно и несколько отличается от того, которое принято в русистике XXI в., причем все свои теоретические рассуждения он подкреплял исчерпывающими примерами и развернутой доказательной базой. Особого интереса в данной статье, на наш взгляд, заслуживает разбор категории состояния в русском языке. Показано, что эту грамматическую категорию могут выражать и глаголы, и существитель-

ные, и прилагательные, при этом Щерба отказывает наречиям в способности выражать данную категорию, констатируя, что передающее состояние наречие оказывается вне каких-либо категорий. Из этого делается вывод о теоретическом характере грамматических описаний: не значения слов подводятся под некую категорию, а категория в рамках научного анализа обретает значение, под которое подводятся слова. Щерба не единожды констатирует затруднительность подведения того или иного слова под некоторую категорию. В этом смысле его подход находится в противоречии с современным формализованным подходом к грамматическим отношениям, где красной линией проходит идея о необходимости все классифицировать. Оба подхода имеют право на существование. Первый свидетельствует о творческом поиске, в котором находился ученый, второй демонстрирует развитие современной грамматики. Л. В. Щерба одним из первых вступил на путь упорядочения грамматической теории. Его последователи продолжили этот путь достойно.

Нельзя не упомянуть и о вкладе ученого в теорию и практику двуязычной лексикографии. Л. В. Щерба разработал революционный для своего времени подход к составлению словарей, в котором была предпринята успешная попытка создать русско-французский объяснительный словарь, тем самым значительно облегчив работу переводчикам и просто изучающим французский язык. Речь, разумеется, о «Русско-французском словаре» [Щерба и др., 1936], составленном под руководством Щербы. Этот словарь до сих пор не утратил актуальности. Его особенность в том, что, помимо собственно перевода слов с одного языка на другой, в нем объясняется, когда и как следует употреблять те или иные варианты перевода.

Также следует подчеркнуть, что идеи Л. В. Щербы возымели влияние на развитие психолингвистики – направления, которое возникло через несколько лет после смерти ученого. В частности, А. А. Залевская, развивая положение Щербы о тройном аспекте языковых явлений, предложила рассматривать языковые явления в четырех ипостасях: речевая деятельность, языковая система, языковой материал, речевая организация человека. Речевая организация является не просто фактором, обуславливающим речевую деятельность, но единством процессов переработки и упорядочения многогранного – не только речевого – опыта человека (языкового материала) и становления на этой основе его индивидуальной языковой системы [Залевская, 2005. С. 32–37].

А. А. Яковлев идет дальше, заявляя о неприменимости анализа языковой системы для исследования языкового сознания. Отталкиваясь от идеи Щербы о текстах как совокупности всего говоримого и понимаемого, Яковлев подчеркивает, что исследование языкового сознания должно опираться прежде всего на специально организованный эксперимент, когда группа людей поставлена в относительно одинаковые условия, т. е. сторонние факторы сведены к минимуму или «направлены», учтены, организованы техникой эксперимента. Тогда результат исследования будет содержать не все и любые характеристики объекта и способы познания, а лишь те, которые согласуются с целью исследования [Яковлев, 2018. С. 61–62]. Перед нами яркий пример того, как научная деятельность Л. В. Щербы продолжает оказывать влияние на развитие лингвистической мысли в XXI в.

Л. В. Щерба как педагог

Отвлекаясь от собственно научной стороны творчества ученого, следует подчеркнуть, что Л. В. Щерба жил в эпоху кардинальных перемен в жизни России. Тем ценнее его свидетельство как очевидца о положении дел с грамотностью на заре становления Советского Союза. Вот что он писал в статье «Безграмотность и ее причины» в 1927 г.: «Доказывать, что грамотность наших школьников сильно понизилась, – значило бы ломиться в открытую дверь. Это обнаруживается на приемных экзаменах в высшие учебные заведения и техникумы; на уровне грамотности секретарей, недавно окончивших школу; при обследованиях школ, и вообще везде, где приходится наблюдать людей, обучавшихся письму последнее время. Не надо, конечно, думать, что в прежнее время по этой части все обстояло благополучно; вопрос

о поднятии грамотности всегда стоял на очереди. Но надо откровенно признать, что сейчас этот вопрос приобрел совершенно необычную остроту и что вопли о недопустимой безграмотности питомцев нашей школы отнюдь не преувеличены. Надо откровенно признать, что этот пробел в нашем школьном деле дошел до размеров общественного бедствия, что об этом надо кричать и изыскивать меры для его изживания» [Щерба, 1927. С. 56]. Эти слова принадлежат выдающемуся лингвисту и педагогу, который искренне симпатизировал советской власти, не раз положительно отзываясь в своих работах о В. И. Ленине и коммунистическом строе. И эти слова полностью опровергают известный советский миф о том, что в до-революционной России почти все были безграмотными, а сразу после прихода Советской власти стали образованными. Как отмечает Л. В. Щерба, на середину 1920-х гг. ситуация с грамотностью населения России стала даже хуже, чем ранее. Понятно, что со временем в стране установилась всеобщая грамотность, но это произошло не столько благодаря стараниям большевиков, у которых, как мы видим, вначале этот процесс шел из рук вон плохо, а благодаря естественному глобальному процессу распространения всеобщего образования.

В процессе распространения всеобщего образования Л. В. Щерба как лингвист принимал самое активное участие. Еще до революции он вел для студентов Петербургского университета кружок «по изучению живого русского языка», т. е. по сути изучалась разговорная русская речь. Уже после революции Щерба стал ученым секретарем института с говорящим названием «Институт живого слова». Мы видим, что интересы ученого выходили далеко за рамки фундаментальной науки. Несложно заметить, что Щербу в значительной степени интересовала устная речь. Результатом этого интереса стало построение курса практической фонетики, разработка которого привела к созданию транскрипции. Составление транскрипции само по себе стало отдельной научной и педагогической задачей, потребовавшей немало усилий. Интерес Щербы к звучащей речи привел к возникновению такой дисциплины, как экспериментальная фонетика.

Так как Л. В. Щерба был выдающимся фонетистом, преподаванию фонетики он уделял особенное внимание – не только в высших учебных заведениях, но и на организованных им курсах иностранных языков. Более того, в Ленинграде он стал вдохновителем создания Фонетического института практического изучения языков, приняв активное участие в его работе в качестве преподавателя, внедряя ставший крайне популярным фонетический метод преподавания (более подробно см., например, в [Светозарова, 2017]).

Л. В. Щерба работал в ведущих вузах страны, готовя лингвистов самых различных направлений. При этом его научные интересы тесно переплетались с его педагогической деятельностью. Выше мы писали о том, какое большое значение для становления фонетической науки имела работа Щербы «Фонетика французского языка». Важно подчеркнуть, что основной целью написания этой работы было создание качественного пособия по освоению фонетического аспекта французского языка. В самом начале книги читаем: «Книга эта выросла из моего более чем двадцатилетнего опыта преподавания студентам-романистам теории и практики французского произношения» [Щерба, 1963. С. 3]. На этой книге выросли несколько поколений филологов, так или иначе изучавших французский язык. Характерен научный подход Щербы к процессу обучения: «Как и мое преподавание, книга построена на систематическом сравнении французской фонетики с русской» [Там же]. При этом ученый продумал учебник таким образом, что по нему могли заниматься и начинающие, и те, кто уже достаточно хорошо владел французским языком. В предисловии к книге Щерба дает рекомендации по прохождению учебника в зависимости от уровня языковой подготовки читателей.

Помимо собственно преподавательской деятельности Щерба активно занимался научным руководством. О его организаторских способностях мы уже рассказали на примере серии сборников «Русская речь», появление которых было бы невозможно без активного участия ученого и как автора, и как редактора, и как вдохновителя данного, как сейчас модно гово-

ритель, проекта. В то же время необходимо отметить, что под руководством Л. В. Щербы выросла целая плеяда талантливых ученых, которые, в свою очередь, внесли огромный вклад в исследование русского языка и русской речи. Таким образом, будучи продолжателем идей И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щерба сумел не только создать из наследия этого блестящего ученого полноценную научную школу, но и воспитать новое поколение лингвистов, среди которых такие известные, как В. В. Виноградов, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, С. И. Ожегов, Л. П. Якубинский и др.

Сам факт преподавания в Ленинградском государственном университете на протяжении многих лет свидетельствует об огромном педагогическом таланте и опыте ученого. Рассмотрим логику его педагогической мысли на примере издания, в котором Л. В. Щерба излагал свои взгляды на методику преподавания иностранных языков [Щерба, 1974], причем он делал это, опираясь на свой университетский опыт преподавания французского. Излагаемая им методика преподносится с трех основных позиций: наблюдателя, методолога и фонетиста. Щерба простым языком описывает шаги, которым должны следовать обучающиеся иностранным языкам.

Некоторые идеи ученого для современного педагога могут показаться наивными и устаревшими, но Щерба исходил из ситуации той эпохи, в которой он жил и творил. Он считал необходимым объяснять самые очевидные вещи, понимая, что его труды будут читать не только ведущие ученые страны, но и простые студенты, делающие первые шаги в языкознании и педагогике.

Что же предлагает Щерба человеку, решившему заняться изучением иностранного языка? Во-первых, он предлагает определиться с целями изучения. О поездках за границу с намерением осмотреть достопримечательности западных стран в советское время речи не шло: граница была наглухо закрыта. По этой причине Щерба оговаривается, что целью изучения иностранного языка может стать необходимость читать литературу либо документацию на иностранном языке (эта цель была реализована в программах преподавания иностранных языков аспирантам и студентам неязыковых факультетов и вузов). В таком случае, рассуждает ученый, достаточно выучить грамматику и лексику языка, не углубляясь в произношение (эта цель была реализована также в программах для средних общеобразовательных школ). Если же необходимо изучать разговорную речь, то Щерба рекомендует слушать граммофонные записи и пластинки, на которых звучит иностранная речь. По понятным причинам вариант общения с носителями иностранных языков не рассматривался.

Идеи Щербы о преподавании иностранных языков, как нетрудно заметить, на текущий момент уже частично устарели, однако рассматриваемое издание интересно нам постольку, поскольку демонстрирует работу педагогического гения Щербы, поэтому разберем данную работу подробнее.

О методиках преподавания иностранных языков написано огромное количество литературы, но то, что предлагает Л. В. Щерба, со всей очевидностью стоит особняком от генеральных разработок.

В первую очередь Щерба демонстрирует хорошую осведомленность в истории вопроса, перечисляя наиболее популярные методы преподавания иностранных языков, имевшие и имеющие распространение в зарубежных странах. Все методы получают свое наименование: «натуральный метод» (изучение иностранного языка в ходе погружения в аутентичную среду общения на данном языке), «метод гувернантки» (изучение иностранного языка в ходе регулярного общения с воспитательницей, говорящей на этом языке), «переводно-грамматический метод» (изучение иностранного языка путем анализа иноязычных текстов и их перевода на родной язык), «прямой метод» (изучение иностранного языка с акцентом на произношение и говорение и запретом использования родного языка).

Щерба указывает на достоинства и недостатки каждого метода, дипломатично обходя стороной вопрос о том, что его соотечественники в большинстве своем не имели возможности погрузиться в соответствующую языковую среду или нанять иностранную гувернантку.

Между тем для Щербы-педагога очевидно, что таковое погружение необходимо, в связи с чем он выдвигает идею, которая была реализована уже после его смерти: он пишет о необходимости создания школ, в которых интенсивно изучались бы иностранные языки, причем на этих же языках преподавался бы и ряд общеобразовательных предметов. С 1949 г. в СССР стали появляться такие школы (пусть и в небольшом количестве). Тем самым отчасти компенсировалось отсутствие возможности погружения в иноязычную языковую среду.

Отличительной чертой рассуждений Щербы является готовность признавать несовершенство своих выводов. Например, после обоснования практической значимости изучения иностранных языков и очерчивания умений, которыми должен овладеть учащийся, Щерба сразу оговаривается, что приведенный список не является окончательным и может быть развит и улучшен. Такого рода оговорки – знаменательная черта личности педагога и ученого, который не претендовал на то, чтобы быть истиной в последней инстанции, а просто излагал свои мысли четко и подробно. Ценность этих мыслей была окончательно осмыслена уже после его кончины.

Очень важной идеей, которая в современной методике преподавания иностранных языков занимает ведущее место, является положение о необходимости освободиться из «плена» родного языка и начать мыслить на иностранном языке. Л. В. Щерба выдвигает постулат о «единстве языка и мышления», который только зарождался в начале XX в. и активно продвигался в работах современника Щербы Л. С. Выготского. Мы видим, что Л. В. Щерба рассуждает на уровне передовых открытий и тенденций своего времени.

Еще одним любопытным свидетельством о жизни в Советском Союзе 1930-х – 1940-х гг. является настоятельная рекомендация Щербы не перегружать учебники иностранного языка, тем более учебники для начинающих, политическими текстами. По всей видимости, советская пропаганда была повсеместной. Щерба с осторожностью отмечает, что пропаганда в учебниках должна быть, но ее не должно быть слишком много. Перед нами дипломат, который грамотно оценивал обстановку, в которой жил.

В той же работе обнаруживаем важное с теоретической точки зрения разграничение двуязычия (сейчас более модным является термин «билингвизм») на чистое и смешанное. Л. В. Щерба аргументированно показывает предпочтительность первого в сравнении со вторым.

В конце рассматриваемой работы Щерба вновь раскрывается скорее как ученый, чем как педагог. Он подробно описывает принесшее ему всемирную славу научное положение о тройном аспекте языковых явлений, но на этот раз применительно к педагогике, затем в том же преломлении затрагивает теоретическую грамматику и переводоведение.

Издание «Преподавание иностранных языков в средней школе», как известно, является своего рода завещанием Л. В. Щербы, который писал этот труд, уже будучи тяжело больным. Тем ценнее те перспективы преподавания иностранных языков в школе, которые намечает педагог и ученый. Его фундаментальные рекомендации таковы:

- преподавателям необходимо отбросить предрассудок, будто научиться читать книги на иностранном языке можно лишь в меру практического владения этим языком, т. е. так, как это имеет место на родном языке;
- преподаватели должны учить и разговорному языку, и пониманию текстов;
- заучивать иностранные слова необходимо на основе изучаемых текстов, а не бессистемно, например подряд по словарю (это крайне важное положение, которое до сих пор не всегда соблюдается современными педагогами), причем рекомендуется образовывать из изучаемых новых слов фразы и антонимические пары;
- преподаватели должны быть образцом для учащихся при отработке навыков произношения.

Щерба приводит и ряд других рекомендаций более мелкого характера, которые мы здесь опустим. Рассмотрев педагогическую сторону работы Щербы, мы показали, что педагогическая мысль ученого опиралась на его научные изыскания, при этом некоторые идеи методи-

ческого характера, которые предлагал Щерба, были передовыми не только для его времени, но и для современного состояния преподавания иностранных языков. При этом Щерба проявлял необходимую гибкость, учитывая препятствия к изучению иностранных языков, которые существовали в Советском Союзе в связи со сложившейся политической обстановкой и идеологической подоплекой. Именно в связи с этим можно говорить о том, что некоторые рекомендации Щербы на сегодняшний день устарели по причине отсутствия означенных препятствий.

Заключение

Проведенный обзор работ Щербы как научного, так и педагогического плана, позволяет заключить, что Лев Владимирович был человеком максимально широкого кругозора. Он планомерно делал свою работу и реализовывал свой талант в тех областях знаний, в которых считал себя специалистом. Именно эта стратегия позволила ему быть успешным и в дореволюционную эпоху, и в советский период. Характерной чертой стиля Л. В. Щербы является тщательный анализ каждой отдельно взятой проблемы с приведением наглядных примеров. Ученый не считал возможным сформулировать некий постулат, не подкрепив его добротной доказательной базой. Там, где такой базы не находилось, Щерба скромно писал, что он в данном вопросе не претендует на окончательность своих суждений. Другой отличительной особенностью работ Щербы является составление пошаговой инструкции. Его работы изобилуют различными пунктами, с помощью которых ученый доносит до читателя свои основные тезисы. Таким образом, нумерация играет значительную роль в большинстве работ Щербы, что свидетельствует о стремлении исследователя ввести все имеющиеся данные в некоторую классификацию либо иерархию. Стиль Щербы-ученого и Щербы-педагога незаменим и неповторим.

В данной статье мы намеренно избегали общетеоретических положений, развитых Щербой, поскольку о них писали неоднократно. Мы ставили перед собой задачу показать, каким образом Щербе удавалось делать свои чрезвычайно меткие наблюдения о сущности языка. Хотя предпринятый нами обзор нельзя назвать исчерпывающим, мы надеемся, что поставленную задачу удалось в значительной степени выполнить. Л. В. Щерба, являясь талантливым организатором, с готовностью запускал, как сейчас модно говорить, образовательные и просветительские проекты. Он был не просто лектором: он способствовал сплочению вокруг себя талантливых и думающих людей, будь то студенты университета, посещавшие его кружки, или маститые ученые, объединившиеся в Петербургскую фонологическую школу. При этом необходимо отметить, что большую часть своих лингвистических открытий Щерба сделал в ходе анализа разговорного языка. Изучение русского языка как такового либо в сопоставлении с французским стало своего рода отправной точкой, отталкиваясь от которой ученый делал выводы, являвшиеся передовыми для его эпохи. Резюмируя, подчеркнем: научное наследие Л. В. Щербы по сей день сохраняет свою актуальность как в теоретическом плане, так и в прикладном. К работам Щербы обращались и еще будут обращаться неоднократно, поэтому можно сказать, что научная школа, им созданная, живет и по сей день. Невозможно представить современное отечественное языкознание в отрыве от работ этого выдающегося ученого и педагога.

Список литературы

- Виноградов В. В.** О задачах стилистики. Наблюдения над стилем «Жития протопопа Аввакума» // *Русская речь* / Под ред. Л. В. Щербы. Пг.: Изд. Фонетического института практического изучения языков, 1923. Вып. 1 С. 195–293.
- Винокур Г.** *Русская речь. Сборник статей под редакцией Л. В. Щербы.* Сб. 1. Петроград, 1923, стр. 296 [Рецензия] // *ЛЕФ: Журнал Левого фронта искусств.* 1923. № 4. С. 201–204.

- Залевская А. А.** Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Зиндер Л. Р., Матусевич М. И.** Л. В. Щерба. Основные вехи его жизни и научного творчества // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
- Мкртычян С. В.** Лингвистический статус коммуникативной стилистики в деятельностной парадигме // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 9: Филология. С. 225–229.
- Пищальникова В. А., Потапов В. В.** Лев Владимирович Щерба // Отечественные лингвисты XX века / Редкол.: Ф. М. Березин и др. М.: РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований, 2003. Ч. 3 (Т–Я). С. 123–148.
- Светозарова Н. Д.** Фонетические институты Петербурга-Петрограда-Ленинграда в 1900–1930 гг. // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR)*. 45th International Philological Conference (IPC 2016), 2017, vol. 122, p. 526–529.
- Щерба Л. В.** Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1912. 155 с.
- Щерба Л. В.** О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Записки Неофилологического общества при Императорском петроградском университете / Под ред. Д. К. Петрова, К. Ф. Тиандера. Пг.: Неофилологическое общество, 1915. Вып. 8 (в честь проф. Ф. А. Брауна). С. 339–347.
- Щерба Л. В.** Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. «Воспоминание» Пушкина // Русская речь / Под ред. Л. В. Щербы. Пг.: Изд. Фонетического института практического изучения языков, 1923. Вып. 1. С. 13–56.
- Щерба Л. В.** Безграмотность и ее причины // Вопросы педагогики. 1927., Вып. 2. С. 82–87.
- Щерба Л. В.** О частях речи в русском языке // Русская речь. Новая серия / Под ред. Л. В. Щербы. Л.: Academia, 1928. Вып. 2. С. 5–27.
- Щерба Л. В.** Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку) // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Под ред. М. И. Матусевич. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957а. С. 130–140.
- Щерба Л. В.** Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Под ред. М. И. Матусевич. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957б. С. 97–109.
- Щерба Л. В.** Современный русский литературный язык // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Под ред. М. И. Матусевич. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957в. С. 113–129.
- Щерба Л. В.** Фонетика французского языка. Опыт французского произношения в сравнении с русским. 7-е изд. М.: Высш. шк., 1963. 308 с.
- Щерба Л. В.** Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1974. 112 с.
- Щерба Л. В., Матусевич М. И., Дусс М. Ф.** Русско-французский словарь. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия» ОГИЗ РСФСР, 1936. 788 с.
- Яковлев А. А.** «Языковое сознание» и «языковая картина мира»: совместимость понятий // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 57–69.

References

- Mkrtychan, S. V.** Linguistic status of communicative stylistics in terms of activity paradigm. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, no. 9: Philology, p. 225–229. (in Russ.)

- Pishchalnikova, V. A., Potapov, V. V.** Lev Vladimirovich Shcherba. Russian Linguists of 20th Century. Moscow, RAN INION. Center for Information Studies of the Humanitarian Science, 2003, pt. 3 (T–Ya), p. 123–148. (in Russ.)
- Shcherba, L. V.** Modern Russian literary language. In: Shcherba L. V. Selectas on Russian. Moscow, Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1957, p. 113–129. (in Russ.)
- Shcherba, L. V.** On different styles of pronunciation and ideal phonetic words' realization. Proceedings of Neophilological Society at Imperial Petrograd University. Petrograd, Neofilologicheskoye obshchestvo, 1915, iss. 8 (in honour of prof. F. A. Braun), p. 339–347. (in Russ.)
- Shcherba, L. V.** On parts of speech in the Russian language. In: Russian speech. New Series. Leningrad, Academia, 1928, iss. 2, p. 5–27. (in Russ.)
- Shcherba, L. V.** Phonetics of French. Experience of French Pronunciation in Comparison with Russian. 7th ed. Moscow, Vysshaya Shkola, 1963, 308 p. (in Russ.)
- Shcherba, L. V.** Poor literacy and its reasons. *Problems of Pedagogy*, 1927, iss. 2, p. 82–87. (in Russ.)
- Shcherba, L. V.** Russian Vowels Qualitatively and Quantitatively. St. Petersburg, Publ. house of Yu. N. Erlikh, 1912, 155 p. (in Russ.)
- Shcherba, L. V.** Standard language and ways to develop it (in the context of the Russian language). In: Shcherba L. V. Selectas on Russian. Moscow, Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1957, p. 130–140. (in Russ.)
- Shcherba, L. V.** Teaching Foreign Languages in Secondary School. General Methodological Issues. 2nd ed. Moscow, Vysshaya Shkola, 1974, 112 p. (in Russ.)
- Shcherba, L. V.** Tentative linguistic interpretation of poems. I. “Reminiscence” by Pushkin. In: Russian Speech. Petrograd, Izdaniye Foneticheskogo instituta prakticheskogo izucheniya yazykov, 1923, iss. 1, p. 13–56. (in Russ.)
- Shcherba, L. V.** Tentative linguistic interpretation of poems. II. “Pine-tree” by Lermontov in comparison with its German prototype. In: Shcherba L. V. Selectas on Russian. Moscow, Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1957, p. 97–109. (in Russ.)
- Shcherba, L. V., Matusevich, M. I., Duss, M. F.** Russian-French Dictionary. Moscow, “Sovetskaya Entsyclopediya” OGIZ RSFSR, 1936, 788 p. (in Russ.)
- Svetozarova, N. D.** Phonetic institutes of Petersburg-Petrograd-Leningrad in 1900s–1930s. In: Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR). 45th International Philological Conference (IPC 2016), 2017, vol. 122, p. 526–529. (in Russ.)
- Vinogradov, V. V.** On the objectives of stylistics. Remarks on the “Life of protopope Abbacum”. In: Russkaya rech'. Ed. by L. V. Shcherba. Petrograd, Publ. of the Phonetic Institute of Practical Language Training, 1923, iss. 1, p. 195–293. (in Russ.)
- Vinokur, G.** Russian speech. Collection of articles ed. by L. V. Shcherba. Issue 1. Petrograd, 1923, p. 296 [Review]. *LEF: Journal of the Left Arts' Front*, 1923, no. 4, p. 201–204. (in Russ.)
- Yakovlev, A. A.** Compatibility of the terms “linguistic consciousness” and “language worldview”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 57–69. (in Russ.)
- Zalevskaya, A. A.** Psycholinguistic Research. Word. Text: Selectas. Moscow, Gnozis, 2005, 543 p. (in Russ.)
- Zinder, L. R., Matusevich, M. I.** L. V. Shcherba. Main milestones of life and scientific work. In: Shcherba, L. V. Language System and Speech Activity. Leningrad, Nauka, 1974. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
07.01.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Палкин Алексей Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (ул. Остоженка, 38, Москва, 119034, Россия)

Alexei D. Palkin, Doctor of Philological Sciences, professor of the English Language Department, Moscow State Linguistic University (38 Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russian Federation)

p-alexis@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9865-1693

Информация для авторов

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская
абстрактная адъективная метафоризация

М. А. Кузьмина

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Maria A. Kuzmina

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Keywords

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы / References

Список словарей / List of Dictionaries

Список источников / List of Sources

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

05.12.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Том 18, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 2

в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.tff), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго опре-

деленные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной

терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru